

В.П.Макаренко

**аналитическая
политическая
философия**

очерки политической концептологии

Праксис
Москва 2002

ББКХ061.51 М15

В. П. Макаренко.

М15 Аналитическая политическая философия. — М.: Праксис,
2002.—416 с.—(Серия «Новая наука политики»)
ISBN 5-901574-21-4

Новая книга известного специалиста в области политической теории, автора многочисленных работ, по проблемам бюрократии, политической оппозиции, легитимности и власти, посвящена рассмотрению и критическому анализу основных направлений современной политической философии. Книга будет полезна политологам, философам, а также всем, интересующимся современной политической мыслью.

ББКХ 061.51

Обложка — А. Кулагин, А. Эльконин

Макет, верстка — А. Касьян

ISBN 5-901574-21-4 ©

В. П. Макаренко, 2002

© Издательская группа «Праксис», 2002

Научное издание

Виктор Павлович Макаренко

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Издательская группа «Праксис» ИД № 02945 от 03.10.2000

Подписало в печать 04.08.2002. Формат 60 x 84/16.; Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 26.

Тираж 2,000 экз. Заказ № 4146.

ОЮО «Издательская и консалтинговая группа „Праксис“» 127468, Москва, Коровинское шоссе, д. 9, корп.

2

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Типография „Новости“» 107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46

ВВЕДЕНИЕ

Главный мотив создания книги - развитие политической концептологии (далее ПК). Впервые идея ПК (или политической метатеории) высказана мною в 1995 г. на международной конференции, посвященной столетнему юбилею Львовско-Варшавской школы, а затем изложена в первых публикациях¹. Вначале я думал создать ПК для обобщения результатов предшествующих исследований бюрократии, оппозиции, истории и теории марксизма и легитимности². Однако в ходе реализации замысла оказалось, что ПК не исчерпывается интеграцией перечисленных сфер исследования и не помещается в рамки канонической политической науки (далее ПН). Поворотную роль в формулировке такого убеждения сыграло изучение аналитической философии³, а также работа С. Х. Ляпина, в которой осуществлен концептологический анализ идеальных типов фактуальности⁴.

Применение аналитической философии (далее АФ) к изучению социополитических феноменов в зарубежном и отечественном социогуманитарном знании началось недавно: «В аналитических дисциплинах последних лет на первый план начала выходить политическая философия»⁵. Я занимаюсь проблемами политической философии

фии (далее ПФ) более десяти лет⁶. И рад тому, что предмет настоящей книги совпадает с указанной тенденцией, включая проблему использования АФ для анализа отечественной реальности⁷. Применение философских методов для изучения социально-политических объектов меня всегда интересовало больше философии как таковой. В последние годы я написал ряд книг и статей, в которых ПК применяется для анализа теоретико-социологических и социополитических проблем русской власти, методологических проблем политической философии, современных концепций интересов во взаимосвязи с деятельностью правительства, главных идеологий современности, толерантности и фундаментализма, методологических проблем кавказоведения и т. д.⁸ Промежуточное резюме этих исследований сводится к следующим положениям, которые образуют исходный пункт данной книги.

Политическая концептология - это междисциплинарный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности в ее взаимосвязях со всеми сферами социальной и природной реальности. В философии науки существуют разные концепции междисциплинарности, анализа и понимания⁹. Для конституирования ПК главной является процедура методологического выбора. Этот выбор предполагает дистанцирование исследователя от реальных политических процессов, систем, конъюнктуры и всего корпуса социогуманитарных и политологических знаний. Необходимость дистанции определяется тем, что указанные феномены являются вариантами традиционализма, экономикоцентризма, кротоцентризма и идеократии в региональном, национальном, государственном, цивилизационном и мировом измерениях¹⁰.

Корпус ныне существующих политологических знаний есть комплекс пространственно-временных и властно-си-

туационных модификаций обыденных стереотипов поведения, экономического и политико-правового утилитаризма и прагматизма. Эти модификации отражены в системах международного, конституционного и обычного права и принципах государственного управления. Однако различие религиозных и светских идеологий, систем права и функционирования аппарата власти не преодолено ни в одном государстве современного мира. Поэтому комплекс нормативно-оценочных систем есть множество разновидностей повседневного, административного, юридического и политического нормативизма. Проблема состоит в разработке методологии анализа указанного различия.

Любая нормативно-оценочная система не является политическим фактом. «Реальная политика» связана с иной фактуальностью, типологическими схемами, пониманием разума, воли и интересов, нежели это предполагается философско-политическими доктринами, концепциями и проектами. Институты политических экспертов и советников в большей или меньшей мере «пристегнуты» к политическим процессам и конъюнктуре. Реальные политики и эксперты не могут считаться субъектами адекватного познания реальности. Поэтому «рациональность» любых политических решений, программ и действий всегда сомнительна. Это относится к целерациональному и субстанциальному пониманию рациональности (М. Вебер, К. Мангейм, теоретики индустриального, постиндустриального, сетевого и прочего общества) в политической теории и практике.

Если целерациональное и субстанциальное понимание рациональности не годится для описания политики, то как определить меру «рациональности» политических решений и действий? Один из распространенных спосо-

бов - ссыла на интересы как конституирующий феномен социополитической реальности. Однако реализация интересов всегда ведет к «неожиданным последствиям» и порождает «замкнутый круг идеологий» ". Ни одно государство не смогло преодолеть ни того, ни другого. Другой способ - классификация групповых интересов данного общества по степени их политической выраженности, легальности и легитимности. Однако легальность и легитимность не совпадают ни в одной из политических систем современности. Кроме того, наиболее значимые решения никогда не принимаются публично. Этому способствуют институциональные и неинституциональные формы политического процесса. Нельзя также упускать из виду меру репрессивности культуры, общества, морали и социальных групп в отношении политического выражения любых социальных интересов. Следовательно, конфликт между «рациональностью» и действительными мотивами и целями участников политических процессов типичен для всех государств. А для АФ проблема рациональности является ключевой. В том числе и описание указанного конфликта.

Этот конфликт не может быть адекватно отражен ни религиозными, ни светскими классическими (либерализм, консерватизм, социализм) и романтическими (анархо-свободолюбие, фашизм, традиционализм) идеологиями (такую типологию предлагает Н. Боббио). В XX в. к ним прибавились национализм, регионализм, коммунитаризм, феминизм, экологизм, этноцентризм, атлантизм, евразийство и другие идеологические гибриды. Они существуют ныне в мире и в России в самых причудливых комбинациях. Но степень их связи с цивилизационными и геополитическими концепциями в каждом конкретном политическом решении пока не изучена.

Все формы индустриального, социально-экономического, социально-политического и культурно-исторического овеществления способствуют производству и трансляции квазисубъектов экономических, политических и духовных процессов¹². Неясно, как установить меру данной квазисубъективности. Видимо, здесь не обойтись без анализа отношения между нормативно-элиминационной и конструктивно-генетической концепциями факта во всем корпусе языка социальных наук, политологии и практической политики. Для АФ эта проблема является центральной. Поэтому требуется использование результатов анализа данной проблемы в аналитических дисциплинах, включая ПФ¹³.

В современной методологии науки показано, что не существует инвариантных базисных истин и единых критериев истинности для всех субъектов и объектов познания. Субъекты и объекты познания мозаичны и гетерогенны. Тактика выбора базисного основания знания зависит от той или иной формы приоритета индивидуального сознания над целокупным¹⁴. Но программа сбора первичных данных о политических процессах, институтах и решениях в контексте указанных идей пока не выработана. Неясно также, какую из концепций истины предпочесть при разработке такой программы.

Я думаю, можно исходить из того, что политические факты не зависят от опыта индивидов, участвующих в политических процессах. Если перефразировать Б. Рассела, то классы политических объектов сами не являются политическими объектами, но классы вещей и процессов, которые не являются политическими объектами, сами являются вещами и процессами, которые не являются политическими объектами¹⁵. В этом - исходный парадокс ПК. Он выражен в дискуссии об универсальной или локаль-

ной природе социальных и политических объектов. О каком-либо окончательном итоге данной дискуссии говорить пока невозможно¹⁶.

В сформулированном парадоксе каждая из альтернатив ведет к своей противоположности. Конфликт между ними может быть использован для систематизации множества абсурдных событий в политической истории всех стран. По сути дела, политическая история в основном к ним и сводится. Однако мне неизвестна политическая история какой-либо страны (в том числе России), написанная под таким углом зрения. Хотя возможность такой историографии уже осознана в методологии науки¹⁷. По мере ее реализации строится теория политических типов. Она не может базироваться на субъектобъектном разделении мира, пространственно-временных характеристиках государств и культурно-цивилизационных принципах типологии, поскольку все они оспариваются. Следовательно, государства не являются субъектами социального развития или их время в качестве таких субъектов подходит к концу¹⁸.

ПК не может базироваться также на допущении о «здоровом смысле» практических политиков и властно-управленческих аппаратов государств. Такое допущение размывает границы традиционализма и современности и не дает возможности изучать политику как мир реализованного абсурда. Политический произвол существует под прикрытием «воли Бога», «государственного разума», «здорового смысла», «исторических закономерностей», «модернизации», «мегатенденций», «цивилизационных вызовов» и тому подобного религиозного и научного жаргона. Независимо от него большинство политиков всех времен и народов руководствуются следующими мотивами деятельности: эмпиризм, оппортунизм, волюнтаризм, идеализм,

эпигонство, индивидуально-групповой и организационный макиавеллизм как господствующий тип политической этики, искусство внутренней дипломатии. Ни тирания, ни демократия не в состоянии преодолеть эти мотивы. В результате политика стала неопределенным множеством действий, в составе которого прямое насилие все более заменяется символическим насилием и манипуляцией. Большинство политиков ведут игру с общественным мнением и не способствуют разрушению указанных политических мотивов, стереотипов и иллюзий¹⁹.

В XX в. развивались следующие тенденции: рост числа государств и властно-управленческих аппаратов; рост числа международных организаций; возможность превращения любого действия, стереотипа мышления и даже чувства в «событие» внутренней и международной политики. Ни одна из данных тенденций не предотвратила классических и современных форм насилия и манипуляции. Следовательно, нельзя приписывать статус бытия существующим государствам. Можно исходить из постоянного колебания между политическим бытием и небытием. Чем дольше существует то или иное государство, тем больше опасность превращения его в «онтологическую» реальность. Однако феномен колебания пока еще не стал принципом исследования политической истории и современного состояния государственности.

На данных фактах и тенденциях может строиться модель расширяющейся политической вселенной. В данной модели значимость любого факта и события устанавливается задним числом и «задним умом» политиков и обслуживающих их ученых. Поэтому политическая вселенная в большей степени потенциальна, нежели актуальна. Политическое время течет не вперед, а назад, при одновременном сужении политического пространства. Принимаемая

«субъектами» политики трактовка времени-пространства непосредственно влияет на понимание ими политической ответственности. Однако теория политической ответственности (или вины) в ее уголовном, моральном, политическом и мировоззренческом измерении пока не разработана. Проект К. Ясперса не реализован²⁰.

Для его реализации требуется строгое знание о способах соединения в одно целое философских, аксиологических и прагматических элементов всех политических доктрин, концепций и программ. Такого знания не существует. Классические, романтические и постклассические идеологии лишь в отрицательном смысле определяют то, каким будет вложенное в каждую из них содержание, как используются результаты осмысления эмпирии и какой последняя видится людям, участвующим в политических процессах. Следовательно, познание социальной реальности на основе каждой из указанных идеологий (на уровне интересов, чувств и символов) остается дискуссионным²¹.

Таковы главные итоги моих предшествующих исследований в области ПК. Что могут дать аналитические дисциплины для ее уточнения, конкретизации и развития? Я попытаюсь обобщить некоторые результаты и контекст аналитических исследований в области философии, экономической теории, социологии, политологии, права, историографии. А в заключение попытаюсь развить ПК на основе данных результатов. В этом - главная цель книги. Сама постановка задачи фиксирует ее предварительность и дискуссионность. Поэтому буду рад всем деловым замечаниям по существу поставленных проблем. Для пояснения выскажу несколько общих замечаний.

В отличие от энциклопедии научная монография не содержит официально признанных теорий. Она дает ре-

комендации читателю, который стремится по-своему взглянуть на конкретную сферу знания. В отличие от обзора литературы научная монография не адресуется только специалистам. Я писал эту книгу с учетом интересов коллег и других читателей, для которых обсуждаемые проблемы являются новой и неизвестной темой. Поэтому надо пояснить главный термин - « политическая философия», который используется на протяжении всей книги.

Вместо ПФ можно использовать термин «политическая теория», поскольку взгляд о совпадении политической теории с ПФ широко распространен среди специалистов. Я предпочитаю термин « философия» для акцентирования интереса к нормативному мышлению. А политическая теория включает не только нормативную, но и эмпирическую мысль, которая стремится объяснить, а не оценивать любые явления. Политическая философия безоговорочно высказывает определенные оценки на основе принятого метода исследования. Но отсюда не вытекает методологический пуризм. Наоборот, в процессе чтения книги читатель убедится в широте круга поставленных проблем. Возможности определенной сферы знания не менее значимы для нормативных целей, нежели реальное состояние дел в данной сфере. Я думаю, ПФ не должна замыкаться в узкой группе специалистов, созерцающих или изучающих конкретные ценности. Поэтому читатель не должен удивляться тому, что в книге описан вклад разных научных дисциплин (аналитической философии, экономической теории, социологии, политологии, правоведения, историографии) в ПФ.

Если речь идет о политической философии, то ее цель состоит в определении типов политических институтов, которые необходимы для эффективного функционирования и динамики данного общества. Однако в обычных

обстоятельствах такие институты несвободны от многообразной социокультурной детерминации. Следовательно, ПФ не обязана обеспечивать индивидов знанием о том, как они должны вести себя в несовершенном мире, в котором не было, нет и не будет идеальных институтов. Лица, стоящие у кормила власти, всегда используют политические институты в своих интересах. Теория не содержит указаний, которыми индивиды могут руководствоваться при решении проблемы политических обязанностей.

К тому же существует узкое и широкое понимание политических институтов. В первом случае в их состав входят избирательная система, парламент, система отбора лиц в институты исполнительной власти и т. д. Во втором случае в состав политических институтов входят все правовые, экономические и культурные институты, возникшие в результате политической деятельности. Я руководствуюсь широким смыслом термина. Отсюда вытекает, что ПФ изучает политические процедуры и социальные системы, для формирования которых используется политика. Предмет ПФ - множество институтов, которые создают «базисную социальную структуру» (если воспользоваться понятием Д. Ролза).

Теперь несколько слов об аналитической философии. Уже говорилось, что в последние десятилетия ПФ стала главным предметом интереса АФ. Однако в этом нет никакой новизны. Аналитические философы XVIII - XIX вв. занимались изучением проблем ПФ. Но в первой половине XX в. эта тенденция угасла. После 1960 - 70-х гг. она возрождается. Этот момент отражен в подзаголовке книги. Преимущественное внимание в ней уделяется трудам, которые появились после 1970 г. и пока еще не вошли в

научный и, тем более, политический оборот России. Просто сообщить о них широкому читателю - попутная, но важная задача книги. Разумеется, для обсуждения новейших концепций требуется комментарий ранее опубликованной литературы. Но я старался не выходить за рамки минимума, необходимого для понимания современной ситуации в ПФ.

В неаналитической традиции трудно установить (это специально обсуждается в последней главе) меру современности тех или иных концепций. Неаналитическая традиция тесно связана с фигурами прошлого, и потому присутствие философского музея восковых фигур здесь ощущается на каждом шагу. Например, современный постмодернизм (особенно его французский вариант) нельзя понять без учета наследия Ф. Ницше. Постмодернисты считают его пророком, предвосхитившим указанную интеллектуальную моду. То же самое относится и к другим фигурам, которые пока не спрятаны в запасники музея. Без упоминания о них обойтись невозможно.

Наконец, ПФ занимаются представители разных научных дисциплин. При этом они ссылаются на труды, относящиеся к разным сферам знания. В любом случае происходит концентрация на междисциплинарных проблемах, хотя дисциплинарные различия создают множество трудностей. К сожалению, здесь не место их обсуждать. Остается только надеяться на то, что читатель заметит междисциплинарную связь политической концептологии с аналитической политической философией. По крайней мере, читатель узнает о разных направлениях современной политической философии. А коллеги-специалисты смогут ориентироваться, что происходит в других сферах знания.

Для экономии места привожу список важнейших сокращений:

АФ - аналитическая философия;

АПФ - аналитическая политическая философия;

АЭТ - аналитическая экономическая теория;

ПН - политическая наука;

АПН - аналитическая политическая наука;

АП - аналитическое правоведение;

АФП - аналитическая философия права;

КФ - континентальная философия.

Другие сокращения оговорены в тексте.

Глава 1. МЫСЛЬ

Аналитическая философия (далее АФ) - одно из главных направлений современной философии. Ее основы заложены Д. Юмом, И. Кантом, И. Бентамом, Г. Фреге, Д. С. Миллем, Б. Расселом. Они сформулировали и развивали главные принципы Просвещения: бытие не зависит от сознания; человек - элемент бытия; разум и научный метод - наиболее эффективный способ познания действительности и связей человека с ней; познание - это критика и опровержение устоявшихся убеждений и оценок с опорой на факты. На основе данных посылок современная АФ разрабатывает две стратегии познания: реализация главных принципов Просвещения на основе определения сферы применения философских методов и аргументов; описание природы научного метода и других нефилософских гносеологических установок. Метод - главное понятие и предмет интереса АФ. Концентрация на методе - критерий ее отличия от любых вариантов антипросвещенческой традиции.

АФ занимает резко критическую позицию в отношении других направлений современной философии. Она прежде всего дистанцируется от Руссо, Гердера, Гегеля,

Маркса (особенно раннего) и тому подобных мыслителей. Скептически относится к антропологии, социологии и со-циогуманитарному знанию в целом, поскольку указанные мыслители повлияли на становление его предмета, структуры и проблем. Отвергает взгляды антисистемных философов-модернистов (Кьеркегора и Ницше) и их эпигонов. Отбрасывает все стили философской мысли, которые сложились под влиянием религии, политики и культуры. Стил мышления современной АФ сложился во времена расцвета логического позитивизма и лингвистического анализа. Эти направления философии разработаны в трудах Д. Мура, Б. Рассела, Р. Карнапа, А. Айера, Д. Остина и Г. Райла. Они сформировали англоязычный стил философствования. Этот стил предполагает развитие принципов и методологии Просвещения в отличие от других европейских (преимущественно немецко- и франкоязычных) школ философско-методологической мысли.

Рассмотрим вклад современной АФ в ПФ. Для этого будем исходить из рабочего определения: политическая философия - это нормативное мышление о социальных и политических институтах, которые требуются для политической деятельности. Вначале проанализируем историю аналитической политической философии (далее АПФ) XX в. Затем опишем концепции (принципы, объекты исследования и проблематику), которые применяются в АПФ при анализе политического бытия и мышления.

1.1. Воскрешение аналитичности

Проблемы ПФ разрабатывались в Англии XIX в. И. Бентам, Д. С. Милль и Г. Седжвик (основатели и сторонники утилитаризма) оставили значительное аналити-

ческое наследство. Они сформулировали классическое положение утилитаризма: всеобщее счастье - главный критерий оценки политических институтов, поскольку они влияют на счастье людей. Эти философы признавали и другие ценности (особенно свободу). Но лишь в том объеме, в котором они способствуют всеобщему счастью. Однако утилитаризм вскоре заглох. С конца XIX в. до середины 1950-х гг. ПФ влачила жалкое существование. В первой половине XX в. главные представители АФ не занимались анализом политики. Правда, выходили книги по истории ПФ. Но в них описывались общеизвестные темы и сюжеты. Оригинальных работ почти не появлялось. В 1956 г. П. Ласлетт констатировал: «Так или иначе, в настоящее время политическая философия мертва»²².

От тишины к разногласиям. Положение изменилось в течение десяти лет после провозглашения отходной молитвы. В первой половине 1960-х гг. изданы работы, посвященные проблемам ПФ²³. В частности, книга С. Бенна и Р. Петерса «Социальные принципы и демократическое государство» не выходит за рамки утилитаристской традиции. Авторы утверждают, что в политических принципах и деятельности отражаются утилитаристские склонности людей. Тогда как в книгах Г. Харта и Р. Барри аппарат АФ используется для постановки фундаментальных проблем ПФ и формулировки новых концепций. Г. Харт в капитальном труде «Понятие права» разработал новую версию правового позитивизма. И отбросил классическое утилитаристское убеждение: право есть прерогатива (привилегия) верховной власти. Такое мнение было высказано в XIX в. Д. Остином - английским юристом утилитаристского направления. Б. Барри в книге «Политическая аргументация» обосновал рациональную доказуемость аксио-

логического плюрализма. И отвергнул утилитаризм, который все ценности сводит к пользе.

Эти труды можно считать поворотным пунктом на пути обращения АФ к проблемам ПФ. Но прежде чем переходить к обсуждению выводов работ Г. Харта и Р. Барри, требуется объяснить феномен молчания АФ на тему политики в первой половине XX в. АФ не интересовалась политикой по многим причинам. Отметим здесь методологические и содержательные факторы данного феномена

Методологические и содержательные барьеры.

Г. Фреге и Б. Рассел в первой половине XX в. создали основы современной логики. Она образует методологическое самосознание АФ. В его составе главную роль играют две концепции: 1. Нормативно-оценочные суждения не способствуют выработке научного знания о мире. Эти суждения выражают чувства порицания/одобрения и не отличаются от междометий (типа «ах!» или «ой!»). 2. Во всех высказываниях о мире следует различать эмпирические и аналитические (априорные) суждения. Истинность первых устанавливается эмпирической проверкой. Вторые аналогичны математическим суждениям, истинность которых определяется смыслом применяемых терминов.

Эти концепции - фундамент логического позитивизма, который сложился в 1920 - 1930-е гг. и существует до сих пор. Он блокирует интерес АФ к разработке проблем ПФ. Из логического позитивизма вытекает ряд следствий: философия не является эмпирической дисциплиной; в политике нет места для априорных истин; поэтому единственная задача ПФ - объяснение чувств (эмоций), которые выражаются в нормативно-оценочных политических суждениях. Такая перспектива не могла привлечь здравомыслящих философов. Традиция Просвещения обязывает

философию расширять фронт знания и других форм прогресса, а не объяснять чувства, не имеющие познавательного содержания. Тем самым проблема ПФ становилась разновидностью философской чепухи. Подтверждением правомерности такого вывода может служить « Политический словарь» Т. Уилдона²⁴. Автор считает, что ПФ не в состоянии предложить ничего серьезного. И потому ею не следует заниматься.

Л. Витгенштейн создал альтернативу логическому позитивизму и теоретической философии в целом. В его концепции сохраняется, но не считается конституирующим различие фактов и ценностей, априорного и эмпирического знания. Но одновременно Витгенштейн высказал дополнительные соображения о бесплодности ПФ и заложил основы антипросвещенческого тренда в АФ. В концепции Витгенштейна задача философии сводится к демаскировке ложных образов действительности, которые создает теоретизирование в духе логического позитивизма. Философия должна культивировать духовный покой, характерный для дорефлексивной фазы использования языка. Иначе говоря, философии приписывается терапевтическая роль. На основе этой посылки невозможно обосновать статус ПФ как важной области исследования.

Однако политические проблемы не решаются с помощью терапии. Поэтому Д. Остин и Г. Райл не согласны с витгенштейновским определением философии. Они считают задачей философии описание и систематизацию схем мышления, которые отражаются в повседневном языке. Эти схемы во всей их конкретности пренебрегаются философскими теориями, которые описывают отношение разума к внешнему миру. Но такое понимание задач философии тоже не оставляет места для ПФ. В лучшем случае ее роль маргинальна.

Таковы методологические барьеры падения интереса к проблемам ПФ в АФ первой половины XX в. Но они не объясняют всю проблему. Нет логического противоречия между утверждениями: нормативно-оценочные суждения выражают эмоциональный мир человека; задача разума - упорядочить данные суждения; главная цель философии - реализация программы Витгенштейна, Райла и Остина; вспомогательная задача - систематизация когнитивных и социальных мотивов, которые ограничивают рациональную критику социальных и политических отношений и институтов. Следовательно, методологические причины не исчерпывают все мотивы падения интереса АФ к политическим проблемам.

Содержательные причины не менее важны. В первой половине XX в. европейские философы не сомневались в рациональности политических ценностей и институтов западных стран. Однако в это же время в России, Италии и Германии возникли тоталитарные режимы. Они пользовались широкой поддержкой масс и определенных кругов западной интеллигенции. Философы не сразу осознали феномен привлекательности данных режимов. К. Поппер первым описал его причины и внес значительный вклад в политическую теорию. Но большинство аналитических философов не увлеклось примером Поппера. Ведь оно жило в мире, в котором ценности свободы, равенства и демократии полагались конституирующими. Конечно, капиталистический и социалистический способы воплощения данных ценностей всегда были предметом дискуссии. Но в АФ такие дискуссии считались уместными для эмпирических социальных наук и не имеющими никакого отношения к ПФ.

Предпринимались также попытки сравнения ценностей свободы и равенства. Но большинство аналитиче -

ских философов считало данную проблему теоретически неразрешимой. Некоторые предлагали традиционно-утилитаристское решение: ценности отражают разные аспекты индивидуальной пользы. Для ПФ опять не оставалось места. Б. Барри пишет: «В этот период (первая половина XX в. - В. М.) господствовал утилитаризм и потому политическая философия не вызывала энтузиазма. Согласно утилитаристской доктрине, все рекомендации о способе политического действия полностью зависят от конкретных фактов. И потому выходят за рамки сферы, в которой философ является экспертом»²⁵.

Итак, на протяжении первой половины XX в. АФ не интересовалась политическими проблемами. Это объясняется квалификацией ценностей как ненаучной проблемы и определением фактов как предмета эмпирических дисциплин, а не философии.

Поворотный пункт. Ситуация начала меняться после выхода книги Б. Барри «Политическая аргументация». Она написана под влиянием классической работы И. Берлина «Два понимания свободы». Вслед за Берлиным Барри отвергает утилитаризм и утверждает плюрализм ценностей. Для доказательства теоретической значимости проблемы ценностей он заимствует из экономической теории понятие индифферентных кривых. И постулирует равенство бытия ценностей свободы, равенства, демократии. Все они и ни одна из них не сводимы к утилитарному счастью. Отсюда вытекает главная проблема - анализ взаимозависимости данных ценностей и их различных политических воплощений. Тем самым Барри разрушил преграды на пути дискуссии о ценностях. Он преодолел также аналитическое «табу» на изучение предметов эмпирических дисциплин. Барри соглашался с

традиционным представлением о различии предмета философии и эмпирических наук. Но одновременно требовал установить тесную связь философии и экономики при анализе политических проблем. В качестве аргумента использовалась идея о корреляции различных комплексов ценностей с политическими институтами: «Реализация данной цели началась содружеством двух методов современного анализа - аналитической философии и аналитической политической науки»²⁶.

Стало быть, Барри прервал молчание АФ относительно политических проблем. Работа Г. Харта «Понятие права» тоже способствовала этому и до сих пор является классической в аналитическом правоведении²⁷. Но после публикации книги Д. Ролза «Теория справедливости» работы Барри и Харта отошли в тень. Б. Барри сам это признает: «Моя „Политическая аргументация" - продукт мира до Ролза. А нынешний мир является пост-ролзовским. „Теория справедливости" - водораздел, отделяющий прошлое от современности»²⁸.

1.2. Рефлексивное равновесие

Сходство и различие. Существует несколько моментов сходства позиций Ролза и Барри. Ролз выступает за плюрализм ценностей, но не считает его помехой для политико-аксиологической компаративистики. Ролз дополняет философский анализ материалом эмпирических дисциплин. Он применяет такую процедуру при описании процесса институционализации определенного комплекса ценностей. А также при обсуждении вопроса о стабильности институтов, воплощающих данный комплекс. Ролз не признает различия эмпирического и априорного знания,

постулированного логическим позитивизмом. Он развивает концепцию У. Куайна: все суждения подлежат опытной проверке; отбрасывание некоторых суждений обходится слишком дорого, поскольку они укоренены в убеждениях; убеждения обладают априорным характером ²⁹. Позиция Ролза прагматична в том смысле, что его рассуждения опираются на материал экономики, психологии и других наук. Этим исчерпывается преемственность взглядов Ролза и Барри.

Пункты различия значительно богаче. Прежде всего оно относится к способу постановки проблемы ценностей. Барри предлагал анализировать принципы практической политики Великобритании, США и других стран Запада после 1945 г. и в этом контексте изучать взаимосвязь разных ценностей. Ролз не занимается анализом фактических политических убеждений. Он стремится установить общеобязательные политические ценности (убеждения) граждан современного общества.

Главная проблема книги Ролза - в чем заключается справедливость как действительное политическое равенство конкурирующих интересов и стремлений? По его мнению, справедливость как честность и беспристрастность - главное свойство конституционных политических институтов. Барри предлагал изучать институциональные правила разных комплексов ценностей. Ролз не ограничивается описанием непротиворечивых концепций справедливости и институтов, которые из них вытекают. Он пытается установить: каков смысл истинной концепции справедливости и какие институты ей соответствуют? Описывая собственный поиск понятия справедливости, Ролз отмечает: «Моя цель - открыть понятие справедливости, которое характеризует людей, согласных со специфическими принципами публичной политической культу-

ры демократического общества»³⁰. Тем самым проблема метода ПФ приобретает главную роль. В частности, истинная концепция справедливости связана с использованием метода «рефлексивного равновесия»³¹.

Рассмотрим логику и лингвистику как научные дисциплины. Логика объясняет индуктивные и дедуктивные правила рассуждения. При создании логики потребовался поиск принципов, которые ведут к интуитивно тавтологическим объяснениям. Построение теории грамматики тоже связано с открытием принципов, совпадающих с грамматическими интуициями. По аналогии с логикой и грамматикой для конституирования политической теории необходимо установить общие принципы. Их применение усилит интуитивные суждения о конкретных политических ситуациях. Тем самым абстрактные принципы придут в равновесие с конкретными политическими суждениями. Политическая теория не есть систематическая реконструкция политических предрассудков и убеждений. Она не имеет ничего общего с основанием таких иллюзий. Требуется опытная и рефлексивная проверка всех суждений, претендующих на рефлексивное равновесие с принципами. К таким суждениям можно прийти только после длительных размышлений. Для этого надо освободиться от влияния чувств, страстей, партикулярных интересов и других возмущающих факторов. Равновесие как предмет стремлений само обладает рефлексивным характером. При попытках систематизации чувства справедливости мы наталкиваемся на суждения, которые не совпадают с принципами, адекватными в других случаях. Рефлексивность означает, что при любой ситуации следует сконцентрироваться на проблематичных суждениях, а не на принципах. Это необходимо для выработки общего убеждения: без проблематичных суждений обойтись не-

возможно. Данные суждения образуют рефлексивное неравновесие. Метод рефлексивного равновесия - это стратегия обоснования ПФ и нормативно-оценочного мышления в целом.

Ролз описал также политико-философский метод открытия как стремление установить принципы справедливой организации общества. Его реализация связана с постановкой вопроса: какие принципы социальной организации были бы избраны индивидами, если бы у них была такая возможность? При ответе на вопрос надо использовать метод контракта. А для проверки избранных принципов справедливости следует применить метод рефлексивного равновесия.

Почему же метод контракта предпочитается всем остальным при поиске принципов справедливости? Потому что выбор осуществляется под занавесом незнания: индивиды не располагают самосознанием и ничего не знают о том, какое положение они будут занимать в избранном обществе. Только при таких условиях избранные принципы справедливости удовлетворяют критериям честности, беспристрастности, незаинтересованности и истинности. Ролз называет такую ситуацию первичной. Именно в ней и заключается контракт. Он определяет социальную роль избранных принципов справедливости как первичной конституции. Она включает свойства всеобщности (отсутствие упоминаний о конкретных лицах), универсальности (применение ко всем индивидам без исключения) и публичного признания как высшего апелляционного суда (к которому обращаются индивиды при взаимных конфликтах).

Ролз полагает, что политико-философский анализ есть осцилляция между методами контракта и рефлексивного равновесия. Исходный предмет анализа ПФ - определенный вариант первичной ситуации. Затем возникает во-

прос : какие принципы в данной ситуации следует признать справедливыми? Если в результате рефлексии индивид приходит к равновесию принципов и суждений, он поступает правильно. Если равновесия нет, следует вернуться к указанному вопросу. Поразмыслить о модификации первичной ситуации и формулировке других принципов. И проанализировать суждения, которые противоречат принципам. Таков процесс выведения следствий, проверки и уточнения. Он продолжается до момента рефлексивного равновесия суждений. Завершение процесса означает, что индивиды сделали все возможное для установления истинных принципов справедливости. Политические институты должны строго соответствовать данным принципам.

Итак, Ролз предлагает определенный метод политико-философского исследования. Он базируется на конкретной интеллектуальной традиции. Метод контракта восходит к философии XVII - XVIII вв. В ее рамках возникло представление о первичном естественном состоянии, которое предшествует социальной и политической жизни. Для выхода из данного состояния люди заключают договор между собой. Однако Ролз применяет понятие контракта как научную гипотезу. В отличие от предшественников, которые придавали контракту исторический или квазиисторический смысл. Одновременно Ролз подчеркивает связь собственной концепции с контрактным способом мысли. Метод рефлексивного равновесия связан с определенной этической теорией, основы которой заложены Г. Седжвиком в XIX в.

Ранее отмечались сходные моменты позиций Барри и Ролза: постановка проблемы ценностей и использование в философской дискуссии результатов эмпирических дисциплин. Проведенный анализ показывает, что позиция

Ролз расходится с позицией Барри. Главные пункты расхождения сводятся к двум положениям: анализ ценностей есть способ поиска правильной политической позиции и не сводится к анализу или критике культуры; такая политическая позиция базируется на методах рефлексивного равновесия и контракта

Правила приоритета. «Теория справедливости» значительно повлияла на содержание современной АПФ. Ролз описал главные представления о принципах справедливости и выдвинул предположение об институциональной форме их реализации. В первичной ситуации индивидам неизвестны шансы пользы и успеха в любой социальной структуре. Поэтому выбор каждого человека неизбежно консервативен. Индивиды обычно выбирают такую базисную социальную структуру, которая даже в худшем виде лучше альтернативных социальных структур. Иначе говоря, в первичной ситуации индивиды применяют стратегию максимина - выбора самой высокой низкой пользы.

Эта стратегия предписывает выбор базисной социальной структуры с двумя принципами справедливости: 1. «Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей»³². 2. «Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и (б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей»³³.

Первый принцип выражает приоритет свободы, второй - приоритет равенства. Второй принцип предшеству-

ет принципам эффективности, максимальной пользы и различия индивидов. Они подчинены честному равенству возможностей. При этом «неравенство возможностей должно увеличивать возможности людей с меньшими возможностями; чрезмерная ставка сбережений должна в итоге уменьшать бремя тех, на ком оно лежит»³⁴. Эти принципы применяются в соответствии с правилами приоритета. Только так можно согласовать ценности, выраженные в данных принципах.

Первое правило приоритета гласит: при нормальных условиях (если люди не голодают) нельзя жертвовать первым принципом во имя второго. Ложен и опасен аргумент, согласно которому несоблюдение первого принципа обосновывается успешным соблюдением второго. Социально-экономическая польза (рост материального благосостояния, социальной карьеры, престижа и т. д.) не оправдывает манипуляцию любым аспектом свободы.

Второе правило приоритета связывает элементы второго принципа: даже ради максимальной пользы наименее преуспевших нельзя ограничивать честное равенство шансов. Оба правила устанавливают лексический порядок по образцу расположения слов в словаре: вторая буква слова учитывается после первой. Таким же образом второе правило приоритета начинает применяться при упорядочивании альтернатив лишь после первого.

Таковы главные пункты методологической и содержательной новизны «Теории справедливости». На протяжении последних 30-ти лет главные события АПФ связаны с положительной и отрицательной реакциями на труд Ролза. Вышло множество работ, которые нетрудно разбить на тематические блоки: комментарии и критика концепции; заимствование структуры анализа, а не концепции Ролза; изучение проблем, поставленных, но специально не ана-

лизируемых Ролзом; описание видов справедливости (международной, межпоколенческой, уголовной и т. д.)³⁵. В нашу задачу не входит реферирование данной литературы. Опишем только главные типы реакции на концепцию Ролза

1.3. Чистейший вздор или пустопорожний идеал?

Отрицательная реакция на концепцию Ролза проявляется внутри и вне АПФ и сводится к формулировке следующих положений: при создании политических институтов нет смысла стремиться к идеалу, описанному в «Теории справедливости»; цель, методы и идеалы данной теории невозможно реализовать на практике.

Минимальное государство В книге Р. Нозика «Анархия, государство и утопия» детально проанализированы три недостатка концепции Ролза: неисторичность, нереалистичность и тоталитарные тенденции. Согласно Ролзу, при распределении благ в обществе следует руководствоваться только главной нормой распределения - пользой самых бедных. Происхождение благ (субъекты производства, обмена и т. д.) не имеет значения. По мнению Нозика, такой подход к распределению благ напоминает библейский эпизод с «манной небесной»: «Следует признать чистейшим вздором положение о том, что способ производства благ никак не влияет на субъектов их обладания»³⁶. К тому же для внедрения в жизнь принципов справедливости Ролза потребовалось бы учредить социализм на всей земле. А это значит контроль и вмешательство государства в отношения обмена: «Социалистическое государство запретило совершеннолетним гражданам

добровольно осуществлять какие бы то было капиталистические действия»³⁷.

Р. Нозик предлагает либертарианскую альтернативу концепции Ролза. Вначале он постулирует права по образцу Локка, а затем выводит из них определенный тип государства. «Индивиды обладают правами на обладание вещами, которые никакое другое лицо и группа не может им передать без нарушения данных прав»³⁸. Каждое право - исключительная прерогатива данного человека. Она определяет отношение других индивидов и государства к индивиду как субъекту права. Право требует прежде всего, чтобы другие индивиды не нарушали свободу слова, передвижения, заключения союзов и т. д. данного индивида. Каждое право - абсолютное и фундаментальное требование. Только природные и социальные катастрофы оправдывают его нарушение. Право гарантирует социальные блага равенства и благосостояния. Пользование правом - благо само по себе, независимо от любой посторонней цели.

Либертарианская трактовка права ведет к иной концепции справедливости. Она более исторична и реалистична по сравнению с теорией Ролза. Справедливость зависит от первичных прав обладателей благ и способа их передачи другим индивидам. Но любое государство аморально: оно налагает налоги, применяет физическое насилие и требует конституционной монополии на легитимное применение силы. Поэтому государство не является носителем права и гарантом справедливости. В этом смысле Нозик не столько критикует Ролза, сколько предлагает новое решение старой проблемы.

Он формулирует рациональный аргумент: если люди примут решение о соблюдении прав и будут действовать в собственных интересах, то от первичной ситуации (в ко-

торой нет государства) они закономерно придут к установлению минимального государства «Вследствие спонтанного объединения в группы, появления союзов взаимопомощи, разделения труда, давления рынка и рационально понятых частных интересов анархия преобразуется в минимальное государство или группу географически отдаленных минимальных государств»³⁹. Нозик полагает, что все свободные индивиды согласятся с минимальным государством. Его функции ограничены защитой граждан от насилия, воровства, мошенничества и т. д. Что касается распределения и перераспределения, то это право принадлежит индивидам, а не государству. Поэтому вывод Нозика однозначен: если бы у индивидов была свобода выбора, то они бы свергли все государства, кроме минимального

Р. Нозик отвергает концепцию Ролза и разрабатывает понятие права; характерное для современной аналитической мысли. Другие аналитические философы тоже не согласны с концепцией Ролза. Для доказательства ее ложности они исследуют проблемы пользы, заслуг, автономии и самоопределения индивида, потребностей и равенства⁴⁰. В этом же русле движется марксистская и социалистическая критика взглядов Ролза⁴¹.

Общее благо против ценностной нейтральности Отрицательная реакция на «Теорию справедливости» не ограничивается рамками АПФ и не сводится к критике принципов справедливости. Представители других направлений социально-политической мысли тоже утверждают, что эту теорию невозможно реализовать на практике. Например, Ф. Хайек пишет: «Для реализации концепции справедливости Ролза и любой другой распределительной концепции требуется такая информация, к ко-

торой никогда не получит доступа никакое правительство»⁴². Другие авторы отмечают: «Теория Ролза не имеет никакого отношения к современному миру. Он состоит из государств, глубоко вовлеченных в международные сети торговли, права и управления»⁴³.

Но наиболее решительно критикуют концепцию Ролза представители феминизма и коммунитаризма. Вначале рассмотрим феминистские аргументы против теории Ролза.

Ролз исходит из равенства мужчин и женщин и описывает государство, безразличное к различию полов. Однако тендерное равенство недостижимо, и потому теория Ролза практически бесполезна. Ролз использует социологические данные при определении рациональных обязанностей политиков и остальных граждан. Это определение ставит мужчин на первое место: «Мужская физиология определяет большинство видов спорта; мужские потребности определяют сферы здравоохранения и автообслуживания; социальные проекты мужских биографий определяют профессиональные ожидания и образцы карьеры; перспективы и интересы мужчин определяют успех в науке, а их опыт и причуды определяют заслуги»⁴⁴.

Теория Ролза базируется на посылке о различии публичной и приватной сфер и ограничении деятельности государства только первой из них: «Принцип строгого различия политической и частной сферы, публичного и приватного образует основание либеральной теории со времен Локка. Современная политическая теория в значительной мере базируется на этом различии»⁴⁵. Однако Ролз не анализирует сферу приватной жизни, в которой мужчины господствуют над женщинами. Поэтому его теория не объясняет справедливость. Сторонники феминизма считают, что приватная жизнь является по существу

политической. Этот факт не учитывается в теории Ролза. Поэтому она не в состоянии сформулировать идеал справедливости

Коммунитаристы критикуют теорию Ролза на основе ценностей братства, социальной активности и политического участия. И потому отвергают либеральную ПФ, представителем которой является Ролз. Либерализм воздерживается от оценки концепций достойной жизни. Теория Ролза рекомендует определенный тип государства, но абстрагируется от представлений о достойной жизни. Государство не дает приоритета ни одному из них. Коммунитаристы отвергают познавательный и этический идеал «свободы от ценностей»: «Коммунитаристы разрабатывают теорию политики, согласно которой государство обязано поддерживать только такие концепции достойной жизни, которые укоренены в социальных практиках и традициях. Иначе говоря, политику общего блага они предпочитают политике нейтральности»⁴⁶. В этом контексте выдвигаются следующие аргументы против теории Ролза.

Политические дебаты должны опираться на ценностные смыслы данного локального общества. Концепт «рефлексивного равновесия» абстрагируется от таких смыслов. Поэтому теория Ролза не в состоянии сформулировать идеал государства, к которому будет стремиться большинство людей. Например, в западном обществе давно господствуют принципы рынка, включая сферу распределения благ. Однако это не значит, что данные принципы являются универсальными даже в западном обществе. Никто не согласится на рыночный принцип функционирования «скорой помощи». Это противоречит культурным нормам: « В категориях, функционирующих в культуре, воплощаются нормативные требования, которые обязана

соблюдать любая достоверная и эффективная политическая философия»⁴⁷.

Образ нейтрального государства скрывает идеал автономного индивида. Индивид выбирает жизненный путь с учетом ценностей, которые обеспечивает государство как нейтральная структура. Коммунитаристы считают такой идеал пустопорожним и невозможным для реализации. Созданная на этой основе политическая философия непривлекательна: «На самом деле моральный выбор всегда связан с мерой открытости индивида. Он извлекает из глубин своего Я множество культурных ангажированностей, которые определяют и конституируют индивида. На успех может рассчитывать только та политическая философия, которая идентифицирует и укрепляет такой тип ангажированности»⁴⁸.

Либеральный идеал самоопределяющегося индивида ложен. Автономия индивида невозможна без опоры на культуру. Она обеспечивает индивидов определенными понятиями и идеалами, предоставляет возможность их публичного обсуждения. Нейтральное либеральное государство таких условий не создает и само подрывает пропагандируемый идеал. В этом государстве либеральные идеалы не реализуются. Требуется государство, которое поддерживает одну или множество концепций достойной жизни. Данные концепции укоренены в конкретном обществе и культуре.

В феминизме и коммунитаризме сформулировано также общее возражение теории Ролза: она не опирается на конкретно-социологическую информацию и подобна другим «большим теориям», которые реализовать невозможно. Такие теории разрабатываются кабинетными философами. Но не имеют никакого отношения к людям определенной культуры.

Таким образом, сторонники феминизма и коммунитаризма не согласны с аналитическим стилем разработки проблем ПФ и предлагают развивать ПФ на базе множества социологических теорий. Аналитические философы учитывают критику в той степени, в которой она позволяет разрабатывать проблемы ПФ.

1.4. Собака-ищейка

Теперь рассмотрим положительную оценку теории Ролза. Его метод рефлексивного равновесия иногда интерпретируется как диалектическое равновесие. Оно включает две процедуры: формулировка достоверных интуиции в отношении конкретной сферы исследования; доказательство их применимости в других сферах, независимо от неожиданности полученных результатов. Такое дополнение радикализирует выводы Ролза и выходит за рамки его концепции.

Но в АПФ наиболее популярен контрактный метод. Ролз определяет его как метод открытия, который реализуется в рефлексивном равновесии. Этот метод используется для определения социальных и политических институтов, удовлетворяющих требованиям честности, незаинтересованности и справедливости. Такие институты есть следствие справедливых процедур, первообраз которых - заключение контракта в первичной ситуации. Если в первичной ситуации делается выбор принципов справедливости, это служит показателем их незаинтересованности. Речь идет о независимости принципов от целей и интересов индивида. Честность обстоятельств переносится на честность принципов.

Однако последователи Ролза придают контрактному методу (т. е. гипотетической ситуации) радикальный смысл. Например, контрактное свойство институтов (принципов) сводится к гипотезе об их выборе в первичной ситуации. Оба принципа справедливости обладают данным свойством. Это служит признаком честности (незаинтересованности), но не принадлежит к сущности данных принципов. Контрактное свойство не определяет их незаинтересованность и правильность. Честность и истинность - главная цель поиска. Контрактное свойство выполняет роль собаки-ищейки.

Сторонники радикальных версий концепции Ролза отбрасывают эвристическую интерпретацию контрактного метода. И утверждают, что политическая справедливость есть выбор на основе принципа контракта при соответствующих обстоятельствах. Иначе говоря, контрактное свойство конституирует, а не открывает справедливость. « В „Эвтифроне" Платона, - пишет П. Петтит, - Сократ спрашивает: является ли нечто священным потому, что его любят боги, или же боги его любят потому, что оно священное? Истолкуем эту проблему как вопрос о том, является ли любовь богов критерием сакрального, и проигнорируем каузальное понимание вопроса об источниках божественной любви»⁴⁹. Иначе говоря, речь идет о проблеме критериев. Согласно Ролзу, выбор институтов (принципов) происходит на основании контракта. Тогда как сторонники эвристической трактовки контракта утверждают: выбор осуществляется на основе справедливости институтов (принципов). Они являются независимым критерием справедливости. Иначе говоря, выбор на основе контракта конституирует справедливость.

После опубликования книги Ролза политические философы разделились на группы экономических и политиче-

ских контрактуалистов. Первые рассматривают контракт как процедуру преследования интересов в экономике, вторые - как процедуру поиска согласия в политике ⁵⁰. Экономическая интерпретация контракта означает: обоюдную пользу сторон, интересы и убеждения которых сформировались до контакта; воплощение во множестве взаимных уступок, от которых выигрывают обе стороны; противоположность обмену, при котором каждая сторона стремится повлиять на другую. Политическое понимание контракта означает: обязательность для сторон; следствие обсуждения общих интересов; способность устоять в политической, когнитивной, моральной и любой иной дискуссии; одобрение всего (или большинства) общества.

Например, Д. Бьюкенен и Г. Таллок предлагают экономическую версию контракта. И утверждают, что социальные принципы есть множество единогласно принятых правил. Такой подход придает операциональный смысл статическому критерию всеобщей пользы. Д. Готье развивает иную версию экономического контрактуализма: «Правила социального порядка - это принципы, с которыми согласны рациональные контрагенты в ситуации, которую они определяют как исходный пункт торгов» ⁵¹. Готье создал теорию рациональной торговли на основе теории контракта. А затем использовал обе теории для обоснования невмешательства государства в эти процессы.

В «Теории справедливости» есть основания для экономического контрактуализма. Но политическая версия контракта более соответствует концепции Ролза. Если стороны преследуют собственные интересы, то они предпочитают строго определенный результат. Отсюда вытекает безразличие к аргументам, убеждениям и желаниям другой стороны. Готовность навязать ей собственные же-

ления. Если стороны удовлетворяются более скромными целями, то таков результат противодействия партнеров. В политической версии контрактуализма стороны противостоят друг другу. Но понимаются как индивиды, занятые поиском общего согласия. В политике интеллект более значим, чем при преследовании экономических интересов.

Политический контрактуализм развивает Ю. Хабермас, хотя не является аналитическим философом. По его мнению, наиболее эффективна такая социальная структура, которую предпочли бы все участники политических дебатов, протекающих в идеальных условиях: равенства, свободы мнений и критики всех других точек зрения. Б. Акерман, Т. Сканлон и Б. Барри развивают тот же подход в рамках АФ. Наиболее предпочтителен такой политический и социальный порядок, который избран в результате нейтрального диалога: ни один индивид и концепция блага не считаются лучше остальных. «Для эффективной базисной структуры характерны общие принципы регулирования поведения. Ни один рациональный индивид не может отбросить их как основу сознательного добровольного всеобщего согласия. В каждом принципе содержится руководящая идея, которая подвергается всестороннему исследованию и обсуждению»⁵².

Мы рассмотрели некоторые причины молчания АПФ в первой половине XX в. Книги Бенна, Петерса и Барри нарушили тишину. После публикации «Теории справедливости» Ролза начинается новый этап развития. Он еще не завершился. Зато определились типы реакции на концепцию Ролза. Такова новейшая история АПФ. Теперь опишем конкретные проблемы и важнейшие послышки АФ, значимые для нормативной политической мысли.

1.5. Объекты анатомирования

Теория политического блага и теория политического выбора - главные сферы исследования АПФ. Теория блага включает анализ свойств, благодаря которым одно состояние политического мира лучше другого. В их состав входят конституирующие свойства общих ценностей, которые не относятся к конкретным индивидам и предметам. Например, утилитаризм полагает счастье людей единственным свойством, в соответствии с которым следует оценивать состояния политического мира. Теория выбора изучает условия правильного политического выбора в соответствии с ситуацией. Решение - это индивидуальный выбор действия или социальный выбор базисной структуры. Утилитаризм отождествляет правильный выбор со стремлением к счастью или благу. Аналитическое мышление связано с определенными посылками, влияющими на решение политических проблем. Теория блага - это комплекс объективных требований, которым должны удовлетворять политические ценности. Теория выбора - это принципы классификации разных подходов к вопросу о надлежащих политических институтах.

Универсальный персонализм и ценностный солипсизм - главные посылки теорий политического блага и политического выбора. Эти посылки взаимосвязаны и определяют специфику аналитического подхода к наиболее важным проблемам политического бытия.

Политические институты против индивидов. Персонализм - это принцип, согласно которому благо и зло людей зависят от политических институтов. При этом интерпретация фактов базируется на нескольких постулатах. Политические институты имеют право на существование, если

они соответствуют воле бога, способствуют воспроизводству культуры и языка и наносят минимальный вред природной среде. Во всех остальных случаях существование политических институтов проблематично или не имеет смысла.

По мнению персоналистов, политические институты обладают смыслом лишь в той мере, в которой они полезны для индивидов. Если политические институты соответствуют декретам Бога, люди пользуются благами возникающей гармонии. Если данные институты воспроизводят культуру и язык, это укрепляет солидарность людей и плюрализм индивидуальных выборов. Если политические институты не оказывают отрицательного влияния на природу, то люди пользуются ее благами.

Но оправданы ли такие импликации? АФ отвечает на этот вопрос отрицательно. Конечно, персонализм противоречит теоцентрическому образу политики, который можно отвергнуть во имя охраны среды. Но конфликт между теоцентризмом и экологизмом не имеет практического значения, поскольку его нельзя устранить путем модификации человеческих обязанностей. Например, экологические мероприятия могут оцениваться положительно потому, что они служат сохранению других видов и природы как таковой. Пользу для людей они принесут в отдаленном будущем.

Однако главная проблема персонализма не сводится к борьбе с экологами и сторонниками теоцентризма. Персонализм отрицает убеждение в существовании общих интересов (народов, культур, государств, обществ), доминирующих над индивидуальными интересами. Это убеждение называется «институциональным антиперсонализмом» и воплощено в бытии государств и других политических институтов. Политические решения и действия могут быть правильными, но не приносить никакой пользы и даже наносить

вред индивидам и группам. В этом случае критерий правильности соответствует бытию наиндивидуальных сил (от воровских шаяк до многонациональных империй), а не судьбам конкретных людей. А эти судьбы не должны быть связанными с бытием государств и других политических институтов

Такой институционализм отвергается персонализмом. Интересы нынешних и будущих индивидов - единственный критерий оценки политических структур. Эти структуры влияют на судьбы живых и мертвых поколений. Бытие политических институтов базируется на посылке: у мертвых нет никаких интересов. В ней заключен глубокий антикультурный смысл деятельности политических институтов

Например, существуют два государства, которые одинаково хорошо заботятся об интересах индивидов. Но отношение к отдельным социальным группам в этих государствах различно - привилегии одних и дискриминация других групп. Персоналисты утверждают, что нет оснований предпочитать политические институты первого государства политическим институтам второго. Если индивиды «хорошо живут» в обоих государствах, то политические институты данных государств обладают объективной ценностью. Иначе говоря, политическая ценность не зависит от критериев оценки. Тогда как моральная и эстетическая ценность политических институтов зависит от критериев оценки. В этом случае одно множество институтов ставится выше другого множества. Однако моральные и эстетические ценности и оценки не относятся к ПФ. Польза индивидов - главный критерий политико-философской оценки.

И. Бентам выразил это кредо в постулате: «Интересы индивидов - единственно истинные интересы. Следует

думать только о них. И никогда не ущемлять интересы индивидов. Только на этом пути реализуется забота об общем благе»⁵³. В аналогичном духе высказывается Ролз: «Предположим, дабы была понята идея, что общество - это более или менее самодостаточная совокупность людей, которые в своих взаимоотношениях осознают определенные обязывающие их правила поведения и которые, по большей части, поступают согласно этим правилам. Предположим, далее, что эти правила устанавливают систему кооперации, предназначенную обеспечить блага тем, кто следует правилам»⁵⁴. Ролз определяет нормативную проблему базисной структуры общества (т. е. множества институтов) как степень ее соответствия благу индивидов. Это положение - исходная посылка АПФ.

Из нее вытекают два принципиальных положения: только индивиды обладают политической значимостью; политическое значение всех индивидов одинаково. Иначе говоря, благо короля (царя, падишаха, президента, генсека и тому подобных государственных мужей) значит не больше, нежели благо остальных индивидов, принадлежащих к определенному классу, касте, нации. Универсализм такого подхода выражен в афоризме Бентама: «Каждый имеет право только на один голос - и ничего больше»⁵⁵.

Однако в гегелевской традиции философской мысли институциональный антиперсонализм отвергается. На первый взгляд, коммунитаризм тоже противостоит персонализму. В коммунитаризме формулируются другие положения: государство должно поддерживать только те концепции блага, которые связаны с локальной культурой; социальная солидарность и укорененность индивидов в культуре есть благо; государство должно поддерживать общие, а не индивидуальные свойства индивидов. Но при

детальном рассмотрении персонализм не противоречит коммунитаризму

Согласно персоналистской посылке, политические институты есть благо или зло только для индивидов. Эта посылка не меняется по мере ее связи с определенной культурой. В любой культуре реальный образ жизни индивидов всегда соотнесен с индивидуальным благом. Например, христианская концепция праведной жизни используется для описания реальной жизни как блага с точки зрения индивидуального спасения души. Солидарность есть групповое свойство и тоже может оцениваться с точки зрения индивидуального блага. Солидарность сама по себе не есть благо. Однако принадлежность к солидарному обществу может быть благом для индивидов.

Персонализм - не единственная посылка АПФ. Равенство - главная ценность всех политических теорий современности⁵⁶. Не в каждой из них содержатся аргументы в пользу равенства. Однако все базируются на принципе равенства индивидов. Каждая теория пропагандирует одну и ту же ценность и право: любой индивид равен всем другим индивидам. Отсюда вытекает: различие политических теорий современности скрывает их принципиальное единство; все теории есть разновидности эгалитаризма. «Если это наблюдение истинно, то можно применять общую меру ко всем политическим теориям и оценивать их в соответствии с тем, насколько удовлетворительно они интерпретируют право равенства»⁵⁷.

Проблема методологического единства современных политических теорий выходит за рамки книги и требует особого исследования. По крайней мере, аналитические теории базируются на посылке: ценность политических институтов определяется их ценностью для индивидов. Из нее вытекает ряд важных следствий: политические институты

не обладают наиндивидуальным смыслом; привилегированное положение отдельных индивидов не является политической нормой; политическое благо зависит от последовательного применения принципа равенства в политической жизни.

Однако вопросы о ценности пользы, честности, шансов индивидуального развития остаются открытыми. Ценность должна удовлетворять требованиям, которые не предрешают положительную или отрицательную оценку. В частности, к политическому благу не относится его осуществление (т. е. множество трактовок равенства индивидов). Политическое благо не есть свойство государства. Если даже государство официально признает равенство, отсюда не следует, что на практике все индивиды оцениваются как равные.

Итак, персонализм позволяет ставить теоретические проблемы и потому полезен для ПФ. Но аналитическая теория политического блага базируется также на принципе нормативно-оценочного солипсизма. Перейдем к его описанию.

Одинокое Я и внесоциальные ценности. «Солипсизм» происходит от латинского выражения *solus ipse* - одинокое Я. Принцип нормативно-оценочного солипсизма означает: любая ценность может быть главной политической ценностью и критерием политической оценки. Но в любом случае она реализуется одиноким индивидом, который находится в совершенной изоляции от общества. Тем самым внесоциальные ценности есть критерии политических оценок и основание политических дебатов. Если ценность реализуется группой людей, объединенных интенциональными взаимными связями, она является социальной. Если ценность реализуется отдельным ин-

дивидом и даже единственным жителем мира, она внесоциальна.

Обычно политические дискуссии базируются на социальных ценностях. В АПФ такими ценностями считаются культурная гармония, социальный порядок, политическая стабильность и правопорядок. В этих ценностях концентрируются приватные, публичные и институциональные блага (семья, дружба, братство, гражданство, статус, власть, безопасность, достоинство индивида, политическое участие). Персонализм признает социальные ценности лишь в той степени, в которой их реализация влияет на судьбы индивидов.

Одновременно политические дискуссии базируются на внесоциальных ценностях. Главная из них - материальное благосостояние индивидов. Затем идут счастье, польза, негативная и позитивная свобода. Благом материального благосостояния индивид может пользоваться без всяких контактов с другими людьми. Счастье и польза есть приоритет удовольствия над страданием или отсутствие неудовлетворенных желаний. Негативная свобода - это невмешательство других в приватную жизнь индивидов. Для изолированного индивида негативная свобода есть главный идеал. Такая свобода отвергает не только прямое, но и интенциональное и потенциальное вмешательство других в приватную жизнь. Позитивная свобода включает негативную и предполагает высокую степень личной автономии и самоуправления.

Существуют также промежуточные ценности, которые тоже входят в состав политических дискуссий. Например, равенство включает активное и пассивное равенство. Активное равенство - это комплекс интенциональных связей и равенство индивидов перед законом. Пассивное равенство - это сравнительная ценность отдельного инди-

вида в изоляции от бытия других индивидов. Пассивное равенство связано с материальным благосостоянием людей. Потребление данного блага может происходить в полной изоляции от других людей. Следовательно, пассивное равенство - внесоциальная ценность.

АПФ считает внесоциальные ценности (польза, негативная свобода, личная автономия, материальное благосостояние и пассивное равенство) главными политическими благами и критериями политической оценки. Тогда как другие школы философско-политической мысли признают социальные ценности основными критериями политической оценки.

Акцент на внесоциальные ценности определяет специфику и радикализм АПФ. Например, аналитические философы поддерживают демократию. Но не считают критерием политической оценки демократическое участие и решение споров путем публичных дискуссий. Демократия есть ценность лишь в той степени, в которой она культивирует свободу, пользу и другие внесоциальные ценности. То же самое относится к правопорядку. АПФ не признает правопорядок абсолютной ценностью, на основе которой оценивается политическая система. Наоборот, уже Бентам определял закон как двусмысленное благо - вмешательство, оправданное усугублением других форм вмешательства. Наконец, ценности солидарности и братства подчеркивались в профессиональных движениях. Но отсюда не следует, что солидарность есть основа государства и критерий оценки политических решений. Правда, победа социализма в России толкала в этом направлении политиков и мыслителей, враждебных советскому режиму⁵⁸.

АПФ отвергает множество философско-правовых концепций, сформулированных континентальными философами и политическими деятелями. Упомянем здесь Руссо

(учение о всеобщей воле и ценности демократических дискуссий), Гердера (положение о связи культуры личности с народным духом), Канта (идея государства целей), Гегеля (концепция народного духа, реализующегося в государстве), Фридриха II и Бисмарка (идея «правового государства»), Дюркгейма (концепция аномии) и т. п. Не менее отрицательно относится АПФ ко всем современным теориям, в которых развиваются перечисленные идеи. Все они базируются на общей посылке: социальные ценности - критерий оценки политических структур. Императив АПФ звучит иначе: свойства одинокого изолированного индивида - главный критерий политических ценностей.

Влияние солипсизма на АПФ несомненно⁵⁹. Но солипсистская посылка начинает пересматриваться. Коммунитаристы подчеркивают значение социальных благ для образа жизни. Сторонники сильной демократии считают благом демократическое решение проблем с помощью дискуссий⁶⁰. Внутри АПФ тоже наметился отход от солипсизма. Роль стимула сыграла радикальная версия контрактуализма (свойства контракта конституируют политический выбор). Политическая версия контрактуализма считает социальную ценность дискуссий главным критерием политического блага. Она определяется возможностью и действительностью публичной защиты политических институтов

Таким образом, АПФ считает персоналистский солипсизм (а не социальные ценности) базисом политических оценок. Причина такой трактовки - социальный атомизм аналитической традиции.

Атомизм или холизм? Социальный атомизм полагает человеческие способности свойствами одинокого индивида. Социальный холизм базируется на ином постулате чело-

веческие способности - продукт социальной принадлежности. « Согласно холистическому тезису, жизнь в обществе - необходимое условие развития рациональности и бытия индивида как морального субъекта. Только в обществе индивид становится полностью ответственным и автономным существом»⁶¹.

Спор социального атомизма и холизма происходит на горизонтальном и вертикальном уровнях. Главный вопрос данного спора - в какой мере свойства и способности человека зависят (не каузально, а конститутивно) от его связей с другими людьми? На горизонтальном уровне данные связи понимаются как параллельные и горизонтальные отношения людей. На вертикальном возникает спор индивидуализма с коллективизмом. Коллективизм - это мера подчинения индивида социально-политическим силам, закономерностям и контролю, ограничивающим его субъективность. Индивидуализм отвергает такое подчинение. Пункт согласия атомизма с холизмом - признание людей более-менее автономными субъектами. Мера автономности определяется соответствием повседневных психических представлений реальному бытию человека. Одновременно продолжается спор о том, в какой мере человеческие способности невозможны без социальных связей⁶².

Социальный атомизм возник в XVII в. и принял форму концепции: правомочный социально-политический порядок невозможен без договора людей как досоциальных существ. Радикальная версия контрактуализма сформулирована Гоббсом и базируется на посылке: в качестве стороны договора человек не зависит от общества. Эту концепцию заимствовали другие мыслители и связали с социальным атомизмом. Его генезис совпал с эпохой открытия новых племен, народностей и этносов. С точки

зрения европейцев они находились в состоянии «дикости». Такое убеждение генерировало представление: общество возникает на базе договора индивидов, коснеющих в естественном («диком») состоянии. «Далеко не случайно, что классические теоретики атомизма высказывали крайне нелепые взгляды об историчности естественного состояния, в котором человек жил без общества»⁶³.

Определение человека как социального существа восходит к Аристотелю и не имеет ничего общего с холизмом. И. Берлин показал, что холизм приобрел ранг философской доктрины как реакция на атомизм. Холизм изобрели Вико, Руссо и Гердер - предшественники немецкого романтизма⁶⁴. Они знали атомистическую концепцию индивида и общества. Но сознательно выдвинули иной тезис: человеческая способность мышления зависит от языка, а язык есть социальный продукт. Для развития этой способности человек должен жить в обществе. Короче говоря, эти мыслители вступили в спор с Гоббсом. Руссо считал язык социальным продуктом и средством мышления: «Именно Руссо сформулировал пресловутую проблему курицы и яйца: что более необходимо - существование общества для изобретения языка или изобретение языка для установления общества?»⁶⁵. Руссо считал язык и общество главными факторами формирования мышления. Согласно Гоббсу, язык есть инструментальная ценность общения и памяти, «ибо человеческий ум не имеет никакого другого движения, кроме ощущения мыслей и связи мыслей, но при помощи речи и метода эти способности могут быть развиты до такой степени, что человек делается отличным от всех других живых существ»⁶⁶.

Романтический тезис - мышление зависит от языка, а язык есть социальный продукт - «обрел зрелую форму в

гегелевском понятии народного духа, идея которого выражается в государстве и политических институтах. Благодаря им народный дух обретает собственную идентичность»⁶⁷. Этот тезис повлиял на многих мыслителей, от Маркса и Дюркгейма до Ф. Бредли. Все они подчеркивают социальную сущность человека. Полагают связь индивида с другими людьми внутренней, существенной и необходимой. Без нее индивид не может стать человеком в полном смысле слова: «Входя в контакты с другими людьми, я охватываю своей сущностью человеческие связи и потому являюсь множеством отношений социального состояния»⁶⁸.

Однако АПФ занимает строго атомистическую позицию, которая ведет к нормативно-оценочному солипсизму. Бытие изолированного индивида полагается основанием политической оценки всех альтернатив. Например, в повседневных разговорах о политике принятие политических решений нередко считается лучше сохранения status quo. Профессиональная политическая и теоретическая деятельность предполагает доказательство того, что принятие политических решений ценнее бытия множества изолированных индивидов. Если политик и теоретик не в состоянии этого сделать, политические оценки становятся логически противоречивыми и бессмысленными. Поэтому мыслители, развивающие атомизм Гоббса, полагают изолированного индивида исходным пунктом политических решений. Все достоинства и недостатки таких решений рассматриваются с точки зрения индивида. Тем самым транслируется представление о «естественном состоянии», при котором взаимная изоляция индивидов есть норма. Иначе говоря, при принятии любых политических решений следует рассматривать их с точки зрения полезности для индивидов, предпочитающих изолированный образ

жизни. Если эта процедура пренебрегается, политические решения становятся самоцелью со всеми вытекающими последствиями.

Социальный атомизм полагает бытие одинокого индивида нормой социальной жизни. Политическая оценка предполагает сравнение различных социальных решений с учетом данной нормы. Применяемые при таком сравнении оценочные термины используются в разных социальных структурах по отношению к множеству изолированных индивидов. В итоге меняется роль политических ценностей как критерия оценки. Политические ценности должны быть реализованы не только в социальных альтернативах, но и в ситуации «одинокого Я». Политические ценности атомизма внесоциальны, поскольку относятся к одинокому индивиду и обществу. Атомизм требует, чтобы исследователь политики сосредоточился на вне-социальных ценностях, а политический философ занял позицию ценностного солипсизма.

Но логическая последовательность не всегда безусловное благо. Если признать концепцию изолированного индивида несущественной, то политическая оценка приобретает умеренную форму. Она учитывает сценарий одинокого индивида и другие решения. Классики АФ полагали, что бытие изолированного индивида протекает в комплексе альтернатив, оценкой которых должна заниматься политическая теория. Тем самым атомизм отделяет социальные ценности от государства и других политических институтов. Для аналитического философа и политического теоретика нет другого выхода, кроме признания внесоциальных ценностей главными критериями политической оценки. Напомним, что в состав таких ценностей входят материальное благосостояние, счастье, польза, негативная и позитивная свобода и пассивное равенство индивидов.

1.6. Консеквенциализм и деонтологизм

Теперь рассмотрим влияние АФ на теорию политического выбора. Политическое благо - это признание определенных свойств положительной характеристикой политических институтов. Свобода, демократия, равенство и производные свойства есть абсолютные ценности. Но выбор политических институтов не ограничивается ценностями. И потому благо не является единственной посылкой политического выбора. Для анализа отношения между благом и выбором АФ вводит различие консеквенциализма и деонтологизма. Предположим, негативная свобода индивида есть главное политическое благо. Какие политические институты наиболее подходят для ее воплощения в обществе?

Согласно консеквенциализму, необходимо сделать выбор институтов, которые наиболее успешно обеспечивают свободу. В результате их функционирования в обществе увеличивается мера свободы. Но это еще не объясняет специфику политического выбора. Обеспечение свободы может пониматься как максимум актуального или потенциального уровня ее реализации. Если потенциальная свобода предпочитается актуальной, то как проверить вероятность такой надежды? Ответ консеквенциализма гласит: надо установить политические институты, которые повлекут наиболее полезные последствия для свободы.

Однако политический выбор не ограничивается консеквенциализмом. Например, в современной России есть меньшинство фанатических сторонников православия, империи и коммунизма. Они пытаются создать авторитарное правительство и навязать указанные ценности всему обществу, не останавливаясь перед кровопролитием. Значит, институты обеспечения свободы в России долж-

ны запретить деятельность этого меньшинства. В противном случае оно усилится и захватит власть. Иначе говоря, согласно конвенционалистской теории политического выбора, обеспечение свободы не может обойтись без репрессий в отношении определенных групп.

Но большинство настоящих ценителей свободы отрицательно относятся к репрессивным политическим институтам, и выступают против структур и лиц, запрещающих деятельность политических меньшинств. В этом случае делается выбор таких политических институтов, которые практически реализуют ценность свободы. Эти институты обеспечивают свободу средствами, которые не ведут к ее ограничению. Уважают, а не обеспечивают свободу. Если нет меньшинств, использующих силу при решении политических вопросов, обеспечение и уважение свободы тождественны. Однако в реальном мире лица и группы всегда стремятся нарушить свободу. Поэтому уважение к свободе не тождественно ее обеспечению. Иногда приходится отказываться от обеспечения свободы.

Указанное различие относится к политическим субъектам, институтам и ценностям. Опишем его на примере консеквенциалистского и деонтологического пацифизма. Консеквенционалист действует ради обеспечения мира и требует того же от других субъектов политики. Но такое обеспечение предполагает подготовку, пропаганду и ведение войны в соответствии с принципом: *si vis pacem - para bellum* ⁶⁹. Практическое воплощение такого пацифизма ведет к тому, что военные и разведывательные ведомства, а также связанный с ними военно-промышленный комплекс начинают играть значительную роль в политике. Деонтологический пацифист осуществляет только мирные действия и ожидает того же от других. Поэтому при любых обстоятельствах он отбрасывает принцип «хо-

чешь мира - готовься к войне», включая все его практические, институциональные и теоретические следствия. Такой пацифист уважает, а не обеспечивает мир независимо от применяемых средств.

Таков смысл различия консеквенциалистского и деонтологического отношения к ценностям. Это различие сформулировано в аналитической теории морали и только начинает применяться в АПФ. Например, Ролз не учитывает указанное различие. При аргументации приоритета выбора над благом он подчеркивает необходимость нейтрального обоснования базисной структуры. И упускает из виду концепции достойной жизни, существующие в том или ином обществе. Между тем консеквенциалистская и деонтологическая теория политического выбора может применяться ко всем политическим ценностям. Любая ценность может быть практически реализована с помощью консеквенциалистской и деонтологической стратегии.

В первом случае политические институты обеспечивают, во втором уважают индивидуальные (равенство, честность, материальное благосостояние), социальные (демократия, правопорядок, публичное обоснование политических решений), правовые (использование индивидами принадлежащих им прав), институциональные (множество политических институтов, установленных при определенных обстоятельствах) политические ценности. В любой из них (включая смешанные формы) следует различать институциональное обеспечение и уважение ценностей. Политические институты обязаны соблюдать ценности в консеквенциалистском и деонтологическом смысле слова.

Это требование вытекает из аналитической теории морали, но не всегда используется в политической теории. Например, исследователи политики придают правам по-

литическую ценность. Но не уточняют, идет ли речь об уважении к правам или об обеспечении прав. Если право сводится к обеспечению, то соблюдение прав невозможно без их нарушения. Например, «заслуженное наказание» считается предметом уголовного права. Но юристы обычно не отвечают на вопрос: должно ли уголовное право уважать или обеспечивать «заслуженное наказание»? Если обеспечение прав есть цель уголовного права, то следует практиковать постоянное наказание всех лиц, причастных к отправлению права. И этот вывод может быть доказан исторически, эмпирически и теоретически по отношению ко всем субъектам и институтам права. Если цель права' - уважение «заслуженного наказания» как ценности, такая практика лишается оснований. Но реализация данной цели только начинается.

АПФ создает теоретические предпосылки для ее достижения. Прежде всего она позволяет углубить различие консеквенциализма и деонтологизма при анализе политических институтов. Такая задача ставится в статье Д. Ролза «Два понимания законов». Если институты создаются для обеспечения ценности свободы, отсюда не следует, что их персонал мыслит и поступает так, чтобы наилучшим образом способствовать этому: «Возьмем ценность пользы. Институты для обеспечения пользы не должны брать на работу только таких функционеров, которые во всех случаях принимают расчетливые утилитаристские решения. Если система уголовного права обеспечивает пользу, каждый судья тоже не может поступать только по утилитаристским стандартам. Как правило, эта система превращается в обычную бюрократию, в которой судьи поступают в соответствии с инструкциями. А инструкции запрещают или ограничивают утилитаристский тип практики»⁷⁰.

Этот вывод развивается в современной АПФ в виде проблемы «усердного функционера»⁷¹. Допустим, создан политический институт для обеспечения определенной ценности. Его персонал интернализовал данную ценность и занят ее обеспечением. В результате персонал института постоянно попадает в ситуации, при которых наиболее эффективный способ обеспечения ценности связан с нарушением инструкций. Поэтому «усердный функционер» вынужден постоянно отбрасывать любые инструкции. Каждая из них стремится обеспечить определенную ценность, но не позволяет индивидам руководствоваться собственным расчетом при ее реализации. Консеквенциализм не в состоянии решить эту проблему. Она относится ко всем политическим институтам.

1.7. Типы политических теорий

В АПФ сформулирована также идея о разделении всех политических теорий на деонтологические и консеквенциалистские. Одни авторы утверждают, что деонтология не занимается ценностями, а изучает проблему выбора независимо от политического блага. Другие разделяют политические теории по критериям цели, долга и выбора⁷². В заключение прокомментируем эту проблему.

Различие консеквенциализма и деонтологизма базируется на посылке: при выборе речь идет о нейтральной ценности, которая не связана с конкретными индивидами и ситуациями. Консеквенциалистские и деонтологические теории описывают, как конкретная ценность определяет выбор. Первая теория предлагает обеспечивать, другая уважать ценность. Обе теории определяют политический выбор по-разному: решение, которое обеспечивает дости-

жение определенной ценности; решение, независимое от ценностей. Деонтология определяет выбор без опоры на ценности. В этом случае выбор базируется на интуиции или на определенной формуле. Например, на императиве Канта: выбор сделан правильно, если скрытая за ним максима имеет силу всеобщего закона.

Нетрудно заметить, что деонтологическое определение политического выбора позволяет признать его правильным независимо от конкретных субъектов, ситуаций и обществ. В противном случае решающее значение придается частностям, деталям, обстоятельствам и личностям. А ценности рассматриваются как второстепенный фактор выбора. Однако политико-философское обобщение при знает ценности конституирующими. Следовательно, политическое благо - это решение субъекта о выборе определенной ценности при данных обстоятельствах для ее практической реализации. Субъект полагает, что выбор приведет к улучшению состояния вещей, людей и обстоятельств. Иначе говоря, деонтологическое решение проблемы выбора означает: субъект уважает, а не обеспечивает ценности. Консеквенциализм не выработал надежную теорию соотношения средств и целей применительно к данному месту и времени. Деонтологизм не снимает ответственности с человека за любой выбор. И позволяет связать политический выбор с типологией политических теорий.

Дворкин пишет: « Политическая теория может базироваться на цели, и тогда главной считается определенная цель (например, рост общего благосостояния), праве, когда на первый план выдвигается определенное право (например, право людей на максимум свободы), или на долге, и тогда ее сторонники признают главной определенную обязанность (например, послушание воле Бога, выраженной в десяти заповедях). Можно привести примеры абсо-

лютно и относительно чистых случаев, подпадающих под каждый тип теории. Утилитаризм - это теория, основанная на цели. Категорический императив Канта есть теория, основанная на долге. А теория революции Томаса Пейна опирается на право»⁷³.

Эту таксономию нетрудно связать с делением политических теорий на консеквенциалистские и деонтологические. Первый тип соответствует теориям, основанным на цели. Второй тип признает долг главной ценностью. Критерий оценки социальных и политических структур - уважение ценностей свободы, равенства и достоинства. Отсюда вытекают разные типы реакции и обязанности данных структур перед множеством индивидов. Тем самым различие деонтологизма и консеквенциализма неустранимо. Если согласиться с консеквенциализмом, то у индивидов нет никакого долга, кроме достижения цели. Но всякая цель связана с разными типами реакции в разных обществах. Отсюда вытекает отсутствие потребности в любых обязательных типах поведения, которые интернализированы в ценностях. Стало быть, консеквенциализм отрицает значение ценностей в политическом бытии.

Различие долга и права соответствует деонтологическим теориям, которые полагают первичность обязанностей. Права индивидов есть источник обязанностей. Традиция естественного права - самая древняя школа мысли, которая признает первичность обязанностей. Теория естественных прав человека сложилась в XVII в. и рассматривает права как источник обязанностей. Одновременно права есть средства морального контроля над политикой. Индивид применяет их для того, чтобы государство соблюдало свои обязанности перед гражданами.

Итак, различие теорий политического блага и политического выбора связано с наследством АФ. В теории поли-

тического блага синтезирован персонализм и солипсизм со всеми достоинствами и недостатками. Теория политического выбора основана на различии консеквенциализма и деонтологизма. Я думаю, что это различие можно использовать для классификации всех политических взглядов, доктрин и институтов. Тем самым политическая теория становится особым предметом исследования. Она изучается под углом зрения интеллектуальной строгости. В этом смысле методы и проблематика АПФ обладают универсальным значением - прежде всего по отношению к социальным и политическим наукам. Перейдем к анализу накопленного опыта в конкретных научных дисциплинах, развивающихся под влиянием АФ.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См: Макаренко В. П. Теория дескрипции и политическая метатеория // Социологические исследования, 1996, №5; Политическая концептология // Народы Содружества независимых государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Тезисы Международного научного конгресса. Санкт-Петербург, 15 - 17 мая 1996 г. Т. 3. СПб., 1996.

² См.: Макаренко В. П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса: очерк проблематики и методологии исследования. Ростов н/Д.: изд-во РГУ, 1985; Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов н/Д.: изд-во РГУ, 1987; Вера, власть и бюрократия: критика социологии Макса Вебера. Ростов н/Д.: изд-во РГУ, 1988; Бюрократия и сталинизм. Ростов н/Д.: изд-во РГУ. 1989; Кризис власти и политическая оппозиция // Советское государство и право, 1990, №11; Власть, оппозиция и выбор политолога // Проблемы преподавания политологии в вузах России. Ростов н/Д.: изд-во РГУ, 1991; Марксизм: идея и

власть. Ростов н/Д.: изд-во РГУ, 1992; Власть и легитимность // Россия - США: опыт политического развития. Ростов н/Д.: изд-во РГУ, 1993; Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии. М.: Высшая школа, 1996; Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб., 1996 и др.

³ См.: Аналитическая философия. Избранные тексты. М.: изд-во МГУ, 1993; Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс Традиция, 1998.

⁴ См.: Ляпин С. Х. Идеальные типы фактуальности // Философские исследования, 1994, № 1.

⁵ Грязное А. Ф. Вступительная статья // Аналитическая философия: становление и развитие, с. 8.

⁶ См.: Макаренко В. П. Политическая философия. Ростов н/Д.: Логос, 1992.

⁷ См.: Чипиков С. Г. Может ли русская философия быть аналитической? // Вестник лаборатории аналитической философии, 2000, №1.

⁸ См.: Макаренко В. П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов н/Д.: изд-во СКНЦ ВШ, 1998; Samotnawspolnota: wprowadzenie do filozofii politycznej. Rzwiszow, Wydawnictwo wyzszej szkoly pedagogicznej, 1999; Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социологические исследования, 1996, № 11; 1997, №7; Правительство и бюрократия // Социологические исследования, 1999, № 3; Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М.: Высшая школа, 2000; Главные идеологии современности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000; Толерантность в контексте фундаментализма: аналитический подход // Либеральный консерватизм: история и современность. М.: РОССПЭН, 2001; Кавказ: концептологический анализ // Социологические исследования, 2001, № 12 и др.

⁹ См.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М.: Логос, 1996.

¹⁰ См.: Следзевский И. В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода// Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.

"См.: Хиршман А. Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социологические исследования, 2001, №3.

¹² См.: Макаренко В. П. Феномен квазиполитики и проблема политических объектов// Вестник МГУ. Серия политических наук. М.: изд-во МГУ, 1998, №№2 - 3.

¹³ Материал для таких исследований уже появился на русском языке. См.: Современный либерализм: Ролз, Дворкин, Берлин и др. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.

¹⁴ См.: Огурцов А. П. Аксиологические модели в философии науки// Философские исследования, 1995, № 1.

¹⁵ См.: Аналитическая философия. Избранные тексты, с. 19 - 21.

¹⁶ См.: Капустин Б. Г. Что такое политическая философия? // Политические исследования. 1996, №6; 1997, №1 - 2.

¹⁷ См.: Розов Н. С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии, 1995, № 12.

¹⁸ См.: Четкое М. А. Неозатизм: мировые и локальные измерения // Политические исследования, 1996, № 2.

¹⁹ См.: Макаренко В. П. Технократические мамелюки. Ростов н/Д.: изд-во СКНЦ ВШ, 2000.

²⁰ См.: Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя, 1994, № 1.

²¹ См.: Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение, 1998, № 1(29).

²² Laslett P. (ed.). Philosophy Politics and Society. Oxford: Black-well, 1956. P. 7.

²³ См.: Benn S., Peters R. Social Principles and the Democratic State. London: Allen & Unwin, 1959; Hart H. The Concept of Law.

Oxford: Oxford University Press, 1961; Barry B. Political Argument. London: Routledge, 1965.

²⁴ См.: Weldon T. The Vocabulary of Politics. Harmondsworth: Penguin Books, 1953.

²⁵ Barry B. Op.cit. P. 35.

²⁶ Ibidem. E 290.

²⁷ Обсуждение основных выводов книги Г. Харта содержится в главе об аналитическом правоведении.

²⁸ Barry B. Political Argument: A Reissue. Hemel Hempstead: Wheatsheaf, 1990. P. 19.

²⁹ См.: Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск: изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 26 - 28.

³⁰ Rawls J. The priority of rights and ideas of the good // Philosophy and Public Affairs, 1988, № 17. E 252.

³¹ Ролз Д. Указ. соч. С. 54 - 55.

³² Там же. С. 267.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Укажем здесь только книги, которые попали в наше поле зрения: Daniels N. (ed.). Reading Rawls. Oxford: Blackwell, 1978; Pogge T. Realizing Rawls. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989; Kukatas C, Pettit P. Rawls: A Theory of Justice and its Critics. Cambridge: Polity Press, 1990; Beitz C. Political Theory and International Relations. Princeton, New York: Princeton University Press, 1979; Parfit D. Reasons and Persons. Oxford: Oxford University Press, 1984; Braithwaite J., Pettit P. Not Just Deserts: A Republican Theory of Criminal Justice. Oxford: Oxford University Press, 1990; Алексеева Т. А. Справедливость: морально-политическая философия Джона Роулса. М.: Наука, 1992.

³⁶ Nozick R. Anarchy, State and Utopia. Oxford: Blackwell, 1974. P. 155.

³⁷ Nozick R. Op.cit. P. 163.

³⁸ Ibidem. P IX.

³⁹ Ibidem. P. 16 - 17.

⁴⁰ См.: Waldron J. (ed.). Theories of Rights. Oxford: Oxford University Press, 1984; Frey R. (ed.). Utility and Rights. Oxford: Blackwell, 1985; Lomasky L. Persons, Rights and the Moral Community. Oxford: Oxford University Press, 1987; Miller D. Social Justice. Oxford: Oxford University Press, 1976; Griffin J. Wellbeing: Its Meaning, Measurement and Moral Importance. Oxford: Oxford University Press, 1986; Hardin R. Morality within the Limits of Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1988; Sen A., Williams B. (ed.). Utilitarianism and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

⁴¹ См.: Roemer J. Free to Lose: An Introduction to Marxist Economic Philosophy. Cambridge: Harvard University Press, 1988; Miller D. Market, State and Community: Theoretical Foundations of Market Socialism. Oxford: Oxford University Press, 1989.

⁴² Hayek F. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. London: Routledge, 1982. Vol. I. P. 205.

⁴³ Held D. (ed.). Political Theory Today. Stanford, California: Stanford University Press, 1991. P. 58.

⁴⁴ MacKinnon C. Feminism Unmodified: Discourses on Life and Law. Cambridge: Harvard University Press, 1987. P. 36.

⁴⁵ Okin S. Gender, the public and the private // Held D. (ed.). Political Theory Today. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 90.

⁴⁶ Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 234.

⁴⁷ Walzer M. The communitarian critique of liberalism // Political Theory, 1990, №18. P. 21.

⁴⁸ Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 80.

⁴⁹ Pettit P. Judging Justice: An Introduction to Contemporary Political Philosophy. London: Routledge, 1980. P. 209.

⁵⁰ См.: Barry B. Theories of Justice. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1989. P. 371.

⁵¹ Gauthier D. Morals by Agreement. Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 128.

⁵² Scanlon T, Contractualism and utilitarianism // Sen A., Williams B. (ed.). Utilitarianism and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 110.

⁵³ Bentham J. The Works of Jeremy Bentham. Vol. 1. Edinburg: William Tait, 1843. P. 321.

⁵⁴ ПолзД . Указ .соч . С. 20.

⁵⁵ Mill J. Essays on Ethics, Religion and Society. Collected Works. Vol. 10. London: Routledge, 1969. P. 267.

⁵⁶ См.: Dworkin R. Taking Rights Seriously. London: Duckworth, 1978. P. 179 - 183.

⁵⁷ Kymlicka W. Op. cit. P. 4.

⁵⁸ Для сравнения можно указать письма российских « солидаристов », которые скрестили корпоративное государство итальянских фашистов с русской этатистской традицией и чисто эсеровскими методами политической борьбы . См.: Политическая история русской эмиграции . 1920 - 1940. Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева . М.: Владос , 1999. С. 337 - 517.

⁵⁹ См.: Black S. Individualism at an impasse // Canadian Journal of Philosophy, 1991, №21. P. 366 - 367.

⁶⁰ См.: Barber B. Strong Democracy. Berkeley, California: Berkeley University Press, 1984.

⁶¹ Taylor C Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 191.

⁶² Эта дискуссия упоминается здесь потому , что смешивание атолизма с индивидуализмом , а холизма с коллективизмом характерно не только для аналитической философии.

⁶³ Taylor C. Op. cit. P. 90.

⁶⁴ См.: Берлин И. Философия свободы . Европа . М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 186 - 205.

⁶⁵ Wokler R. Rousseau on Society, Politics, Music and Language. New York: Garland, 1987. P. 169.

[№]Го66с Т. Соч. в 2-х тт. Т. 1. Москва : Мысль , 1991. С. 20 - 21.

⁶⁷ Taylor C. Hegel. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 387.

⁶⁸ Bradley F. Ethical Studies. London: Oxford University Press, 1962. P. 173.

⁶⁹ Хочешь мира - готовься к войне {лат.}).

⁷⁰ Rawls J. Two concepts of rules // Philosophical Review, 1955, №64. P. 21.

⁷¹ См.: Lyons D. Utility and Rights // Nomos, 1982, № 24. P. 107 - 138.

⁷² См.: Foot P. Utilitarianism and the virtues // Mind, 1985, №94. P. 196 - 209.

⁷³ Dworkin G. Taking Rights Seriously. London: Dockworth, 1978. P. 172 - 173.

Глава 2. Интересы.

Начнем с анализа влияния АПФ на экономическую теорию. Из предыдущей главы следует, что АПФ есть нормативная социальная теория, которая изучает политические институты с точки зрения долженствования - цели, прав и долга. Под этим углом зрения могут рассматриваться все формы социальной организации, в том числе экономические отношения, институты и мышление. Традиционная экономическая теория обычно определяется в категориях предмета (доходы, цены, товары, организация промышленности и т. д.) и методов. Нетождественность предмета и методов выражается в том, что в современных журналах по экономике публикуются статьи по проблемам экономической социологии, экономике политики, экономике права и т. д.

Для АПФ проблема метода является центральной. Тем самым возникает почва для взаимосвязи АПФ с теми направлениями современной экономической мысли, которые определяют экономику как определенный метод мышления. Согласно П. Гейне, он включает следующие свойства: методологический индивидуализм, принцип рациональности действующих субъектов, абстрактно-дедуктивные процедуры, анализ процессов изменения цен

при объяснении социальных явлений, эвристическое использование средних и крайних показателей'. Ранее было показано, что методологический индивидуализм и принцип рациональности действующих субъектов характерны для АПФ. Эти процедуры используются также при анализе взаимосвязи экономических и политических процессов. В результате возникла аналитическая экономическая теория (далее АЭТ). Попытаемся очертить ее специфику.

2.1. Проблема реализации выбора

Начнем с описания нормативного экономического мышления, которое характерно для утилитаризма и консеквенциализма. Оно включает два свойства: разделение дескриптивных и нормативно-оценочных элементов социальной теории; анализ дескриптивных элементов за счет нормативных. Данное различие не ограничивается эпистемологией. В АЭТ оно выразилось в выработке модели индивидуального потребителя. Потребитель обдумывает возможности и выбирает те, которые представляют для него максимальную ценность. Дихотомия спроса и предложения, возможности и выбора - основание экономического мышления.

Существует сходство АПФ и экономического мышления. АПФ базируется на определенной модели морального выбора. Индивид размышляет о существующих возможностях при принятии решения, соответствующего этическим нормам. Но его желания и возможности не совпадают. Поэтому индивид нарушает требования этики. Это нарушение связано с тем, что индивид не знает всех последствий выбора. У потребителя есть желания, но нет

адекватного представления о возможностях и последствиях выбора. Поэтому он не может сделать наиболее предпочтительный выбор. Таково же поведение индивида при моральном выборе.

Итак, проблема реализации выбора (далее РВ) является фундаментальной для нормативной социальной теории. Экономисты критикуют традиционную ПФ за пренебрежение данной проблемой. Учет возможностей выбора не является противоречивым требованием. Его можно преобразовать в постулат любой социальной теории, а не только экономического поведения. В частности, социальная наука показала невозможность достижения всех возможных миров. Причинные связи в социальных науках используются для ответа на вопрос: каковы причины данного социального порядка? Признание таких связей скрывает импликацию: социальный порядок зависит от существующих условий, но может измениться при чрезвычайных обстоятельствах.

Социальная теория считает существенными разные факторы и потому применяет разные методы анализа. В том числе анализ общества с нормативной точки зрения. Отсюда вытекает важность проблемы РВ. Желания и возможности индивида - это равноправные партнеры. Для фиксации такого равноправия в АЭТ используется метафора нормативных ножниц. Она отражает спрос и предложение при определении цены, реального и возможного выбора потребителя. Экономические и социальные аспекты проблемы РВ отражают разделение умственного труда. В любом случае данная проблема входит в предмет анализа. Тогда как проблема человеческих желаний изучена недостаточно. Приоритет в ее постановке принадлежит этике. Но во второй половине XX в. в АЭТ наметились подходы к анализу данной проблемы.

Этические теории конституируются по отношению к целям. Экономические оперируют абстракциями и дедукцией. В АЭТ эти процедуры объединяются. Примерами могут служить работы К. Арроу о социальном выборе, Д. Гарсаньи о проблеме неопределенности, Д. Бьюкене-на, А. Сена и Д. Брума о контрактуализме. Они созданы экономистами, но посвящены этическим проблемам. В данных трудах логика и математика применяются для анализа традиционных проблем философии морали. Все указанные авторы абстрагируются от ограничений социальной природы, которые влияют на анализ. Мы будем опираться на эти работы². Они интересны с точки зрения вклада экономической мысли в возрождение АПФ.

Интерес экономистов к этической проблематике определяется спецификой нормативной социальной теории. Она изучает конфликт между желаниями и возможностями. Этот конфликт способствовал формулировке понятия привлекательности (attraction). Привлекательность - это возможность РВ. Экономисты рассматривают данный феномен в контексте проблемы РВ. Кроме того, данное понятие используется для интеграции экономической теории с АПФ. Оно применяется экономистами также для критики традиционной концепции человеческих желаний.

Эта критика объясняется рядом причин. Рассмотрим только две: крах утилитаризма как парадигмы экономики благосостояния; извращения человеческой природы и влияние возможности РВ на представление о привлекательности при мотивировке человеческих действий. Анализ данных вопросов входит в состав экономической теории государства (далее ЭТГ). Ее влияние выходит за пределы АФП и политической мысли в целом. Но вначале опишем экономическую концепцию привлекательности

(аттракторов)³ и ее связь с утилитаризмом, в том числе место в АЭТ, для которой проблема возможности РВ играет существенную роль.

2.2. Что такое оптимальность ?

В современной экономике господствует концепция аттракторов В. Парето. Критерий Парето гласит: состояние мира X лучше состояния Y, если ни один индивид не живет хуже при X, чем при Y, или хотя бы один индивид живет лучше при X, чем при Y. Эволюционный или революционный переход от одного состояния мира к другому тоже оценивается в соответствии с данным критерием. Таков экономический смысл аттракторов и вытекающая из него социальная и этическая норма. Ее основные свойства - консеквенциализм, персонализм и индивидуальный выбор. Они совпадают с исследовательскими приемами АПФ.

Консеквенциализм связывает оценку с альтернативными состояниями мира. Привлекательность действий/программ/институтов пропорциональна их влиянию на состояние мира. Персонализм связывает благосостояние индивидов с привлекательностью альтернативных состояний мира. Никакого наиндивидуального блага (экономического, морального, политического, социального) не существует. Благо зависит от индивидуальных выборов. Индивидуальный выбор означает, что благосостояние индивидов улучшается по мере удовлетворения желаний.

Экономическая версия утилитаризма тоже исходит из данных посылок. Но она включает понятие общей суммы индивидуальных выборов при оценке и иерархизации состояний мира. Критерий Парето ставит на первое место такое состояние мира, при котором желания индивидов

удовлетворяются лучше (или не хуже) по сравнению с актуальным состоянием. Утилитаризм иерархизирует действительные и возможные состояния мира. Критерий Парето эту процедуру отвергает; исключает сравнение несправедливых состояний мира (при которых одни индивиды живут лучше других); полагает равенство главной социальной ценностью. Однако любое изменение действий/программ/институтов полезно для одних и вредно (или бесполезно) для других индивидов. Тем самым критерий Парето исключает сравнение и бесполезен при оценке практических действий. В АЭТ существует два способа решения данной проблемы.

1. Оптимальность в концепции Парето - это положение вещей, которое исключает улучшения и не нуждается в аттракторах. На этом основании измеряется дистанция от оптимума до конкретных состояний мира и предлагаются рекомендации по приближению к оптимуму. Такова стратегия новой экономики благосостояния. Она развивается в трудах Д. Хикса, Н. Кальдора и Т. Сцитовского и связана с анализом доходов, расходов и прибыли индивидов ⁴. Д. Хид на основе обзора данной литературы пришел к выводу: «Исходная цель нормы Парето - определение поля возможных применений при анализе распределения. Отсюда вытекает необходимость выбора между эффективностью (приближение к оптимуму Парето) и равенством как дистрибутивной справедливостью - редукцией различий при распределении доходов. Главная цель оптимума - выработка нормативных рекомендаций по вопросам текущей политики» ⁵.

2. Ограничение критерия Парето выбором основных правил социальной, политической и экономической иг-

ры. Эта процедура вытекает из невозможности вывести из критерия Парето строгие моральные постулаты. Поэтому критерий Парето не применяется для оценки программ деятельности. Он используется только для оценки правил, в соответствии с которыми они составляются. Согласие более вероятно на уровне общей суммы индивидуальных интересов. К тому же знание институциональных норм и процедур принятия решений обычно превышает знание программ конкретных действий. Д. Бреннан и Д. Бьюкенен предлагают институциональную версию критерия Парето: «Этот подход сконцентрирован на анализе институтов и базируется на посылке: главные положения экономики благосостояния (поскольку она изучает проблему норм) ограничены институтом свободного рынка. Экономика благосостояния базируется на двух положениях: идеальная конкуренция в условиях абсолютно свободного рынка ведет к оптимуму Парето; любой оптимум Парето достижим при идеальной конкуренции при надлежащем обращении индивидуальных капиталов»⁶.

Современное понимание проблемы предполагает сравнение идеальной конкуренции с монополией⁷. На этой основе сформулирован вывод о противоположности монополии оптимуму Парето. Главный смысл подхода - разработка институциональной компаративистики, которая предполагает выдвижение альтернатив актуальным формам организации рынка и политических решений.

2.3. Теория подержанных вещей

Концепция Парето широко применяется в АЭТ. Оптимум Парето предпочитается утилитаризму. Свойства аттракторов позволяют поставить проблему возможности

РВ в центр нормативной социальной теории (т. е. ПФ). Сходство основных свойств аттракторов с возможностью РВ включает следующие общие характеристики : 1. Постоянство этических норм. Они определяют смысл достижения идеала и дистанцию между идеалом и существующим положением вещей. Идея постоянных этических норм содержится в утилитаризме. 2. Аналитическую дистанцию между конечными целями и предметами выбора (действиями/программами/институтами). Положение о дистанции характерно для утилитаризма и консеквенциализма, но не для деонтологизма. 3. Отрицание этического идеализма как наиболее распространенной моральной философии. Рассмотрим эти свойства детально.

Постоянство этических норм. Суть РВ состоит в недостижимости любого идеала. Одновременно идеал выполняет нормативную функцию при анализе действительности. Каждая ее сфера отстоит от идеала и подвергается теоретическому анализу. Это не значит, что идеал как норма предполагает иерхизацию существующих, возможных и достижимых состояний мира (хотя возможность и достижимость идеала – значимые характеристики его описания). Просто в множестве достижимых состояний мира норма позволяет указать наиболее предпочтительное. Порядок и очередность остальных несущественны, поскольку строгое знание о множестве достижимых состояний мира невозможно. Однако любые социальные изменения элиминируют существующие состояние (которое полагается оптимальным при использовании критерия Парето). В любом случае для оценки стабильных, эволюционных и революционных состояний мира необходима постоянная этическая норма. На ее основе вырабатывается система критериев оценки состояний мира. Критерий

Парето не позволяет определить одно из них как лучшее из возможных. По сравнению с фактическим состоянием множество возможных состояний одинаково лучше. Поэтому критерий Парето удовлетворяет требованию постоянства. В любом множестве достижимых состояний он позволяет выделить подмножество идеальных состояний.

Из критерия Парето вытекает идея прерывности состояний мира. Эта идея отражена в понятии горизонтальной справедливости. Оно используется для нормативного анализа систем государственных налогов. Обычно налоговые системы устанавливаются по принципу равенства - наложения одинаковых налогов на индивидов с одинаковой платежеспособностью. Но теоретики-финансисты не в состоянии ответить на вопрос: как определить платежеспособность? При любом определении любые налоговые системы нарушают равенство. Поэтому идеал горизонтальной справедливости недостаточен для сравнения налоговых систем и дополняется мерой горизонтальной несправедливости. Она существует во всех налоговых системах. Данная мера нужна для того, чтобы оценивать средства достижения горизонтальной справедливости. Но литературы по данному вопросу мало. Этот факт фиксирует реальное противоречие любых систем государственных налогов и налоговой политики - отсутствие равенства и справедливости⁸.

Между идеалом и реальным положением вещей всегда существует дистанция. Она описывается в частной экономической теории подержанных вещей (second-best), главная проблема которой - выбор лучшего решения при недостижимости идеала. Выбор предполагает строгое определение условий и пределов решения. Суть теории сводится к положению: даже лучшее решение отклоняется от идеала. Это положение описывает ситуацию, «... при ко-

торой строгое определение идеала выражается как одновременное применение трех взаимосвязанных условий. Главное утверждение гласит: при появлении барьеров, которые делают невозможным соблюдение одного условия, лучшее из возможных решений нарушает все три условия»⁹.

Например, идеальное решение проблемы налогов - равное обложение всех индивидуальных благ и услуг. Перераспределение осуществляется средствами социальной политики. Однако свободное время есть главное человеческое благо, которое невозможно обложить налогом. Тем самым равенство налогов - далеко не лучшее решение. Если свободное время считать главным благом, то остальные надо облагать налогом производно от обмена на благо, не подлежащее обложению. Но такой налоговой системы нет ни в одном государстве мира. Следовательно, горизонтальная справедливость (принцип равенства) не есть идеал налогообложения. Если какое-либо благо нельзя обложить налогом, то на остальные блага можно наложить дифференцированные налоги без нарушения горизонтальной справедливости.

Отсюда вытекают промежуточные выводы: для реализации идеала он превращается в норму социального поведения; при этом указание на идеал недостаточно для описания предметов человеческих желаний.

Абстрактная концепция аттракторов Итак, РВ не устраняет дистанцию идеала и предмета выбора. Эта дистанция связана с возможностью РВ. Если применить механистическую аналогию, предметы выбора - это рычаги социальной машины для производства желательных продуктов. Социальный анализ объясняет, как воздействие на рычаги преобразуется в конечный результат. Если со-

циальная машина обходится без мотора, а рычаги превращаются в абсолютную ценность, социальный анализ теряет смысл.

Вытекает ли отсюда истинность консеквенциализма и ложность деонтологизма? Дилемма « консеквенциализм - деонтологизм» логически независима от возможности РВ. Например, деонтологическая норма - категорический императив Канта - требует, чтобы каждый индивид вел себя определенным образом. Эта норма имеет силу всеобщего законодательства и способствует воплощению идеала. Но из нее вытекает такое определение действия, которое требует значительных расходов на социальный анализ. Консеквенциализм полагает норму зависимой от индивида. Допустим, истина есть всеобщая социальная норма. При этом надо учитывать, что прямое высказывание истины при любых обстоятельствах и независимо ни от каких интересов уменьшит ценность истины. Но такая возможность маловероятна. Для ее реализации все индивиды при любых обстоятельствах обязаны говорить правду. Причем истина как норма социального поведения не требует детального социального анализа, без которого не может обойтись экономика. Норма истины не связана с проблемой возможности РВ.

Проиллюстрируем различие данных норм на примере демократии. Она считается альтернативой всем другим формам политической организации. Но отсюда не вытекает этическое преимущество демократии перед остальными политическими формами. Определение демократии как формы политического строя не есть основание выбора демократии как этического идеала (нормы). Конечно, термин « демократия» включает множество смыслов. Устранение многозначности термина позволяет усилить истинность аргументов в пользу демократии. Напри-

мер, политический строй/программа/действие определяются как недемократичные. Такое определение обладает нормативным смыслом, если демократия по определению считается благом. Но это определение обычно порождает классификационные (является ли данный политический строй демократическим?) и дефинитивные (какие свойства определяют демократию?) вопросы. Ответ на них не позволяет решить кардинальную проблему: почему демократический политический строй/программа/действие являются лучшими из возможных? В отличие от констатации фактов решение данной проблемы предполагает оперирование легитимизирующими аргументами. Они связаны с базисными ценностями демократии. Демократия реализует ценности путем воплощения и производства социальных результатов, которые являются лучшими с точки зрения ценностей.

Равенство - базисная ценность демократии. Она реализуется следующими способами: 1. Непосредственное воплощение (всеобщее избирательное право). 2. Пропаганда нормы равенства. 3. Равное распределение доходов и богатства посредством демократических процедур.

Второй смысл равенства предполагает анализ вопросов: как в данном обществе культивируется ценность равенства? как влияет на нее выбор политических институтов? Третий смысл связан с вопросами: как принимаются решения о распределении доходов? влияют ли они на фактическое перераспределение доходов? В любом случае открывается обширное поле для социологического анализа.

Иначе обстоит дело в первом случае, когда демократия оценивается с точки зрения внутреннего свойства. При этом исчезает аналитическая дистанция между демократией и равенством. Без такой дистанции невозможен со-

циологический анализ. Но и в этом случае непосредственное воплощение доминирует над экзemplификацией. Если равенство выражается опосредованно (институты представительной демократии), а не непосредственно (всеобщее избирательное право), тоже возникает поле для социологического анализа. Всеобщее избирательное право базируется на принципе: один человек - один голос. Но это право далеко не всегда адекватно воплощает структуру представительства. Априорный смысл демократии не исключает ситуацию, когда неравное распределение избирательных прав дает более адекватную структуру представительства.

Демократические институты тоже не всегда способствуют равенству доходов. Традиционная утилитаристская экономика обычно обходит эту проблему. В АЭТ она приобретает особую важность. АЭТ полагает ценностью равенство доходов, а степень равенства - аргументом в пользу демократических процедур. Отсюда вытекает вопрос: достижима ли при демократии большая степень равенства доходов и способствует ли она воплощению данной ценности? При ответе на вопрос надо учитывать логическую дистанцию между идеалом, предметом выбора и предметом оценки. Наиболее актуальный аспект проблемы связан с предметом оценки. Разработка АПФ невозможна без экономической концепции предмета желаний. Утилитаризм разработал такую концепцию, которая до сих пор претендует на универсальность. Но о ней выскажемся немного позже.

Сравнительный подход: лучшее против хорошего.

Возможность РВ - исходный пункт нормативного анализа. Следующий шаг - сравнение оценки с актом выбора. Эта исследовательская процедура предполагает сравне-

ние альтернатив с точки зрения этических свойств. В состав возможностей входят действия, состояния мира, институциональные решения, поведение и т. д. Выбор одного из них влечет за собой отбрасывание остальных. В этом состоит альтернативность. Если возможности не являются альтернативными, невозможно определить пределы реализации. Любой выбор отвергает другие выборы. Но эта процедура сопровождается этической оценкой любого выбора, в том числе отвергнутого. В противном случае оценка неадекватна.

Этот вывод АЭТ направлен против естественных реакций человека. Большинство людей руководствуется схемой «нравится - не нравится», которая приписывает этическую ценность любой ситуации. При этом индивид сознательно или бессознательно изолируется от альтернатив или сравнивает их с абстрактным этическим идеалом. Такое поведение нарушает требования сравнительного анализа. Для иллюстрации приведем два примера.

1. Каждый человек обладает воображением и без труда представляет мир, более совершенный по сравнению с существующим. Уже в Ветхом Завете описан мир, в котором нет войн, волки и овцы мирно соседствуют, в пустынях цветут розы, все люди едят до отвала и довольны друг другом. Короче говоря, полное «благорастворение воздуха». Недостижимость такого мира не надо доказывать. Также как нельзя отрицать, что воображение создает мнимые проблемы. Возможность РВ предполагает определение реальных проблем, которые разрешимы в данных пространственно-временных условиях. К этому сводится главная задача теоретика. На обыденном уровне она зафиксирована в поговорке: «Лучшее - враг хорошего». Лучшая возможность не всегда хорошая. Если все альтер-

нативы хуже наличного состояния вещей, то поиск лучшей еще более ухудшает ситуацию.

2. Смысл различия «хорошего» и «лучшего» состоит в следующем. Предположим, индивид сосредоточился на одном действии в убеждении, что оно приведет к хорошим последствиям. Но выбор данного действия определялся возможностью его реализации. Этическая оценка такого выбора недостаточна, если существовала возможность реализации другого действия. Но эта возможность была отвергнута по экономическим и политическим причинам (ограниченность бюджета, пропускная способность парламентских слушаний, невозможность быть в двух местах одновременно и т. д.). При такой ситуации предпочтение одного действия другому связано с ценой упущенных возможностей - стоимостью отказа от определенного выбора. Таков еще один смысл поговорки «Лучшее - враг хорошего». В АЭТ он применяется для оценки любых программ деятельности.

На первый взгляд, оба примера обосновывают консерватизм: индивид опускает руки из-за уверенности в том, что любое улучшение не исключает еще лучший вариант; индивид подавляет естественное отвращение к существующему порядку и стремление к новому потому, что плохое оказывается самым лучшим. Но подозрение в консерватизме ошибочно. РВ не означает неизменность политических и институциональных решений. Для изменений нужна уверенность в том, что они улучшат ситуацию. Речь идет о строгом определении предполагаемых изменений. А это предполагает анализ и сравнение их вероятных последствий. Такие процедуры необходимы для опровержения повседневной мудрости: хотя существующее положение вещей отвратительно, но ничего лучшего не существует.

2.4. Нищета экономики

До сих пор рассматривалась экономическая концепция аттракторов. Она соответствует АПФ как нормативно-оценочному социальному анализу. При таком понимании ПФ нормативный анализ приобретает особую важность. Он позволяет показать, что действия и программы на основе ложных теорий (ошибочно оценивающих возможность РВ) окажутся безрезультатными и приведут к нежелательным последствиям. Но экономический анализ проблемы аттракторов ведет к более радикальному выводу: если политические действия/программы/институты функционируют на основе человеческих желаний, они ведут к нежелательным последствиям.

В традиционной ПФ проблема возможности РВ рассматривается с медицинской (а не этической) точки зрения: диагноз предшествует лечению. Медицинская метафора считается не требующей доказательства. Действительно, медицина базируется на двух посылах: самоочевидности хорошего состояния здоровья; ошибочный диагноз ведет к лечению, которое вредит организму. Можно ли эти посылки применять для анализа общества?

Но медицинская метафора не очевидна. При ее использовании в экономике аттракторы отождествляются с минимальной требовательностью. Этим объясняется популярность критерия Парето и социальной нормы консенсуса. Она основана на убеждении: никто не станет отрицать самостоятельность выбора, поскольку отрицание означает противоречие самому себе. И потому никто не примет решения, в результате которого другие члены общества окажутся в худшем положении по сравнению с существующим. Тем самым другие возможности исключаются из рассмотрения, в том числе толкование привле-

кательности как альтернативности. В итоге обедняется нормативный аппарат экономики и социальных наук в целом. Они не в состоянии предложить выводы, вытекающие из богатого понятийного аппарата этики. Зато экономика не нуждается в постоянном обращении к строгой моральной философии. Проблема состоит в разработке такой концепции привлекательности, которая позволяет детально изучать экономические аспекты возможности РВ.

Конкретные примеры такого анализа фиксируют эвристические пределы аттракторов: 1. В 1930-е гг. началась замена утилитаризма как парадигмы нормативной экономики понятийным аппаратом концепции Парето. Замена объясняется невозможностью воплотить утилитаризм из-за недоступности информации, необходимой для реализации его постулатов. Но это еще не доказывает ложность утилитаристской этики. 2. Возможность РВ предполагает ведущую роль морали в человеческом поведении. Но большинство экономистов (вслед за Б. Мандевилем, А. Смитом и «отцами-основателями» США) отрицают моральную стойкость человека и возлагают надежды на невидимую руку рынка и стимулирующую роль государства. Эта оценка образует основание экономического концепта нормативной социальной теории. Экономическое понимание блага совпадает с юридическим реализмом. В обоих случаях речь идет о невозможности реализации решений, принятых в расчете на поведение людей в соответствии с требованиями морали.

Вначале рассмотрим экономическую критику утилитаризма. Затем покажем влияние проблемы возможности РВ на экономическое мышление, включая отношение к проектам улучшения существующего мира.

2.5. От доллара к этическому нигилизму

Утилитаризм сыграл главную роль в развитии экономической теории. От Д. Юма, А. Смита, Д. С. Милля до 1930-х гг. в экономике господствовала утилитаристская концепция человеческих желаний. Затем она сменилась теорией В. Парето. Поворотную роль в этом процессе сыграла книга Л. Роббинса «Природа и смысл экономической науки»¹⁰.

Эта работа совпала во времени с ординалистской революцией в экономике. Сторонники ординализма стремились обобщить маршалловскую теорию спроса, которая базируется на количественном измерении пользы потребления. Теория Маршалла некоторое время господствовала в экономике. Ее адепты доказывали ложность ординализма следующим образом: все положения теории спроса - следствие индивидуальных выборов; поэтому никакого дополнительного измерения пользы не требуется. Правда, ординалисты не отрицали возможность измерения пользы, но отбрасывали логическую необходимость такого измерения.

Роббинс поставил перед собой цель доказать противоположные положения: аргументы Милля и большинства экономистов базируются на утилитаризме; равенство распределения доходов зависит от оценок; экономическая наука исключает оценочные суждения. Тогда как последователи Милля доказывали: если глобальная польза индивидуальных доходов уменьшается, люди довольствуются равенством; поэтому для максимальной глобальной пользы надо уравнивать доходы. Например, у одного индивида 100, у другого 1 доллар. Если забрать 1 доллар у первого и отдать другому, убыток первого несравним с пользой другого. Следовательно, рост доходов ведет к паде-

нию абсолютной пользы. Перераспределение по принципу равенства увеличивает глобальную пользу до тех пор, пока доходы не уравниваются (если только перераспределение не окажется дорогостоящим). Но равенство доходов приведет к падению мотиваций. После уплаты налогов все получают средний доход (независимо от количества и качества труда). При таком положении вещей развивается социальный паразитизм - все индивиды стремятся жить за счет других. Тем самым равенство разрушает мотивацию.

Утилитаристский расчет максимальной пользы перераспределения доходов отличается от полного равенства. С учетом вероятных цен товаров и услуг эта польза предполагает равную зарплату всех индивидов, которая выплачивается из подоходного налога размером 25%. Тем самым равное распределение реализует лишь одну возможность применения этических норм.

Но Роббинс интересовался гносеологическим, а не этическим смыслом утилитаризма. И доказал невозможность его практической реализации по причине ложности эпистемологических посылок. Невозможно знать, что при передаче 1 доллара от одного индивида другому польза другого больше убытков первого. Не существует научных доказательств истинности такого вывода. Наука есть наблюдение реального поведения индивидов, которое для экономики является решающим. Оценочные суждения недостаточны для нормативных выводов. Для реализации максимальной пользы требуется информация, которую получить невозможно. Аргументы Роббинса были признаны в экономике. В результате утилитаристская экономика благоденствия была заменена концепцией Парето, которая не нуждается в intersubъективном сравнении пользы. Роббинс подчеркнул противоположность рыночного обмена и государственного перераспределения доходов.

Рыночный обмен полезен для обеих сторон. При государственном распределении одна сторона (правительство и аппарат управления) извлекает пользу из нанесения вреда другой стороне (населению страны).

Методология Роббинса базируется на бихевиоризме. Он считал достоверной только такую информацию, которая реализуется в фактическом поведении. Остальная информация (интроспекция, интервью, анкеты, опросы и т. д.) недостоверная, ненаучная и ложная. В ней отражен интерес индивидов к полезному для них перераспределению.

Этот вывод позволяет зафиксировать параллель концепций Роббинса и Ф. Хайека - Л. Мизеса. Правда, первый критиковал утилитаризм, а австрийские экономисты - социализм. Однако суть рассуждений Хайека-Мизеса сводится к положению о принципиальной недоступности информации для выработки оптимального социального плана. Индивиды не могут установить собственную пользу и производительную способность вне социального контекста, который определяется рынком. Для замены рынка планом нужна информация о доходах и расходах индивидов. Такую информацию они либо скрывают, либо она им недоступна. Но Хайек-Мизес не критиковали социализм за отсутствие социального выбора. И не исключали мотивы выработки оптимального плана и выполнения ролей в его рамках. Но отсюда не вытекает доступность указанной информации. Поэтому планирование (социальная координация в виде набора правил деятельности всех индивидов) в принципе невозможно. Рынок (особенно информация о ценах) необходим для индивидуальной ориентации в наличных социальных интересах.

Иначе говоря, выводы Роббинса и Хайека-Мизеса не относятся к одному предмету анализа. Зато они ставят од-

ну и ту же проблему: если ученый занимает определенную этическую позицию, то как он может получить достоверную информацию о реальном поведении индивидов, которая необходима для практического воплощения этой позиции? Эта проблема порождает производные вопросы: не является ли утилитаризм более строгой концепцией (с информационной точки зрения) по сравнению с теорией Парето? возможно ли вообще достоверное знание о том, что принятое решение улучшит положение одних и одновременно не ухудшит положение других индивидов? и становится ли ближе идеал всеобщей взаимной пользы в результате данного решения?

Экономисты почти не интересуются этой проблемой и вопросами. Работы Д. Бьюкенена являются исключением. Он предлагает критерий социального единомыслия для обоснования системы этических норм: «Если строгая проверка единомыслия невозможна, то у теоретика нет достоверных посылок для признания надежности критерия Парето. Утилитаристскую концепцию нельзя воплотить в жизнь из-за барьеров в получении достоверной информации. Но невозможно реализовать и те варианты стратегии Парето, которые не опираются на критерии научной проверки»". Правда, большинство экономистов убеждено, что свободный рынок является таким критерием. Но это мнение ложно по следующим основаниям.

Во-первых, данный критерий базируется на традиции мышления, для которой центральной является категория явного {а не скрытого) выбора. Эта категория опирается на убеждение: в действии отражено представление субъекта о благе. В результате смешиваются понятия вкуса, желания, выбора и ценности. Исключается другая традиция этической мысли, в которой ценности противопоставляются склонностям. Представление о рынке

как критерии научной проверки вытекает из посылки: на каждом этапе действия происходит оптимальное сочетание противоположных склонностей. Тем самым действия освобождаются от этического контроля. Отрицается этика как независимая инстанция оценки человеческих действий, ведь они по определению совпадают с индивидуальными ценностями. Отсюда вытекает либеральное кредо: «Никто не обязан поступать иначе по сравнению с фактическим поведением». Эта мудрость означает смерть этики. Следовательно, если этика - самостоятельная сфера человеческих отношений, то поведение не есть единственный источник информации о человеке. Не менее важным источником является язык (связанный с мышлением).

Во-вторых, рыночный критерий предполагает детальное описание недостатков рынка. Недостатки рынка - это множество ситуаций, при которых ни один индивид не может максимально реализовать собственные ценности по причине аналогичных стремлений всех индивидов. Обстоятельства появления таких ситуаций всегда находились в центре внимания экономики благосостояния на протяжении всей ее истории. При этом рынок сам по себе не определяет появление (исчезновение) таких обстоятельств. Эта проблема и является центральной для АЭТ: «Только строго определенный тест на единомыслие решает проблему появления таких условий. Рыночный критерий обладает всеобщностью только в той мере, в которой все индивиды единодушно согласны с существованием рынка как наиболее подходящим институциональным решением. Если такого согласия нет, рыночный критерий есть дело случая и произвола»

В-третьих, из поведения человека тоже можно извлечь определенную информацию о ценностях, хотя оно не яв-

ляется единственным источником. Но большинство экономистов не согласны с таким выводом. Следовательно, тезис Роббинса об эпистемологическом произволе intersubъективных сравнений ведет к этическому нигилизму.

2.6. Проблематичность пользы

Специфику такого нигилизма покажем на примере парадокса Арроу о принципиальной невозможности общего выбора. Существует целый массив экономической и философской литературы, в которой описаны разные версии парадокса. В нашу цель не входит ее анализ. Нас интересует только та версия, которая противостоит утилитаризму и эгалитаризму одновременно¹³.

Постулат Арроу гласит: любой общий метод установления социального порядка нарушает элементарные нормы человеческого поведения. Мнения индивидов о социальном порядке отличаются бесконечностью, которая не воплощена ни в одном обществе. И потому в принципе невозможен социальный порядок со следующими свойствами: доминирования (в смысле Парето): если хотя бы один индивид предпочитает X Y и ни один не предпочитает Y X , то в социальном порядке X стоит выше Y ; изменчивости: если в социальном порядке X стоит выше Y , а Y выше Z , то X предпочтительнее Z ; независимости от несущественных альтернатив: социальный порядок X по отношению к Y не изменяется в результате произвольного третьего выбора W ; отсутствия диктатора не существует индивидуального выбора, тождественного выбору социального порядка; если индивид отождествляет свой выбор с общим выбором социального порядка, он является диктатором. Но такого индивида не существует.

Разумеется, установление строгих рамок индивидуальных выборов позволяет связать их с главными свойствами социальных порядков и избежать парадокса Арроу. Но из этой связи невозможно вывести социальный порядок, в котором справедливость и честь определяются указанными свойствами

Новая интерпретация парадокса Арроу изложена в книге Д. Бреннана и Л. Ломаски «Демократия и решения». Авторы утверждают: интересубъективное сравнение пользы есть необходимый элемент понятий «социальные интересы» и «общее благо». Индивидуальные выборы различны. Но при любых обстоятельствах невозможен общий выбор, соответствующий критериям изменчивости, свободы от диктатуры и равенства. Иначе говоря, если польза является главной ценностью, то большинство общества предпочитает стабильность, твердую власть, неравенство, несправедливость и мошенничество. Отсюда вытекает порочный круг общего выбора. Правда, не исключена сумма индивидуальных выборов на основе противоположных ценностей. Но она нарушает требование независимости общего выбора от несущественных альтернатив.

Однако парадокс Арроу не содержит требования постоянства общего выбора путем голосования. Поэтому ошибочна трактовка парадокса как утверждения о порочном круге общего выбора на основе принципа большинства. Кардинальная проблема демократии - суммирование индивидуальных выборов в общий выбор. Суммирование - это иерархия социальных порядков. Но ее невозможно измерить количественно. Зато институты демократии позволяют избежать порочного круга. Не исключена также статистическая вероятность голосования избирателей, которое ограничивает феномен нестабильного большинства: «Проблема не сводится к гарантиям избиратель-

ного равновесия. Проблема состоит в гарантиях такого равновесия, для которого можно найти убедительные этические аргументы. Тогда как парадокс Арроу ведет к противоположному выводу: этические цели недостижимы без опоры на интерсубъективное сравнение пользы»¹⁴.

Философы морали сформулировали множество этических аргументов против утилитаризма. Тогда как экономисты вымучили одно соображение: утилитаризм невозможно реализовать из-за отсутствия информации, которая требуется для его реализации. Этот аргумент ведет к этическому нигилизму. Если же иметь в виду не природу, а содержание аргумента, то он является экономическим в той мере, в которой определяет толику возможности РВ. Она позволяет иначе взглянуть на проблему соотношения индивидуальных желаний и социальных целей. В экономике возможность РВ - главный критерий оценки любых социальных проектов. Поэтому отказ от утилитаризма в 1930-е гг. весьма показателен.

2.7. Уполномоченные исполнители обитатели ментовки

Становление АЭТ как разновидности традиции Просвещения связано с проблемой морального несовершенства человека. Возможность РВ - один из ее аспектов. Социальный анализ принципиально невозможен без определенной концепции человеческой природы. Нормативный социальный анализ базируется на послышке: если моральная доктрина считается истинной, индивиды и группы обязаны ее соблюдать. Однако утилитаристская экономика внесла уточнение в эту послышку. Недостаточно установить, какие социальные действия/программы/институты

требуются для реализации добродетели (блага, справедливости и т. д.). Важнее показать, как обязать людей поступать согласно данному требованию. При этом нельзя исходить из соответствия между действиями, поведением и моралью. Даже с той моралью, которую индивиды и группы полагают истинной: «Экономист обычно рассуждает следующим образом: если бы люди были ангелами, дела шли бы лучше; но в реальном мире надо отложить в сторону представление о героической природе человека и принять его поведение таковым, каково оно есть на деле. Это вынуждает экономиста обратить особое внимание на институты, которые экономят на добродетели»¹⁵.

Более двухсот лет в экономике господствует концепция человека экономического (*homo economicus*). Она считается главной моделью человеческого поведения и повлияла на социальную и политическую мысль и практику. Практическое применение модели базируется на принципах рационального (действия осуществляются на основе убеждений для реализации желаний) и эгоистического (желания самодостаточны и «объективны») поведения. Смысл принципов в конкретных обстоятельствах различен. Но в любом случае для реализации модели требуется анализ различных аспектов рациональности и эгоизма. В частности, экономия на добродетели (общем благе) базируется на принципе: люди никогда не поступают в соответствии с интересами общества. Для обоснования экономических средств решения данной проблемы вступает в силу другой принцип: частный интерес - главный мотив человеческого действия.

Оба принципа считаются неопровержимыми. Поэтому главная проблема экономики - как связать частные и общие интересы и предотвратить нежелательные последствия взаимодействия людей, несмотря на минимальные

мотивы индивидов поступать в соответствии с общими интересами? Архетипический ответ дал А. Смит в метафоре «невидимой руки» рынка. Отличительное свойство свободного рынка состоит в том, что человеческое питание не зависит от доброй воли мясников и пекарей. А. Смит назвал его «системой естественной свободы». Именно это свойство позволяет экономить на дефиците добродетели.

Но «невидимая рука» не ограничивается рынком. Политические мыслители Просвещения и творцы конституции США занимались поиском аналогичных политических механизмов. Например, Болингброк считал возможным создание правительств и законов, которые будут производить добродетель и явных негодяев превратят в хороших министров. Гамильтон полагал совпадение интересов и обязанностей главной гарантией морального достоинства людей. Американские федералисты создавали политические институты в надежде на то, что они соединят интересы и нравственные обязанности людей. Эта схема мысли существует до настоящего времени.

Экономисты и политики - главные сторонники экономии на добродетели. В литературе этот феномен описывается как отношение «уполномоченный - исполнитель». Уполномоченный ставит перед исполнителем определенную цель. Исполнитель занимает стратегическое положение, которое обеспечивает ее достижение. Одновременно исполнитель реализует свои цели. Расхождение целей уполномоченного и исполнителя образует главное содержание экономии на добродетели если исполнитель полностью интернализует цель уполномоченного, проблема исчезает. Уполномоченный обязан предложить такие решения, которые обеспечат исполнителя стимулами для использования собственного стратегического преимущества в интересах уполномоченного.

В обычной экономике такие проблемы возникают постоянно, на уровне элементарных человеческих взаимодействий. Например, существуют агентства по продаже недвижимости. В них сидят клерки. К ним обращаются люди, обладающие недвижимостью. Владельцы выступают уполномоченными по отношению к исполнителям-клеркам. Уполномоченные должны обеспечить клерков максимальными стимулами для того, чтобы они максимально использовали профессиональное знание для продажи имущества уполномоченных по максимальной цене. При этом следует учитывать, что интерес клерка - сбыть недвижимость максимально быстро с минимальными усилиями по приобретению профессионального знания. А многие из них продают недвижимость самим себе через посредников или подставных лиц.

Но проблема «уполномоченный- исполнитель» не сводится к экономике. Она обладает также морально-политическим смыслом. Допустим, цель уполномоченного - добиться определенного состояния социальной морали. Исполнители обязаны ее реализовать. И потому понятия уполномоченного и исполнителя применяются для анализа политики. Главная проблема политики - выработка гарантий использования политической власти в интересах граждан лицами, которым она доверена. Центральная проблема демократии - использование демократических институтов для принуждения власти к обслуживанию общих интересов. Анализ данной проблемы пересекается с главной задачей нормативной теории общего выбора. Ее принципы тождественны отношению «уполномоченный - исполнитель». Уполномоченные - это множество граждан со своими интересами. Реализация интересов доверяется политическим деятелям. Но политические исполнители-клерки обладают собственными интересами.

Эти интересы противоречат интересам граждан. Тем самым возникает кардинальный вопрос: обеспечивают ли демократические институты решение проблемы «уполномоченный - исполнитель»?

Такая формулировка главной проблемы нормативной политической теории связывает политические цели с выборами/интересами/ценностями граждан. Основная добродетель политических клерков-исполнителей - дисциплинированная добрая воля. Политики обязаны раньше других видеть интересы граждан и действовать в соответствии с ними. Тем самым лишаются оснований любые концепции «общего блага» как независимого от интересов граждан. То же самое относится к концепциям «общего блага» как зависимого от интересов политиков и их советников. Интересы последних есть одно из проявлений партикулярных интересов исполнителей. Модель «уполномоченный - исполнитель» ограничивает роль политики исполнением. А нормативный анализ политики связан с вопросом: насколько успешно политические институты выполняют эту роль?

Специфику анализа проиллюстрируем дилеммой заключенного. Два индивида подозреваются в совместном преступлении. После ареста прокурор приказывает поместить их в отдельные камеры и объявляет список наказаний: если оба признают вину, каждый получит восемь лет тюрьмы; если оба не признают вину, каждый получит год тюрьмы; если один признает, а второй не признает вину, первого освободят, а второй получит десять лет тюрьмы. Итак, подозреваемые в преступлении стоят перед проблемой общего выбора: признать или не признать вину. Структура индивидуальных выборов представлена на схеме 1. Каждая клетка таблицы состоит из двух цифр. Первая означает число лет тюрьмы, которую получит заклю-

		Заклученный 2	
		Признать вину	Не признавать вину
Заклученный 1	Признать вину	8 лет 8 лет	10 лет освобождение
	Не признавать вину	освобождение 10 лет	1 год 1 год

Схема 1. Дилемма заключенного

ченный 1 (далее ЗК1). Вторая - число лет тюрьмы, которую получит заключенный 2 (далее ЗК2). ЗК1 выбирает горизонталь, ЗК2 - вертикаль.

Суть дилеммы в следующем: эффективный общий выбор - отрицание вины обоими заключенными; эффективный индивидуальный выбор - признание каждого заключенного. В обоих случаях наказание минимально. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим рациональные индивидуальные расчеты заключенных. ЗК1 должен учесть два независимых от него выбора: признание или непризнание вины ЗК2. При любой реализации выбора признание вины сводит срок ЗК1 к минимуму. Если ЗК2 тоже признает вину, ЗК1 получит 8 лет при признании и 10 лет при непризнании вины. Если ЗК2 не признает вину, ЗК1 выйдет на свободу при признании или получит 1 год тюрьмы

при непризнании вины. Следовательно, независимо от выбора ЗК2, признание вины для ЗК1 - наиболее рациональный выбор. То же самое относится к ЗК2. Рациональный индивидуальный выбор предполагает признание вины каждым заключенным. Даже тогда, когда признание обоих хуже обоюдного непризнания. Тем самым индивидуальное признание тождественно (в смысле Парето) совместному непризнанию вины.

Ситуация меняется, если прокурор убежден в виновности обоих индивидов. В этом случае он доказывает пользу обоюдного признания моральными соображениями и применяет надлежащие институциональные процедуры. Конечный результат достигается стратегической манипуляцией контекстом выбора. В то же время признание предрешено рациональным индивидуальным расчетом. Если каждый индивид руководствуется таким расчетом (независимо от виновности), предположение о невиновности обоих не менее вероятно. Ошибка прокурора тоже не исключена. Он может быть заинтересован в улучшении статистики обжалования судебных решений. Однако учет мотивов поведения прокурора не меняет суть проблемы: независимый индивидуальный выбор противоположен общему выбору. Если общие интересы рассматривать с точки зрения индивида, суть проблемы сводится к противоречию частных и общих интересов. Конечно, добрая воля и коллективистское сознание индивидов тоже устраняют противоречие. Но если каждый индивид серьезно отнесется к следствиям собственного признания для другого индивида, признание вины исключено. Значит, возникает потребность в общем благе. При ее отсутствии общий выбор безрезультатен.

Указанная дилемма становится искусственной в результате моральных амбиций прокурора. В этом случае ее

		Игрок 2	
		B1	B2
Игрок 1	A1	0, 0	1, 1
	A2	1, 1	2, 2

Схема 2. Невидимая рука рынка

можно обойти с помощью установленных правил взаимодействия: «Дилемма заключенного порождена общими пастбищами в Англии. Жители деревни не могли удержаться от соблазна пасти свой скот больше соседа. Введение частной собственности на землю позволило избежать дилеммы заключенного. Следовательно, выбор частной собственности позволяет экономить на общем благе и потому является обоснованным»¹⁶.

Массив литературы о дилемме заключенного (для двух и множества индивидов) огромен. Теория игр широко применяется для решения социальных проблем. Действие невидимой руки рынка рассматривается при этом как следствие дилеммы заключенного¹⁷ (см. схему 2).

Взаимодействие двух индивидов иллюстрирует невидимую руку рынка. Каждый может избрать два действия: ин-

дивид 1 - A1 или A2, индивид 2 - B1 или B2. Каждый выбор связан с определенными доходами (зарботки и т. д.). Они представлены в цифрах. Первая фиксирует доходы первого, вторая - второго индивида. Выбор равенства доходов (3,3) наиболее предпочтителен для обоих. По сравнению с дилеммой заключенного равенство в данном случае не вредит, а благоприятствует реализации интересов: действие каждого полезно для обоих. Таким образом невидимая рука рынка экономит на добродетели/доброй воле/коллективизме и т. д. Институциональные решения зависят от соответствия поведения индивидов механизму невидимой руки. Каждый заинтересован в таких решениях. Поэтому рыночные институты устанавливаются (при возможности) и сохраняются (при спонтанном появлении) в соответствии с интересами индивидов.

Итак, специфика экономического подхода к проблемам нормативной социальной теории заключается в институциональном выборе. Институты позволяют обойти дилемму заключенного и организовать социальную жизнь путем наибольшего благоприятствования невидимой руке рынка. Такой подход является строго нормативным: « Пределы доброй воли и гражданской добродетели людей - непреодолимое препятствие на пути любых попыток воплотить в жизнь нормативные цели. Никогда не надо надеяться на моральные соображения как самодостаточный мотив действия. Тогда как любая нормативная социальная теория априорно полагает выполнение ее рекомендаций. И потому в лучшем случае содержит множество „белых пятен", а в худшем - мотивирует действия, результаты которых противоположны намерениям. Наиболее распространенная ошибка - пренебрежение моральной слабостью и нищетой человека. Экономисты считают, что традиционная политическая теория особенно подат-

лива на эту ошибку»¹⁸. Для ее преодоления разрабатывается экономическая теория государства.

2.8. Универсальный скряга ...

Исходным пунктом данной теории является тезис об эффективности рынка. Предполагается, что рыночная конкуренция ведет к оптимуму Парето. Главный пункт оптимума - всеобщая польза рыночного обмена. Это положение восходит к А. Смиту и Д. Рикардо и завершается теорией рыночного равновесия Арроу-Дебре. Но в данном процессе важны акценты.

Положение Смита об эффективности рынка базировалось на идее прогресса специализации и разделения труда. Смит считал, что двукратное увеличение рынка приведет к еще большему росту богатства. Этот аспект его концепции отражен в понятии возрастающей нормы прибыли. Современная экономика оперирует концептом постоянной прибыли. Смит утверждал, что рынок как система естественной свободы способствует росту богатства народов. Теория Смита - образец плутологического (от греческого *ploutos* - богатство) и не свободного от иллюзий дискурса (например: рост богатства автоматически увеличивает социальный престиж и счастье индивидов). Опыт показал, что связь богатства с человеческим счастьем - крайне сложная проблема. Парето сформулировал ее более строго: удовлетворение выбора - мера человеческих желаний. Выбор между богатством и другими благами зависит от индивидуального вкуса и произвола. Согласно Смиту, рынок надо предоставить самому себе. Действие невидимой руки рынка выражено в *laissez-faire* как универсальном правиле поведения.

А. Смит подчеркивал, что отсутствие политической власти не благоприятствует рынку (коммерческому обществу). Рынок - спонтанно возникший социальный феномен, не имеющий ничего общего с анархией. Правительство («мудрый суверен» в терминологии Смита) гарантирует действия невидимой руки рынка. Его функционирование невозможно без соблюдения права собственности (включая право индивида распоряжаться самим собой). Для этого нужны правовые институты, контролирующие обмен прав и выполнение договоров. Государству принадлежит конституционная монополия на применение насилия и охрану институтов свободного рынка - судов (для решения правовых проблем) и полиции (для исполнения судебных решений). Эта функция государства постоянно расширяется. Отсутствие таких институтов порождает всеобщий обман, невыполнение договоров и угрозу собственности. В итоге невозможен рост прибыли.

Иначе говоря, Смит развивал идею государства как институциональной оболочки рынка: «Большинство экономистов до сих пор повторяет аргументы А. Смита и не видит логической связи между положением об эффективности рынка и романтическим анархизмом. Экономисты - радикальные сторонники рыночных институтов - согласны с гоббсовским представлением об анархии»¹⁹. Но даже апологеты свободного рынка приписывают правительству распределительную роль. Эффективность рынка не означает идеального распределения доходов. Рынок обеспечивает организацию производства, которая основана на естественном распределении индивидуальных талантов и способностей. Но соответствует ли такое распределение норме равенства, которое в АПФ квалифицируется как распределительная справедливость?

На этот вопрос нет определенного ответа. А. Смит считал, что коммерческое общество способствует естественному распределению талантов и способностей таким же образом, каким оно стимулирует самостоятельность мышления. В современной экономике эта проблема выносится за скобки. Большинство экономистов согласны с тезисом об эффективности рынка в сфере торговой прибыли и увеличения совокупного богатства. Зато рынок совершенно неэффективен при распределении доходов. Государственное распределение не соответствует нормам справедливости и ведет к падению торговой прибыли. Отсюда вытекает необходимость жертвовать справедливостью во имя производительности (а не обмена). Тем самым устанавливается предел распределительной справедливости. Это значит, что при формулировке нормативного идеала надо учитывать имену понижения производительности. Она связана с таким распределением, которое квалифицируется как совокупная благотворительность общества. С нею связана социальная политика государства.

Ранее было показано, что утилитаристы рассматривают стагнационный эффект налогов как следствие неполного распределения. Оно необходимо для достижения максимальной общей пользы. В то же время утилитаризм обходит проблему особых прав малоимущих людей. Они могут претендовать на такие права только в той мере, в которой польза лишнего доллара для бедняка выше аналогичной пользы для богача. Ложность этого тезиса уже обсуждалась

Подведем итоги. Главное достоинство рынка - экономия на всем. Отсюда вытекают его производные достоинства: безразличие к доброй воле и моральной нищете индивидов; снабжение индивидов информацией, без которой невозможны индивидуальные представления об общих интересах; выработка инди-

видуальных мотивов действия в интересах других индивидов. Роль государства в идеальной рыночной системе двоякая: создание институтов (управленческого аппарата) для функционирования рынка; забота об оптимальном распределении доходов (с учетом нормы равенства). Но государство не обязано заниматься производством и предоставлением благ, услуг и пособий. Государство - эппюарбитр, распределяющий доходы с минимальными нарушениями справедливости.

2.9. ... и общее благо

Положение о государстве-арбитре не отвечает на ряд вопросов. Например: если рынок производит не пользующиеся спросом блага и услуги, то почему он не создает свои законодательные и исполнительные институты для решения этой проблемы? не являются ли такие блага и услуги причинами неэффективности рынка? почему потребность в распределении не удовлетворяется с помощью рынка? если распределение объясняется моральными соображениями, то почему этические нормы не являются всеобщими? достигим ли вообще при свободном рынке нормативный идеал?

Экономическая теория производительного государства создана для ответа на эти вопросы. В ней описано множество недостатков рынка. П. Самуэльсон еще в 1950-е гг. поставил вопрос: «Какую модель публичных расходов можно противопоставить классической смитовской концепции эффективности рынка? Ведь в пятой книге „Исследования о богатстве народов" Смит при анализе политики предвосхитил современные дискуссии об общих благах, а Д. Юм строго сформулировал проблему глупца»²⁰.

Кратко рассмотрим пропозицию Самуэльсона. Он предлагает вначале определить общее благо в чистом виде, а условия его оптимальности (которые отличаются от условий индивидуального блага) вывести из данного определения. Затем следует показать недостижимость оптимума в условиях свободного рынка. Согласно Самуэльсону, общее благо подлежит равному и полному потреблению всеми членами большой группы. Ни один индивид не может быть исключен из процесса потребления. Фейерверки, пожарная охрана, ядерное сдерживание, защита озонового слоя Земли - классические примеры общих благ. Так, защита озонового слоя Земли для одного индивида тождественна ценности данного блага для населения всей планеты.

Производство общих благ оптимально, если единица предложения соответствует цене потерянных возможностей. Цена единицы общего блага равна сумме потребительских цен. Единица индивидуальных благ (апельсин, мороженое, буханка хлеба) потребляется одним, а единица общих благ - всеми индивидами. Цена общих благ устанавливается всеми потребителями. Оптимальное производство общих благ означает: сумма полярных цен каждой единицы товара должна быть равной средней цене. Однако она недостижима в условиях рынка: « При оптимальных условиях любая единица товара оценивается каждым индивидом ниже ее цены. Поэтому ни один рациональный индивид не будет добровольно участвовать в ее производстве. И ни один не устоит перед соблазном паразитировать на труде других индивидов»²¹. Самуэльсон не формулирует условий равновесия рынка. Однако из определения оптимальности следует, что при равновесии индивид, который занят производством социальных благ, по-

лучает за это лишний доллар. Значит, равновесие и оптимальность рынка согласовать невозможно.

В экономической литературе уже поставлена проблема общих благ. М. Олсон и Р. Хардин подвергли фундаментальной критике утилитаристскую экономику, определили понятие общего блага и описали главные причины неэффективности рынка ²². Они выделяют два свойства общего блага: доступность - из процессов потребления не исключаются индивиды, которые не участвовали в производстве общего блага; потребительское общество (отсутствие конкуренции), в котором каждый индивид потребляет принадлежащий ему объем блага, не уменьшая при этом потребления других индивидов.

Эти свойства взаимонезависимы и порождают трагедию общих благ. Например, чрезмерный вылов рыбы в морях и океанах фиксирует доступность блага при отсутствии потребительского общества. Спектакли в закрытых залах (в отличие от зрелищ на открытом воздухе) - пример недоступности, потребительского общества и отсутствия конкуренции: «Указанные свойства общих благ и цена исключительного потребления подвержены колебаниям. Отсутствие конкуренции длится вплоть до момента, когда число потребителей достигает критического уровня. После этого потребление ограничивается в зависимости от места потребителя (например, близость к источнику блага). На этой основе нетрудно изобразить двухмерную репрезентацию потребления общих благ. Она включает два аспекта: от недоступности до полной доступности; от конкуренции до отсутствия конкуренции» ²³ (см. схему 3).

Противоположность общих и индивидуальных благ показаны на схеме как противолежащие вершины квад-

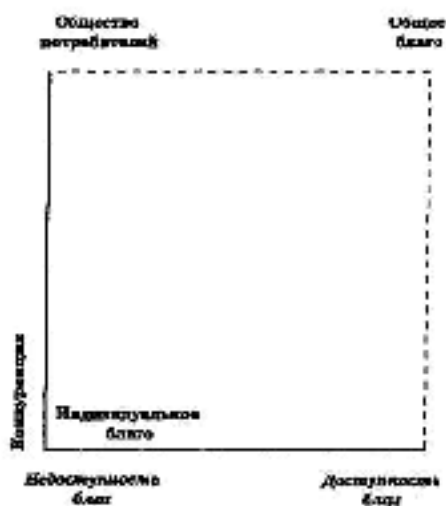

Схема 3. Спектр неэффективности рынка

рата. Каждая точка связана с мерой неэффективности рынка. Она измеряется размерами возможной, но не полученной прибыли (при наличии надлежащих средств строгого определения возможной прибыли). Либеральные экономисты еще не занимались систематизированием множества таких точек. Полная эффективность рынка связана с пунктом начала системы индивидуальных благ. Ряд понятий современной экономики (внешние рынки, падение цен и т. п.) описывают меру неэффективности рынка.

В конечном счете параметры неэффективности рынка сводятся к бесконечному числу версий дилеммы заключенного. Но теперь она стоит не перед обитателями каталажки, а перед всеми членами общества. В рыночном обществе любой индивидуальный выбор не ведет к его во-

площению. Рыночные механизмы не создают надлежащую мотивацию и координацию индивидуальных действий для достижения желаемых результатов. Это не значит, что в условиях рыночного общества полностью отсутствуют необходимая информация и стимулы. Просто развиваются систематические сбои того и другого. Коррозия мотивов, координации, информации и стимулов индивидуальных действий достигает предела в чистой форме общего блага. Поэтому создание рынком оптимального (в смысле Парето) количества индивидуальных благ тождественно недостатку общих благ. Следовательно, нормативные соображения в пользу рынка при обсуждении проблемы общего блага не имеют смысла. Для оптимального предложения общих благ требуется вмешательство государства.

Итак, теория общего блага дает ответ на вопросы: чем должно заниматься правительство? какая часть национального дохода должна идти в государственную казну? Однако на второй из них нельзя ответить без детальной информации о множестве индивидуальных выборов. А она доступна только на основе поведения индивидов на рынке. Данное поведение неизбежно деформировано. И все же достоинство описанного подхода к проблеме общего блага состоит в том, что такая информация не нужна для ответа на первый вопрос. Общие блага определяются чисто технически. В их состав входят морские маяки, оборона, охрана среды, программы здравоохранения (осушение малярийных болот, прививки от заразных болезней и т. п.). Расходы на данные блага трудно установить. Зато известно, что рынок не в состоянии ни обеспечить, ни нести расходы по культивированию таких благ. Этим определяется сфера активности государства. Она включает множество благ, которые правительство

обязано предоставить гражданам с учетом исторической практики. К ним относится и создание институционального аппарата для нужд рынка, если данный аппарат отличается свойствами общего блага. Суды, полиция и законы в значительной мере свободны от конкуренции и далеко не общедоступны. Следовательно, производительное и рыночно-конституционное государство взаимосвязаны.

Распределение не всегда является общим благом. В состав общего блага входит ответственность по отношению к бедным, предотвращение социальных конфликтов, напряженности и волнений, решение экологических проблем и т. д. Вклад в создание таких благ рационален. Каждый индивид вносит свою долю вклада в создание общих благ, если остальные индивиды поступают аналогично. Однако индивидуальные вклады в общее благо были и остаются минимальными. Это порождает у всех индивидов рациональный мотив уменьшить собственный вклад в создание общего блага. К тому же моральный долг не сводится к интернализации внешних воздействий на поведение индивидов. Они добровольно принимают на себя моральные обязанности в отношении бедных индивидов и групп. В этом случае индивиды согласны с внешними причинами собственных действий в пользу общего блага. Однако всегда существует дистанция между внешними причинами и индивидуальной склонностью к таким действиям. Нет необходимой связи индивидуального действия с внешними причинами. Тем самым рациональность субъективном действия в пользу общего блага всегда проблематична.

Утилитаристская экономика пытается разработать понятия для анализа данной проблемы. Например, Р. Масгрейв и А. Пикок предлагают понятие заслуженных благ

(merit goods) для анализа деформаций рациональности ²⁴. По их мнению, заслуженные блага тождественны общим благам и выполняют аналогичную роль. Однако понятие заслуженных благ «...крайне апологетично в отношении существующего общества. Оно базируется на иррациональных мотивах поведения фрустрированных индивидов и парадоксах эндогенного выбора и потому не получило признания экономистов при обосновании государственного вмешательства в рыночные процессы. Критическое отношение к данному понятию объясняется тем, что оно оправдывает действия авторитарных политических режимов. Поэтому экономисты по-прежнему убеждены, что все социальные проблемы можно решить посредством децентрализованных действий. Тем самым возможность иррационального поведения исключается по определению» ²⁵.

Сделаем промежуточный вывод о специфике подхода АЭТ к обсуждению нормативных проблем. АЭТ не изучает этические свойства любых решений/программ/возможных миров. Она ставит другой вопрос: являются ли данные решения/программы/возможные миры необходимыми и включают ли они все недостатки рынка? Для ответа нужна информация об индивидуальных вкусах, предпочтениях, ситуациях и выборах. Она подвержена воздействию многих факторов, трудноуловима или недостижима. Поэтому критика Роббинса по адресу утилитаризма сохраняет актуальность. АЭТ применяет главные идеи этой критики для анализа сферы политики. У субъектов политических действий есть веские причины стремиться к экономически мотивированному нормативному идеалу. Остается неясным, как это сделать. Из-за недоступности информации невозможно определить полюса индивидуальных и общих благ.

2.10. Зачем ходить на выборы?

Главный вопрос нормативной теории государства – что обязано делать правительство? В повседневном поведении он выражается в суждениях: «Правительство должно сделать то-то и то-то». Эти суждения – реакция на недостатки общества. При этом правительство осознается как *dues ex machina* любой нормативной дискуссии. Однако бог и машина не имеют ничего общего с экономическим анализом общества. Теоретики социального выбора отмечают, что любая связь роли правительства с общим благом опирается на модель добродетельного (просвещенного) деспотизма. Она не соответствует экономическому анализу человеческих мотиваций и социальных институтов.

АЭТ описала ложность данной модели. Если правительство рассматривается как единичный субъект принятия решений, его мотивы и интересы ничем не отличаются от остальных индивидов. Стало быть, цели и интересы правительства полагаются независимыми от целей и интересов граждан. Между тем даже деспотическое правительство не является единичным и независимым субъектом решений. Оно вынуждено учитывать интересы населения и знати своего государства из-за боязни народных восстаний и государственных переворотов. Не менее того обязательно учитывать интересы правящих кругов других государств других государств. Для этого создается система государственных ведомств. Они занимаются внутренними и иностранными делами, разведкой и контрразведкой, подкупом правительственных кланов и журналистов других стран, внешнеэкономической деятельностью и т. д.

При демократии роль правительства выполняется сетью политических институтов и процессов. Эта сеть не руководствуется нормами морали при принятии решений

Но дело не только в этике. Демократические институты не в состоянии решить проблему «уполномоченный - исполнитель». Политические процессы демократии не обладают свойствами невидимой руки рынка и не обеспечивают оптимальное количество общих благ. Эти выводы можно доказать эмпирически, исторически и логически. Следовательно, недостатки рынка отражаются в недостатках правительственной политики; с точки зрения общего блага оптимум Парето не достижим ни посредством рынка, ни с помощью правительства {государства}.

Нормативный анализ общего выбора (далее ОВ) связан с поиском свойств невидимой руки в демократическом политическом процессе и получил название «конституционной политической экономии»²⁶. Ее главная проблема - сравнение политических процессов с идеальным рынком. Экономический анализ ОВ есть множество попыток применить к политическим процессам аналитическую технику, которая используется для анализа рынка (допущение о главных принципах человеческого поведения, понятийный аппарат, эмпирическая база и т. д.). Всякие другие процедуры извращают сравнение политики с рынком. Некоторые ученые изучают ОВ потому, что он содержит теоретическую структуру анализа политики и формулирует прогнозы о поведении людей в других контекстах. Но большинство экономистов убеждено: принципы экономической теории истинны при любых обстоятельствах. В «конституционной политической экономии» ОВ приобрел методологический смысл. Сравнительный анализ институтов есть применение принципов экономической теории к изучению человеческого поведения.

Ранее говорилось, что анализ ОВ связан с вопросом о сфере активности производительного государства. Этот вопрос изучается в АПФ, но не исчерпывает ее проблема-

тику. В АЭТ главное значение имеет проблема возможности РВ. Поэтому описание политических процессов осуществляется для обоснования нормативных политических решений. Оно предполагает использование дедуктивных моделей для выдвижения гипотез, которые подтверждаются эмпирическими данными.

Экономический анализ ОВ концентрируется на элементах, определяющих рамки действия политических субъектов. Главный элемент демократии - политическая конкуренция на основе всеобщих выборов. Кандидаты (партии) в правительственные структуры и их программы подлежат постоянной ротации. Выборы гарантируют наличие у кандидатов индивидуальных и общих интересов, совпадающих с интересами граждан. Остальные элементы демократии (свобода прессы, двухпалатный парламент, разделение власти, правовое правление) зависят от результатов выборов. Этим объясняется связь ОВ с политической формой демократии.

Политическая конкуренция - отличительное свойство демократии. Граждане реализуют свободу путем участия в выборах. Без этого невозможна связь интересов граждан с действиями политиков. Однако анализ ОВ привел к радикальной критике политических процессов демократии. Эти процессы не ведут к оптимуму Парето. При сравнении с рынком демократическая политика проигрывает в достижении индивидуальных благ. В то же время не существует более эффективной формы политической организации, чем демократия. Ее эффективность определяется электоральными процессами. Анализ ОВ изучает влияние политической конкуренции на результаты выборов. Опишем главные выводы этого анализа.

Исходным пунктом рассуждений здесь служит положение о среднем избирателе (далее СИ). Если позиции избира-

телей находятся в рамках одного спектра политических взглядов, то политическая конкуренция двух партий (кандидатов) дает результаты, близкие или тождественные центру данного спектра. Результаты выборов соответствуют идеалу СИ. Истинность данного положения установлена при сравнении центристских и радикальных партий. Если все избиратели голосуют в соответствии с идеалом СИ, то кандидаты от радикальных партий обычно проигрывают соперникам, занимающим центристскую позицию. Данный постулат входит в теорию идеальных выборов.

Спроецируем его на проблему общего блага. Допустим, государственные налоги позволяют всем избирателям точно знать цену общих благ. Каждый обязан ее уплатить взамен за предоставление правительством общих благ стоимостью в один доллар. При этом все избиратели голосуют за кандидатов, обещающих такой уровень общих благ, который ближе к идеалу СИ. В этом случае политическая конкуренция заставляет кандидатов двигаться к идеалу СИ. Причем кандидаты не имеют никакого представления о политических позициях избирателей, поскольку подчиняются целям и программам своих партий. Таков вывод пространственной модели электоральной конкуренции. Она разработана Г. Готеллингом в 1929 г. по заказу фирм, вкладывающих инвестиции в железные и шоссейные дороги²⁷.

Выводы данной модели оптимистичны, но эмпирически и теоретически несостоятельны. Хотя оптимум достигим при особых условиях, все же предложение общих благ близко к оптимальному уровню (рассчитанному на основе условий Самуэльсона). Однако средний результат не позволяет учитывать выбор отдельных индивидов. Например, если все избиратели меньше нуждаются в общих благах, нежели один СИ, то это никак не влияет на результаты выборов. Отсюда вытекает, если результаты выбо-

ров соответствуют модели СИ, то они тоже не являются оптимальными. Оптимальные выборы в смысле Парето означают, что их результаты отражают изменение выбора каждого гражданина. Но этот результат недостижим в самом демократическом государстве.

Согласно модели СИ, политическая конкуренция целиком детерминирует поведение политиков. Тем самым кандидаты на правительственные посты (в их состав входят все партии, участвующие в выборах) превращаются в средние цифры. Конечно, нетрудно ослабить правила выборов и допустить неопределенность позиции СИ на оси различия программ политических партий. При этом большие партии обладают естественным преимуществом над новыми участниками политической конкуренции. Однако в рамках данной модели программы политических партий вынуждены подчиняться ограничениям с учетом распределения выбора граждан. Так происходит отказ партий от программных целей. А. Дауне показал, что эффект СИ позволяет предвидеть процессы и результаты политической конкуренции²⁸. Однако эмпирические исследования проблемы ОВ не подтвердили этот вывод. При переходе от одномерного к многомерному пространству социальных проблем постулат о СИ рушится. Возникает перманентная политическая нестабильность, причины которой многообразны.

2.11. Запрограммированная инерция

В одномерном пространстве ограничена возможность появления большинства. И потому невозможна коалиция противоположных политических сил, отвергающая реализацию центристской программы. В двумерном про-

странстве эта возможность становится реальной. Например, отдельные избиратели и социальные группы находятся под влиянием военно-промышленного комплекса и считают вооруженные силы главным общим благом. Кандидаты от этих групп обычно вступают в коалиции с лицами и группами, для которых социальная опека является главным общим благом. Возможны также коалиции с лицами и группами, вообще не нуждающимися в общих благах. А те, для кого вооруженные силы не являются общим благом, формируют другие коалиции. В итоге многомерное пространство аналогично делению конечной суммы среди бесконечного числа избирателей.

Невозможно разделить сто долларов между тремя лицами так, чтобы двое не обидели третьего. И чем больше сумма, тем больше наносимый вред. Общее правило таких ситуаций сформулировал Р. Мак-Келви: «Всегда существует цепь действий, поддерживаемых большинством, которая от любого наугад взятого исходного пункта в пространстве программ приведет к любому произвольному результату. Строго говоря, равновесие большинства невозможно. Нет такого положения в пространстве программ, которое невозможно преодолеть при сохранении принципа большинства. Даже в том случае, когда связь результатов выборов с действительными потребностями граждан минимальна. Отсюда вытекает: индивид, обладающий стратегическим влиянием на повестку дня выборов, всегда может добиться желаемого результата. Так что принцип большинства ничуть не ограничивает субъектов политики. Демократические процессы (включая электоральную конкуренцию) не могут решить проблему „уполномоченный - исполнитель"»²⁹.

Итак, во избежание появления проблемы нестабильного большинства надо ограничить индивидуальные политические

выборы. Значит, оптимизм по поводу демократических процедур и модель среднего избирателя лишены оснований. Пространство социальных проблем всегда многомерно. Особенно если правительство берет на себя функцию непосредственного (государственные налоги, трансфер и т. д.) и опосредованного (регулирование цен, таможенные пошлины, субсидии в производство и т. д.) распределения. Государственное распределение - это неопределенный способ « деления пирога» неопределенным большинством. Избиратели готовы голосовать за все, что обещает улучшить их положение.

Итак, нестабильное большинство - главная проблема демократической политики. Конечно, стабильность не самоцель. Суть дела в отсутствии логических границ нестабильности. Демократия - это дрейф в пространстве решений, в ходе которого не исключено ни одно плохое решение, в том числе и предрешенный результат. Он отражает индивидуальный выбор лица, обладающего стратегическим влиянием на повестку дня. Такой результат вытекает из отсутствия институтов, ограничивающих сферу нестабильности. Существует множество вариантов ее преодоления: право президента на вето, двухпалатный парламент, парламентские комиссии и т. п. В любом случае возникает главная проблема демократии: как ограничить естественную нестабильность большинства таким образом, чтобы лекарство не оказалось хуже болезни?

Д. Бреннан и Л. Ломаски показали сомнительность такого диагноза. Теория демократии изучает демократические процедуры без анализа ОВ. Поэтому она не может зафиксировать феномен радикальной нестабильности как следствие политических процедур. Согласно теории ОВ, эта нестабильность мнимая: «При демократии развивается запрограммированная инерция - неслыханное сопротивление-

ление перед любым отходом от наличных политических решений. Второстепенная корректировка ничего не меняет. Разумеется, время от времени происходят некоторые изменения. Но от них быстро отказываются. Или же вслед за ними осуществляется множество других мелких изменений, которые ведут совсем в другом направлении. Более того, представление о независимости политиков от электоральных соображений ложно в принципе. Мера лжи зависит от внимания политиков к СМИ и опросам общественного мнения. Но при демократии практически нет политиков, свободных от СМИ и общественного мнения»³⁰.

Бреннан и Ломаски опровергают и теорию ОВ. Она не анализирует «замкнутый круг» выборов по принципу большинства. В итоге из поля зрения теории ОВ выпадают причины голосования избирателей за бесполезные и вредные для общества политические решения: «Избирательные кампании - это поведение болельщиков на футбольном матче, а не действительный выбор политического пакета активов. Индивидуальный электоральный выбор не совпадает с результатом выборов. В условиях рынка существует однозначная связь индивидуального выбора и его результата. Теория потребительского поведения базируется на логике открытых выборов. Но эта логика отсутствует при выборах путем голосования. Вследствие этого этические и идеологические факторы играют в политике непомерно большую роль. Однако цена этических и идеологических убеждений избирателей несопоставима с рыночной ценой. Индивидуальный выбор на рынке имеет решающее влияние на события. При избирательной урне исчезают причины индивидуального выбора в соответствии с интересом, как бы он ни определялся»³¹.

Итак, при решении проблемы «деления пирога» индивиды более податливы на эмоции, нежели при индивиду-

альной трате денег и других средств. С точки зрения избирателя различие между тратой 10000 долларов и бесплатным приобретением товара равно нескольким центам. Такова вероятность влияния голоса избирателя на результат электоральной кампании. Демократическая процедура большинства в избирательных кампаниях потеряла смысл.

Бреннан и Ломаски фиксируют еще одну проблему демократии. Избиратель играет «втемную», поскольку не ориентируется в нюансах политических программ. Это ограничивает мажоритарную нестабильность и вероятность появления проблемы «замкнутого круга». Однако отсутствие связи индивидуального политического выбора с интересами избирателей вызывает другие проблемы: «Логика индивидуального выбора избирателя такова, что вполне возможна ситуация, при которой избирательные процедуры санкционируют результаты, на которые не решился бы ни один избиратель, если бы его голос был решающим. Избиратели голосуют в соответствии со своими этическими и идеологическими убеждениями. Но не менее того податливы на импозантный внешний вид кандидатов, лояльность к той или иной партии, неожиданные вспышки эмоций, ненависть к противникам и массу других причин, никак не связанных с общим интересом, как бы его ни понимать»³². Тем самым в политической конкуренции ссылка на общие интересы избирателей тоже не имеет смысла.

Это влияет на поведение политиков: «Политические представители руководствуются избирательными соображениями, но далеко не всегда связаны с интересами социальных групп и большинства общества. Модель среднего избирателя сохраняет силу для некоторых случаев. Но ее нормативные выводы остаются крайне неопределенны-

ми. Они базируются на посылах: средний избиратель всегда голосует в соответствии со своими интересами; а героический избиратель руководствуется собственным пониманием общего блага. Однако в избирательных кампаниях эти мотивы поведения почти не пересекаются»³³.

Общий вывод Д. Бреннана и Л. Ломаски далек от оптимизма: «Оптимум Парето (т. е. дистрибутивная справедливость) недостижим ни с помощью децентрализованных институтов рынка, ни посредством централизованных политических действий. Рыночные институты порождают проблему общих благ. Политические институты демократии порождают проблему нестабильного большинства и извращают поведение избирателей. Конечно, политический процесс оставляет значительное поле для влияния моральных аргументов. Однако в нем преобладает мораль демагогов. Они навязывают избирателям роль болельщиков, а не нормативную этику. Поэтому при демократии „ мораль" выполняет дескриптивно-апологетическую, а не нормативную роль. С аналитической точки зрения при демократии господствуют такие способы морального дискурса, которые ведут к политическому успеху. Выборы не оставляют места для нормативной этики»³⁴.

Итак, проблема общего блага далека от решения. Неясно, желательно или нежелательно вмешательство государства в рыночные процессы. Неэффективность рынка дает аргументы в пользу вмешательства. Но оно ограничено чистым видом общих благ. Поэтому нельзя считать данные аргументы основательными. К тому же при любом вмешательстве государства в рынок обостряется проблема РВ. рели экономическая активность государства становится элементом политики, всю совокупность решений в данной сфере надо анализировать с помощью дескриптивной, а не прескриптивной модели политики.

Например, Бреннан и Ломаски на основе анализа электорального процесса разработали модель экспрессивного голосования избирателей. Под влиянием эмоций они голосуют за такой объем политических действий, который одобряет большинство. Критерии отсутствия конкуренции и доступности общих благ при этом пренебрегаются. Группы избирателей длительное время «болеют» за ту или иную команду политических игроков и популярные представления об общих интересах. Эти представления испытывают сильнейшее влияние теории неэффективности рынка. Поэтому аргументы в пользу государства как гаранта общих благ приобрели ранг популярных иллюзий - стереотипов экономического и политического мышления. Эти стереотипы используются любыми политическими силами, прежде всего правительством.

Отсюда не вытекает реабилитация экономики благосостояния как позитивной политической программы. Эта экономика сформулировала лишь концепцию предмета желаний - качественный и количественный реестр благ, которые правительство обязано предоставить населению страны. Но она не содержит никаких указаний о способах достижения предмета желаний. Теория ОВ тоже не дает оснований для оптимизма.

2.12. Институциональная нора

В главе описан вклад АЭТ в АПФ. Он сводится к постановке проблемы возможности РВ. Такой подход влияет на стиль нормативной рефлексии и концепцию предмета желаний. Мышление в категориях возможности РВ сыграло важную роль в экономике. На этой основе осуществлена эпистемологическая критика утилитаризма и представле-

ния о человеческой природе, доминирующего в экономическом мышлении. Оно образует дескриптивный и «нормативный» аспекты экономической теории государства.

Термин «нормативный» взят в кавычки потому, что из анализа ОВ вытекает: теория общего блага не является адекватным описанием главных обязанностей правительства. Она лишь ставит диагноз о неэффективности рынка. Но неэффективность определяется на основе идеальной модели рынка, а не на базе институциональной альтернативы рынку. Следовательно, альтернативная нормативная теория государства должна включать описание неэффективности государства. Это описание базируется на дескриптивной теории политических процессов. При ее разработке АЭТ концентрируется на определении границ демократических политических действий. Для этого сравниваются централизованные и децентрализованные процедуры решения. Анализ ОВ используется для оценки политических решений, включая политические институты демократии.

Институциональный анализ - один из аспектов экономического подхода. Д. Бьюкенен сводит необходимость экономического анализа институтов к следующим причинам: 1. Для нормативного анализа любых программ и действий требуется информация об индивидуальном выборе, недоступная в обычных условиях. Она отличается от институциональных рамок появления и функционирования программ и действий. 2. Для институционального анализа аппарат АЭТ особенно эффективен. 3. В институтах суммированы индивидуальные выборы. Но в этой сумме участники играют разные роли. В качестве члена института каждый рациональный индивид является большим оптимистом, нежели в отдельности. В институтах всегда существует неопределенность будущих ролей индивидов. Каждый

из них надеется сыграть главную роль в неопределенном будущем данного института. Все это устраняет (или делает трудноуловимыми) индивидуальные интересы.

Главный вклад АЭТ в нормативный анализ общества связан с описанием условий эффективности децентрализованных институтов рынка и централизованных политических институтов.

В заключение уточним ее смысл. АЭТ изучает проблему возможности РВ и пределы человеческих действий в реальном мире. Тем самым не исключена возможность абсолютного доверия к экономическому и социальному анализу. Ведь все возможности воплощаются или не воплощаются в действительность. Однако ни экономика, ни социальные науки в целом пока не могут определить множество возможных воплощений хотя бы с минимальной степенью достоверности. Само определение зависит от бесконечного числа принципов бытия социального мира и взаимосвязей его фрагментов. Хотя эти принципы противоречат друг другу, но все они сопротивляются опровержениям на основе наблюдаемых фактов. Отсюда не следует реализуемость всех возможностей. Утверждения о возможности РВ есть комплекс высказываний разной степени вероятности. Серьезная формулировка проблемы возможности РВ позволяет отбросить все «неопровержимые принципы и законы» социальной организации.

Теперь уточним смысл эвристического потенциала АЭТ. Современная физика сформулировала принципиальное положение: акт наблюдения модифицирует предмет наблюдения. В социальной жизни взаимосвязь наблюдателя и предмета наблюдения (поведения и теории поведения) богаче и сложнее. Для мысли нет ничего невероятного и невозможного. Однако негероическая теория человеческого поведения стала элементом популярного экономиче-

ского дискурса. Она предлагает определенную оценку поведения, для описания которого должна служить. Как было показано, экономика благосостояния не выполняет данной функции.

Комплекс социальных институтов тоже создан для реализации идеи о худшем из возможных социальных миров. Социальные институты воплощают пессимистические представления о человеческой природе. Определяют поведение большинства людей и подрывают добродетель героизма. А без нее невозможно эффективное функционирование социальных институтов. Эта опасность не нова (понятие «лжи во благо» восходит к Платону), но не имеет решающего значения. Ведь эффект обратной связи институционального выбора и поведения людей входит в нормативный, но не исчерпывающий анализ общества. И все же беспокойство проявляется особенно сильно в комментариях на тему экономики и ОВ. Если абстрагироваться от научных достоинств указанных теорий, они делают нашу жизнь еще более мрачной. Такова цена истины. В обозримом будущем ее вряд ли удастся снизить.

II ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Нейпе Р. The Economic Way of Thinking. Macmillan: London, 1973.

² Изучение возможностей применения логики и математики к анализу проблем моральной и политической философии не входит в задачу главы и книги в целом.

³ В дальнейшем понятия привлекательности и аттракторов будут использоваться как синонимы, если это не требует специальных уточнений.

⁴ См.: Hichs J. The Valuation of social income // *Economica*, 1940, №7. Р. 105 - 124; Kaldor N. Welfare propositions of economics and

interpersonal comparisons of utility// *Economic Journal*, 1939, №49. P. 549 - 552; Scitovsky T. A note on welfare propositions in economics // *Review of Economic Studies*, 1941 - 1942, №9. P. 77 - 88.

⁵ Head]. *Public Goods and Public Welfare*. Durham, Newcasde: Duke University Press, 1967. P. 97.

⁶ Brennan G., Buchanan J. *The Reason of Rules*. New York: Cambridge University Press, 1985. P. 31.

⁷ См.: Arrow K., Hahn F. *General Competitive Analysis*. Edinburg: Oliver & Boyd, 1971.

⁸ См.: Johnson S., Mayer T. An extension of Sidgwick's equity principle // *Quarterly Journal of Economics*, 1962, №76. P. 454 - 463; White M., White A. Horizontal inequity in the federal income tax treatment of homeowners and tenants // *National Tax Journal*, 1965, № 18. P. 225 - 239; Plotnick R. The concepts and measurement of horizontal inequity//*Journal of Public Economics*, 1982, vol. 17, №3. P. 373 - 392.

⁹ Lirsey R., Lancaster K. The general ttheory of second-best // *Review of Economic Studies*, 1956 - 1957, №24. E 21.

¹⁰ См.: Robbins L. *The Nature and Significance of Economic Science*. Macmillan: London, 1932.

¹¹ Buchanan J. *Freedom in Constitutional Contract*. College Station: Texas A&M University Press, 1977. P. 69.

¹² Buchanan J. *Op. cit.* P. 74.

¹³ См.: Brennan G., Lmnasky L. *Democracy and Decision*. New York: Cambridge University Press, 1991.

¹⁴ Coughlin R Pareto optimality of policy proposals with probabilistic voting // *Public Choice*, 1982, № 39. P. 431.

¹⁵ Hirschman A. Against parsimony // *Economics and Philosophy*, 1985, № 1. P. 18; см. также: Макаренко В. П. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность М.: Вузовская книга, 2000.

¹⁶ Hardin G. The tragedy of the Commons // *Science*, 1968, № 162. P. 1248.

- ¹⁷ Shubik M. Game Theory in the Social Sciences. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982. P. 163.
- ¹⁸ Buchanan J. Op. cit. P. 201.
- ¹⁹ Buchanan J. The Limits of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1975. P. 58.
- ²⁰ Samuelson P. The pure theory of public expenditure // Review of Economics and Statistics, 1954, №36. P. 387.
- ²¹ Samuelson P. Diagrammatic exposition of a theory of public expenditure // Review of Economics and Statistics, 1955, №37. P. 355.
- ²² CM.: Olson M. The Logic of Collective Action. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965; Hardin R. Collective Action. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982.
- ²³ Hardin G. The tragedy of the commons // Science, 1968, № 162. P. 1246.
- ²⁴ CM.: Musgrave R., Peacock A. Classics in the Theory of Public Finance. London: Macmillan, 1967.
- ²⁵ Brennan G., Buchanan J. Op. cit. P. 144.
- ²⁶ CM.: Hammond T., Miller G. The core of the constitution // American Political Science Review, 1987, vol. 81, №4. P. 1155 - 1174.
- ²⁷ CM.: Hotelling H. Stability in competition // Economic Journal, 1929, №39. P. 41 - 57.
- ²⁸ CM.: Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper & Row, 1957.
- ²⁹ McKelvey R. Intransitivities in multi-dimensional voting models and some implications for agenda control // Journal of Economic Theory, 1976, № 12. P. 482.
- ³⁰ Brennan G., Lomashy L. Democracy and Decision. New York: Cambridge University Press, 1991. P. 44.
- ³¹ Brennan G., Lomasky L. Op. cit. P. 92.
- ³² Ibidem. P. 98.
- ³³ Ibidem. P. 141.
- ³⁴ Ibidem. P. 173.

Глава 3. Люди

Взаимодействие социологии и ПФ не менее интересно. До XIX в. сентенции и высказывания на социологические темы были постоянным мотивом философских сочинений. Эта традиция развивалась от Платона до Д. С. Милля. В текстах философов суждения о существующих социальных отношениях, процессах и структурах переплетались с утопическими проектами будущего общества. Несмотря на философское обоснование, эти проекты не воплощались в практику. Одновременно творцы утопий полагали, что в будущем обществе будут реализованы определенные принципы политической организации, с которыми люди рано или поздно согласятся. Идея о возможности реализации - исходный критерий для отличия утопий от совершенно невероятных предположений. В этом смысле социологическая рефлексия длительное время выполняла функцию политической теории в составе философско-мировоззренческих систем. Их социологическая составляющая колебалась от чистейших выдумок до научных гипотез. Однако до XIX в. социологическая рефлексия не претендовала на ранг особой дисциплины в целях обоснования ПФ.

В первой половине XIX в. Сен-Симон, Конт, Милль и Спенсер создали науку об обществе по образцам физики, химии, биологии и других эмпирических наук. Эти образцы существенно отличались от философских спекуляций об обществе. Спустя полвека социология превратилась в самостоятельную дисциплину и начала производить научную продукцию. На рубеже XIX - XX вв. Э. Дюркгейм и М. Вебер создали предпосылки для анализа проблемы взаимодействия социологии и ПФ.

Кратко проследим дюркгеймовский и веберовский способ постановки проблемы. У этих мыслителей можно обнаружить определенную систему взглядов на проблемы ПФ. Причем эти взгляды тесно связаны с социологическими концепциями классиков социологии. Дюркгейм и Вебер знали труды друг друга. Учитывали их при формулировке собственных политико-философских суждений. Они глубоко и всесторонне разработали проблему связи социологии с историей, психологией, правом, экономической теорией, создали свою методологию анализа общества. Без участия Дюркгейма и Вебера современная социология не смогла бы конституироваться. Труды Дюркгейма и Вебера повлияли на содержание вопроса о вкладе социологии в ПФ. Предшественники полагали, что социология возникает на стыке моральной и политической философии, психологии, экономики и истории. Теперь проблема выглядела иначе.

3.1. Цепь неопределенностей

В начале XIX в. А. Сен-Симон выразил надежду на появление социальных наук. К «высшим наукам» в то время причисляли физиологию и психологию, на которых бази-

ровались этика, политика и философия. Этот комплекс составил новую унифицированную науку о человеке, которая опиралась на биологическое знание. Предполагалось, что из нее можно извлечь политические выводы для новой организации человеческого общества.

После смерти Сен-Симона О. Конт создал свою версию этой науки: законы социологии описывают отношения людей; эти законы несводимы к законам психики, которые управляют поведением отдельных индивидов; психология - отрасль физиологии, поскольку сознание есть продукт состояния мозга; поведение людей объяснимо на основании чисто социологических принципов. Однако Конт не проводил различия между фактами и ценностями. Поэтому сформулировал положение, которое обсуждается до сих пор: политические принципы и решения содержат оценочные суждения, которые логически выводимы из социологических описаний. Следовательно, ПФ должна базироваться на социологическом знании.

Орган социальной мысли. Дюркгейм усвоил этот вывод на студенческой скамье. Его методология связана с концепцией Конта. Дюркгейм определял политическое общество как «результат взаимосвязи большого числа вторичных социальных групп, подчиненных одному центру власти и не подлежащих юрисдикции никакого другого высшего и правомочно установленного центра власти»¹. Государство есть орган социального мышления. Оно состоит из функционеров законодательной и исполнительной власти. Эта группа формулирует идеи и принимает решения, относящиеся к обществу в целом, анализирует, планирует и руководит социальными действиями. Но возникает вопрос: «К каким целям обычно стремится и должно стремиться государство в современных социальных условиях?» -.

На первую часть вопроса Дюркгейм отвечал так: число целей государства возрастает в ходе политической истории. По мере развития народа усложняются экономика, правовая система, культура и администрация. Поэтому государство умножает собственные цели и функции. Дюркгейм не соглашался с либеральным постулатом минимальной роли государства: оно должно гарантировать права человека, а не заниматься распределением социальных благ. Это требование в данных социальных условиях невыполнимо. Рост государства остановить невозможно без разрушения структуры цивилизованной жизни и отбрасывания ценностей, которые оно воплощает. Параллельно росту государства увеличивается значение индивида. Он уже не погружен в глубину социальной массы и не подчиняется коллективным представлениям, целям и практикам: «Сфера индивидуальной жизни расширяется и становится особым предметом морального уважения. Индивид обретает все больше прав в отношении собственной личности и предметов распоряжения. Индивид формулирует такие представления о мире, которые кажутся ему истинными, и беспрепятственно развивает свои способности»³. Нельзя пренебрегать личным достоинством индивида и заново погружать его в социальную массу.

В этом пункте Дюркгейм расходился с Гегелем. Тот предлагал иной рецепт: цели общества преобладают над частными целями и интересами индивидов; государство воплощает цели, по отношению к которым индивид есть средство; зато в награду за труды и лишения на «благо государства» индивид может утешиться «блеском его славы». Такая перспектива не устраивала Дюркгейма. Вместо этатистского «ледяного дома» в обществе набирает силу совершенно иная тенденция - повышение социальной роли и ценности индивида. Индивид есть «цель в себе». Его

нельзя сводить к роли средства для достижения целей государства. Наоборот, усиление государства предполагает все большее соблюдение прав индивида. Поэтому индивидуальная мораль развивается параллельно экспансии государства. Если государство ослабляется, оно не способно гарантировать права индивидов, руководить поиском новых форм свободы и защищать индивидов от групповой морали.

Носителями такой морали являются вторичные социальные группы (военные, клир, педагоги и тому подобная государственная обслуга). Обычно у них не хватает силы для надзора за поведением и мышлением своих членов. Едва государство слабнет, военно-полицейские и религиозно-педагогические группы выходят на политическую сцену. И успешно подавляют социальные конфликты и индивидуальную свободу. В то же время Дюркгейм считал такие группы необходимыми. Они препятствуют усилению государственного аппарата, который обладает органической тенденцией репрессивности и тирании. Необходимость указанных групп парадоксальна: путем противодействия государственному аппарату они препятствуют ослаблению власти государства. Государство использует силу только тогда, когда оно ослаблено и никаких других средств для совместного гражданского действия у него не остается.

Дюркгейм не питал особых иллюзий относительно государства. Оно далеко от повседневной жизни граждан и не может самостоятельно управлять обществом: «Коллективная деятельность всегда слишком сложна для того, чтобы ее мог выразить один-единственный орган - государство. Кроме того, государство слишком далеко от индивидов. Оно поддерживает с ними крайне поверхностные и неустойчивые отношения. И не обладает возможностью глубоко проникнуть в сознание множества инди-

видов и социализировать их изнутри. Вот почему там, где оно составляет единственную среду, в которой люди могут готовиться к практике совместной жизни, они неизбежно отрываются от нее, отдаляются друг от друга, а вместе с тем распадается и общество. Нация может поддерживать свое существование только в том случае, если между государством и отдельными лицами внедряется целый ряд вторичных групп, достаточно близких к индивидам, чтобы вовлечь их в сферу своего действия и таким образом втянуть их в общий поток социальной жизни»⁴. Таковы главные социальные идеалы и ценности развитых народов.

Затем Дюркгейм анализирует вторую часть вопроса о целях современного государства. Их две: 1. Государство обязано защищать граждан от власти вторичных социальных групп. Прецеденты уже были: государство освободило детей от абсолютной власти родителей, ремесленников - от цеховой власти, крестьян - от власти феодалов. Эта цель стоит и перед современным государством. 2. Государство обязано создавать условия и институты для полной самореализации индивидов, предотвращать любую личную власть, стимулировать обмен благами, услугами и сотрудничество индивидов для движения к общим идеалам.

Согласно Дюркгейму, критерием различия форм правления являются два свойства: внимание правительства к общим делам, включая критическую оценку собственных действий; отсутствие барьеров и развитая коммуникация между правительством и обществом. Эти свойства культивируются демократией. Демократические политические институты способствуют генерированию идей, мыслей и самокритики. Темп и сложность социальных изменений возрастает. Поэтому необходимо оперативное и рацио-

нальное изменение всех направлений и процедур правительственной деятельности. Демократия создает условия для поиска новых решений новых проблем. Коммуникация граждан с правительством способствует широкому распространению информации и оценок. Это ослабляет силу социального сопротивления изменениям, которое обусловлено привычками и традициями и противостоит критическому анализу. Демократия предполагает участие граждан в обсуждении общих дел. Поэтому она соответствует ценностям индивидуального свободомыслия и свободного действия. Граждане демократической страны - не пассивные наблюдатели, но активные и мыслящие соучастники правительственных действий. Только путем сопричастности можно понять пределы свободы правительства и согласиться с предлагаемыми решениями. В зависимости от степени понимания указанных пределов жизнь и мысль граждан переплетается с бытием государства.

Эти характеристики определяют моральный приоритет демократии над остальными формами правления. Демократия благоприятствует развитию самостоятельности мышления, знания и действия граждан. И тем самым гарантирует решение моральных проблем как главной задачи государства.

Таковы основные пункты дюркгеймовской политико-философской концепции. Рассмотрим ее недостатки.

Проблема политических свойств. Прежде всего неясно определение «политического общества» как производного от вторичных социальных групп. Связь таких групп обычно опирается на определенные действия и подчинение жесткому управлению (например, финансисты, Интерпол, спецслужбы, международная мафия, религиозные

конфессии, транснациональные корпорации и т. п.). Эти свойства не зависят от юрисдикции того или иного государства. Такая социальная связь соответствует описанию Дюркгеймом вторичных социальных групп. Однако перечисленные группы не являются ни обществами, ни политическими обществами. Видимо, эти группы можно определить как клики, свободные от обязанностей перед государством. Хотя формально они далеко не последняя спица в государственной колеснице. Проблема классификации таких клик и их влияния на внутреннюю жизнь конкретных стран пока далека от решения.

Дюркгейм доказывал, что современное общество должно поддерживать вторичные социальные группы, поскольку они препятствуют злоупотреблениям государственных служащих. В то же время он допускал, что авторитарный режим может эффективно бороться с такими группами и даже элиминировать их влияние на политическую жизнь. Следовательно, существование указанных групп не является необходимым условием политического общества. Позиция Дюркгейма была бы прочнее, если бы государство без вторичных групп определялось как «политическое общество». Но в этом случае возникает логический круг: свойства вторичных групп не являются политическими и одновременно образуют необходимое условие определения политической организации общества.

Правда, это противоречие вполне реально. Оно всегда существовало в государствах, в которых отсутствовал политический контроль над племенными группами и провинциями. Некоторые государства прошли этот этап. Другие только начинают его проходить. Но в большинстве государств Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки и в настоящее время существует разветвленная столичная администрация и по несколько солдат и чи-

новников в провинции. Как известно, сила госаппарата пропорциональна природной, социальной и политической территории, которую он контролирует. Если контролируется только столица, госаппарат теряет роль политического свойства. Иначе говоря, оба критерия « политического общества» - вторичные социальные группы и госаппарат - в концепции Дюркгейма являются неопределенными.

Неопределенность не устраняется, если государство использует традиционные общности (племена, родовую знать) или вторичные социальные группы (профессиональные и территориальные) для достижения своих целей. В этом случае неопределенность критериев « политического общества» преобразуется в неопределенность « целей государства». Если « цели государства» недостижимы без участия традиционных и современных форм социальной организации (а именно на этом настаивает Дюркгейм), то государство как «орган социальной мысли» сводится к накоплению данных о социальной действительности. Такой материал действительно нужен для анализа, планирования и выработки политических решений. Но тогда государство превращается в громадную научно-исследовательскую контору (хотя братья Стругацкие предлагали назвать ее НИИЧАВО - научно-исследовательский институт чародейства и волшебства). Предполагается, что она функционирует только для удовлетворения мыслительной потребности населения. А ее персонал и структура меняются в зависимости от готовности и способности разных социальных групп реализовать «научно-бюрократические идеи» государственных чиновников. Утопичность такого предположения тоже очевидна.

Согласно Дюркгейму, госаппарат зависит от власти вторичных групп, но не гарантирует защиту от них. В

этом случае ответ на вопрос о том, какие цели государство должно реализовать, невозможно вывести из знания о том, какие цели государство реализует на деле. Если государство не утруждается проблемой долженствования, мышление опять наталкивается на порочный круг: государство должно защищать индивидов от власти вторичных групп и одновременно создавать гражданам условия для развития способностей. В этом случае каждый рожденный индивид в момент рождения должен попадать под государственную опеку. В прошлом и настоящем трудно найти такое государство. Хотя его проект можно обнаружить в текстах Ж.-Ж. Руссо. По крайней мере, обычное правительство не ставит перед собой таких целей. Оно занято предметами более возвышенными...

Есть ли смысл рассматривать рутинные цели государства (они записаны в множестве конституций) как критерий и идеал целей, к которым оно должно стремиться? Конечно, экономика и социальная организация усложняются. Но из этого факта не вытекает необходимость возрастания государственных функций. Они без особого труда могут выполняться традиционными и вторичными группами, частными лицами или вообще не выполняться. Возникающие лакуны в современном государстве обычно заполняются программами конкурирующих политических партий и других добровольных помощников государства. Правда, государство может взяться за поддержку традиционных механизмов биологического и социального воспроизводства. Ведь увеличение населения издавна служило аргументом в пользу того, что государство существует «не зря». В этом случае количественный и качественный рост государственных функций оправдан. Но в результате возникает множество абсурдных ситуаций. Классификации видов государственного абсурда пока не

существует. Хотя ее предпосылки складывались в политической истории всех стран, включая Россию⁵.

Допустим, Дюркгейм прав: всякая задержка роста государства вредит обществу. Это положение вытекает из общего постулата: сильное государство необходимо для развития индивидуальной морали как самодовлеющей ценности и необходимости одновременно. Однако сомнительна сама нужда в сильном государстве и ценности индивидуальной морали, «производимой» государством, прежде всего из-за невозможности строго определить понятия «индивидуальная мораль» и «самореализация индивида». Если четко не определены индивидуальные свойства, которые следует развивать как ценности, то невозможна строгая оценка данных свойств. Если строго определить культивируемые свойства индивида, пропадает определенность их моральной оценки. То же самое можно сказать о высокой оценке данных свойств, если они воплощены в жизни конкретного человека. Иначе говоря, Дюркгейм предлагает цепь неопределенностей при обсуждении вопроса об отношении между государством и моралью.

Мораль и государство. Термины «индивидуальная мораль» и «самореализация индивида» у Дюркгейма отражают приоритет качеств индивида над свойствами группы. «Группа как таковая, - писал Дюркгейм, - уже не является ценностью в себе и для себя. Она есть только средство воплощения и развития человеческой природы в той степени, в которой этого требуют актуальные идеалы»⁶. Но Дюркгейм не анализирует обоснованность «актуальных идеалов». Вместо этого он ставит два вопроса: как возникли данные идеалы? подлежат ли они постоянным изменениям?

Ответ на первый вопрос звучит так: социальные факты (плотность населения и разделение труда) ослабили коллективные чувства (социальную интеграцию) и усилили различия людей. Но общие свойства человеческой природы не исчезли. Они и образуют содержание актуальных идеалов. Ответ на второй вопрос тоже неясен: прогресс «индивидуальной морали» связан с множеством других свойств современного общества. Поэтому ликвидация «индивидуальной морали» приведет к социальным потерям. По мнению Дюркгейма, надо заменить индивидуальную мораль новыми коллективными чувствами и представлениями. Хотя такие изменения навязать невозможно.

Однако политические события XX в. делают этот вывод сомнительным. Например, не только апологеты, но и критики советской России, нацистской Германии, маоистского Китая, титоистской Югославии не отрицали привлекательность данных обществ и государств для остального мира и связывали это свойство с готовностью населения данных стран принять коллективистские ценности. То же самое относится к нынешним исламским фундаменталистам. В некоторых странах они взяли власть, а в других странах продолжают за нее бороться. Следовательно, социалистические и исламские страны пытались или пытаются заново погрузить индивида в «социальную массу», поставить ценности коллективизма выше индивидуальных ценностей, внедрить в сознание людей убеждение: рост благосостояния и славы государства - высшая ценность, к которой должен стремиться гражданин.

Социалистическая версия коллективизма потерпела крах. Но религиозная помирать пока не собирается. Возможно, в обозримом будущем она займет место социалистической. Многие современные государства пытаются

реанимировать не только религиозные, но и политические, экономические, культурно-цивилизационные и тому подобные коллективные чувства. Сколько времени протянутся эти попытки, пока неясно. Но само их «наличие» (если применить канцеляризм) позволяет усомниться в неизбежности «самореализации индивида» как главной ценности

Не исключено, что при определенных условиях для культивирования «индивидуальной морали» некоторые индивиды не могут обойтись без государства. Тогда как государство может обойтись и без индивидов. Дюркгейм отмечал, что тенденция ослабления (в крайних случаях - уничтожения) вторичных социальных групп является постоянной. Она помогает подчинить власти госаппарата население страны. При такой тенденции « индивидуальная мораль» эквивалентна полному отсутствию поддержки со стороны государства. Значит, усиление государства недостаточно для развития « индивидуальной морали». Ценность коллективизма для государства ничуть не меньше.

Наиболее показательный пример « благотельного государства» - улучшение материального благосостояния населения и признание социальных прав граждан (общие права на здравоохранение, жилье, труд, обеспечение по старости и т. п. и особые модификации данных прав для бывших «государственных мужей»). Эти права - мотив и награда за лояльную службу государству. Значит, они тоже укрепляют «индивидуальную мораль». При этом политические права граждан могут успешно подавляться (пример социалистических и развивающихся стран достаточно репрезентативен). А вместе с ними подавляется тенденция «индивидуальной морали».

Согласно Дюркгейму, политическая демократия стимулирует «индивидуальную мораль». Однако свободные

политические выборы - лишь один способ обретения материальных и персональных гражданских прав. Способствует ли он беспрепятственному развитию других свойств человеческой природы - вопрос дискуссионный. Это нетрудно уяснить при разборе других аспектов концепции Дюркгейма.

Социальная структура и мораль. Выражение «индивидуальная мораль» у Дюркгейма служит для описания определенной социальной системы морали. В этой системе самореализация индивида противостоит групповым целям. При конфликте личных и групповых целей приоритет остается за первыми. В современном обществе господствуют индивидуалистические ценности. Они подтверждают общий принцип социальной организации: «Все системы морали, которые управляют человеческими группами, есть функция социальной организации. Они связаны с социальными структурами и меняются вместе с ними»⁷.

Согласно Дюркгейму, общество есть ядро морали. Его функция - направление людей к идеалу. Идеал воплощает представление о высшем благе, которое реализует данное общество. Оно отвечает за материальное благосостояние и моральное благополучие индивидов. Все системы морали переплетены с социальными условиями их генезиса и функционирования. Поэтому без социологических исследований невозможно понять, оценить и улучшить социальную мораль.

Моральные нормы более устойчивы по сравнению с породившими их социальными условиями. Социологическая информация о «пережитках» нужна для описания диспропорций и выявления тех аспектов социальной жизни, которые требуют введения новых норм. Например, рост разделения труда в современном обществе соз-

дает новые права и обязанности, которые усиливают взаимозависимость людей. Для упорядочения таких отношений надо создавать новые моральные нормы. Возникает потребность в научной социологической информации о последствиях социальных изменений. Она нужна также для идентификации объектов критики и преобразований. Речь идет об устаревших нормах морали. Они не отвечают изменению социальных условий и не должны применяться для управления обществом. Социологические исследования фиксируют распад связей индивида с семьей, «малой родиной», традициями и нормами коллективного поведения. Мобильность и независимость индивидов ослабляет контроль над ними со стороны первичных социальных групп. Однако индивид не может обойтись без новых связей со вторичными (профессиональными) группами. Они укрепляют социальный статус индивида, но подвергают его новым формам контроля. Тем самым социология становится важнейшим источником информации о новых социальных группах, нормах и силах. Без нее невозможно стимулировать и поддерживать их развитие.

Главный тезис Дюркгейма - система морали есть функция социальной организации. Это положение тоже сомнительно. В современном обществе есть разные системы социальной морали. Они конкурируют и взаимно перекрещиваются. Их влияние зависит от пространственно-временных обстоятельств и темпа изменений. То же самое относится к индивидуальной морали. В результате одна и та же система морали соответствует разным социальным структурам, а одна социальная структура - разным системам морали. Этот факт доказан в исследованиях по социологии морали.

Не менее важен вопрос методологический: на каком основании устанавливать принадлежность конкретных

этических норм к системе морали данного общества? На него возможны два ответа: необходимое условие принадлежности - функциональность каждой нормы в социальной структуре; только система морали в целом функциональна в отношении общества, а некоторые нормы от нее свободны. В любом случае функциональное отношение недостаточно для решения проблемы. Ведь существуют и неморальные нормы (игры, этикета, торговли, промышленности), которые тоже испытывают влияние социальной организации. А факты сохранения и воспроизводства анахроничной морали свидетельствуют об отсутствии соответствия между моралью и социальной структурой во времени.

Взаимовлияние социальной структуры и морали общеизвестно. Но чье влияние больше - социальной структуры на мораль или наоборот? Некоторые этические нормы (элементарные правила общежития, сексуального поведения и т. п.) стабильны на протяжении тысячелетий и занимают главное место в обществе. Без соблюдения таких норм общество распадается. Значит, их влияние на социальную структуру не меньше обратного влияния. Но в конкретных случаях ни один элемент одной системы непосредственно не влияет на любой элемент другой системы. Причем даже при переплетении обеих систем. Чтобы убедиться в этом, достаточно совершить ночную прогулку по нынешнему российскому городу...

Вопрос без ответа. Итак, Дюркгейм сформулировал ряд общих констатации: о сложной и опосредованной связи систем морали с социальной организацией; о морально-познавательном доминировании государства над данными системами; об изменении целей государства производно от связей морали с социальной организацией;

о необходимости социального внедрения моральных идеалов в поведение граждан. Но эти утверждения разбиваются о другие максимы Дюркгейма: социальная организация не в состоянии сформировать устойчивые моральные убеждения у членов общества; различные формы социальной организации обладают одной системой морали; причины ее культивирования многообразны (исторические, экономические, социологические, религиозные, философские) и меняются в зависимости от общества. Описание и понимание данных причин - предмет социологического исследования. Социология нужна для целостного познания, оценки и улучшения социальной морали.

Но тезисы и антитезисы Дюркгейма не дают ответа на вопрос: каким образом эмпирическое социологическое знание способствует улучшению социальной морали? Дюркгейм знал историю вопроса. Достаточно упомянуть сочинения Макиавелли, Бодена и Монтескье. Эти мыслители пытались уточнить древнее убеждение: трезвая характеристика общества (человеческих страстей и нравов) необходима для улучшения его морального здоровья. Однако эти попытки не увенчались строгой формулировкой старинной мудрости. Мера ее истинности остается неопределенной. Констатации Дюркгейма не выходят за рамки данной интеллектуальной традиции. Французский социолог обошел поставленный вопрос.

3.2. Институционализированный аморализм

Макс Вебер - современник Дюркгейма. Он тоже изучал отношения между моралью и социальной структурой. Но иначе формулировал проблему: существует ли логическая связь фактов и оценок, сущего и должного, описания

и предписания? Для ответа на этот вопрос Вебер установил логическое различие фактуальных и оценочных суждений. При проверке истинности научных гипотез надо освободиться от влияния любых нормативнооценочных систем: «Каждая данная религиозная, политическая, эстетическая и моральная оценка может быть согласована с любым утверждением эмпирических наук по той и только по той причине, что оценки такого типа вытекают из посылок, которые логически независимы от посылок эмпирических наук»⁸. Отсюда вытекает: разные ценности сосуществуют с одинаковыми фактами; одинаковые ценности сосуществуют с разными фактами. Результаты эмпирических исследований общества не являются предпосылками любых нормативно-оценочных систем. Системы морали функциональны в отношении форм социальной организации. Но функциональная связь не исчерпывает все причинно-следственные связи и не является всеобщей.

Оценки и иллюзии. Эта позиция содержится в методологических трудах Вебера. Например, в статье «Смысл „свободы от оценки" в социологической и экономической науке» он пишет: «То обстоятельство, что каузальное воздействие фактически существовавших этических или религиозных убеждений на хозяйственную жизнь в ряде случаев исследовалось, а подчас и высоко оценивалось, не должно означать, что поэтому следует разделять или даже только считать „ценными" упомянутые убеждения, оказавшие, быть может, большое каузальное воздействие. И наоборот, что признание высокой ценности какой-либо этической или религиозной идеи ни в коей мере еще не означает, что такой же позитивный предикат распространяется также и на необычные последствия, к которым привело или могло бы привести ее осуществление»⁹. За-

тем Вебер добавляет: « Отвергаю я со всей решительностью иное представление, будто „ реалистическая" наука, занимающаяся проблемами этики, то есть выявляющая фактическое влияние, которое условия жизни определенной группы людей оказывали на преобладающие там этические воззрения, а последние в свою очередь - на условия жизни этих людей, - будто такая наука в свою очередь создает „ этику", способную дать какое-либо определение того, что следует считать значимым»¹⁰. Позиция Вебера однозначна: социальная наука не создает нормативно-оценочных систем. Что же она предлагает?

Социальное знание анализирует исторические, психологические, экономические и социологические аспекты социальных отношений, в которых возникают и воспроизводятся оценки. Вырабатывает понимающее описание социально-исторических явлений, событий и процессов. Эта процедура содержит знание качества, специфики и причин оценочных суждений людей и ценностей ученого. Оценочные суждения невозможно извлечь из информации о тенденциях социальной жизни. Смысл человеческих идеалов невозможно постичь без их практического воплощения. Поэтому люди используют факты для совершенствования средств, обнаружения побочных последствий, оценки и переоценки целей деятельности. В конечном счете это знание сомнительно: «Нег никаких научных (рациональных или эмпирических) методов, которые могут дать нам решение проблем такого рода, и менее всего может претендовать на то, чтобы избавить человека от подобного выбора, наша строго эмпирическая наука, и поэтому ей не следует создавать видимость того, будто это в ее власти» ". Некоторые люди считают, что намерения и действия доминируют над крушением надежд и целей, к которым они стремятся. Это убеждение призрачно. Пони-

мающее описание фиксирует иллюзорность идеально-целеполагающей стороны человеческой деятельности.

Рабочая гипотеза политико-философской компаративистики Позиции Вебера и Дюркгейма совпадают в нескольких пунктах. Оба приписывают государству функцию морального руководителя общества. Но Вебер не считал, что эта функция вытекает из причинной связи систем морали с социальной организацией. Хотя такая связь не исключена, она не отвечает на вопрос: должно ли государство брать на себя роль моралиста? Эмпирический анализ доказывает противоположное. Большинство государств не выполняет функцию моралиста. Заботится только об интересах властвующих лиц и бюрократии за счет интересов общества. Следовательно, государство есть институционализированный морализм

Вебер отрицал определение государства как организации, которая ставит перед собой моральные цели. Это определение бессмысленно. Политические организации стремятся к разным целям. Эти цели не совпадают. Все политические организации не стремятся к одной и той же цели. Для доказательства этих положений Вебер разграничил политическую организацию и государство: «„Правящую организацию" мы будем называть „политической", если ее существование и порядок преемственно обеспечиваются на данной территории благодаря угрозе и действительному применению физической силы, которой распоряжается административный аппарат. Государством мы будем называть постоянно действующую и основанную на насилии политическую организацию, если административному аппарату удастся удержать свою претензию на монопольное использование физической силы для укрепления данного порядка»¹².

В этом пункте взгляды Вебера и Дюркгейма тоже совпадают. Дюркгейм не считал территорию свойством государства. Это свойство относится к семье, поскольку она связана с земельной собственностью: «Наследование земельного надела - фактор, определяющий единство и преемственность семьи, вокруг которого концентрировалась семейная жизнь. Ни в одном политическом обществе территория не имела такого смысла. Более того, значение политической территории - недавнее изобретение. Большие кочевые общества прошлого были государствами, но определенной территории у них не было. Группы организованных завоевателей тоже были государствами. Они оседали в захваченных странах, не теряя целостности и политической идентичности»¹³. Согласно Дюркгейму, определяющее свойство государства - подчинение его власти большого числа вторичных социальных групп.

На этот момент не обратил внимание А. Гидденс. Он пишет: «Если Вебер подчеркивал способность государства к господству посредством использования силы на определенной территории, то Дюркгейм считал современное национальное государство прежде всего моральным институтом»¹⁴. Такое противопоставление ошибочно. Дюркгейм согласен с Вебером в двух пунктах: моральное руководство обществом не является конституирующим свойством государства, но некоторые государства устанавливают определенные моральные кодексы и требуют от граждан их соблюдения. Зато мнения Вебера и Дюркгейма разошлись в другом вопросе: являются ли социологические описания предпосылками логических рассуждений, из которых можно вывести идеалы? Этот вопрос переводит дискуссию Вебера и Дюркгейма в область ПФ. Социология не изучает проблемы разделения фактов и ценностей, целей и задач государства, природы социальной и инди-

видуальной морали. Но без анализа данных проблем трудно описать влияние социологии на ПФ.

Рабочая гипотеза этого направления исследований может быть сформулирована следующим образом. Понимание социальных процессов - предпосылка познания условий социального бытия и воспроизводства политических идеалов. Политические идеалы воплощаются в определенных процедурах. Социологическое понимание общества - предпосылка строгого определения политических идеалов и процедур.

Исходный пункт развития данной гипотезы можно обнаружить в работах Вебера и Дюркгейма. Их социологический анализ связан с проблемой социальной и моральной роли государства. Определить эту роль невозможно без описания социальной структуры и ее влияния на принятие политических решений. Социологические данные сами по себе недостаточны. Требуется учет их политических и аксиологических последствий. Вебер был социологом историко-методологической ориентации. Он занимался политикофилософскими вопросами по мере их появления при исследовании конкретных социальных проблем. В частности, веберовская концепция бюрократии содержит эвристический потенциал для анализа проблемы соотношения социологии и ПФ. Напомним ее основные пункты.

Бюрократизация социальной жизни. Согласно Веберу, рост профессиональной и централизованной бюрократии связан с массовой демократией и тормозит развитие политической демократии. Массовая демократия отличается следующими свойствами: равенство граждан перед законом; ликвидация привилегий; принятие случайных решений по конкретным вопросам; массовые злоупотреб-

ления служебным положением. В результате стремление к социальному равенству порождает противоположные тенденции: оно одновременно ускоряет и замедляет рост централизованной власти бюрократии. Демократия противодействует появлению замкнутой статусной группы чиновников, гарантируя всеобщий доступ к государственным должностям. Увеличивает авторитет общественного мнения и уменьшает авторитет бюрократии: «Политическая демократия при любой возможности сокращает период исполнения должности посредством выборов, отзыва чиновников, ликвидации квалификационных барьеров для кандидатов на должности. В результате возникает неизбежный конфликт демократического стремления к самореализации с железной клеткой бюрократической специализации, в которой замкнуто множество людей. Решающий фактор - равенство граждан перед бюрократией как особой группой лиц. Она обладает несокрушимой тенденцией бюрократического самодержавия с фактической и формальной точек зрения»¹⁵.

Укрепившаяся бюрократия создает постоянную систему господства благодаря определенным условиям. Они обязательны для властвующих и подвластных и выражаются в постулате: бюрократ - это хорошо подогнанная шестеренка в движущемся механизме, определяющем постоянство бюрократического действия. Бюрократия отличается свойствами специализации, выполнения строго определенных узких задач, господства над определенной сферой деятельности и рациональной организацией аппарата. Отдельный бюрократ - частица данного аппарата. Не может его ни завести, ни остановить. Это могут сделать лишь высокопоставленные чиновники: «Отдельный бюрократ прежде всего приспособлен к обслуживанию общего интереса всех функционеров - самосохранению

аппарата и постоянству рационально организованного господства»¹⁶.

Подвластные не могут отказаться от сотрудничества с бюрократией. Остановка аппарата влечет хаос. Временные функционеры не могут его устранить. К тому же их материальное благосостояние зависит от постоянного функционирования бюрократических организаций частного капитализма. Поэтому идея устранения бюрократии становится все более утопической. Отсюда вытекают два следствия: «1. Бюрократический аппарат можно поставить на службу любому, кто сможет его контролировать. Достаточно лишь смены высших чиновников. 2. Взятие власти революционным путем - создание посредством насилия совершенно новых структур господства - все менее выполнимо. Бюрократия контролирует все каналы коммуникации между правительством и гражданами. А с технической точки зрения рациональная организация труда функционеров бюрократического аппарата превышает все альтернативные формы и считается незаменимой. Место революции занимают государственные перевороты. Они направлены на перехват контроля над главными направлениями деятельности бюрократического аппарата в публичной и в частной сферах»¹⁷.

Бюрократическая организация гарантирует стабильность, определенность, строгость, учет результатов, широкую сферу применения и дисциплину управления любой власти. Польза бюрократии определяется ее техническим знанием и доступом к информации, которая накапливается опытом управления. Поэтому бюрократический аппарат подчиняется политикам с противоположными программами. Влияние политиков на аппарат ограничено недостатком профессиональных знаний: «У профессионального чиновника высокого ранга (в длительной перспекти-

ве) больше шансов настоять на своем, чем у его номинального начальника-министра, который не является специалистом. Чем больше обязанностей и задач ставится перед бюрократией, тем она сильнее. Поэтому капиталистический или социалистический базис экономической системы теряет смысл. Более того, во втором случае сравнительный эффект технической эффективности связан с усилением роли профессиональных бюрократов»¹⁸.

При социализме существуют государственная собственность и управление транспортом, связью, жильем, добывающей промышленностью, сельским хозяйством, финансами, контроль над благосостоянием и рынком. Это способствует беспрецедентному росту централизованной бюрократической власти и административных процедур. Параллельно падает способность политиков и лиц со стороны контролировать рост бюрократии: «Социалистическая попытка создать лучшие условия для самореализации и политического участия фактически ограничила политическую самостоятельность громадных человеческих масс»¹⁹.

Только харизматический вождь, возглавляющий ту или иную политическую партию, способен осуществлять политическое руководство и контролировать рост бюрократии. «Харизма - это личное свойство индивида, по причине которого он считается необыкновенным и рассматривается как наделенный сверхъестественной, сверхчеловеческой и необыкновенной силой или свойствами. Они недоступны для обычного человека, полагаются данными „от бога" и неповторимыми. Обладающий такими свойствами индивид считается „вождем"»²⁰. Харизмой обладают пророки, герои, спасители, политические руководители, шарлатаны и маньяки. Носитель харизмы требует личной преданности от учеников и последователей. Ес-

ли харизматик не достигает успеха и не выполняет обещаний, личная преданность длится недолго. Харизматические политические вожди «...обладают способностью выдвигать новые цели и открывать новые перспективы перед обществами, погрязшими в политической стагнации и бюрократической рутине»²¹.

Парламентская система при массовой демократии есть соперничество демагогов за голоса избирателей. Успешно действующие политики поддерживаются партийными аппаратами. И могут руководить парламентским большинством, которое уравнивает политические решения. Парламент способствует появлению новых руководителей и препятствует расширению бюрократических процедур на политическую жизнь. Для борьбы с бюрократическим формализмом требуются особые способы. Они позволяют вождям-харизматикам занимать властные посты и реализовать политические концепции с помощью «позитивной» демагогии и партийных аппаратов. Плебисцитарная демократия включает парламент, демагогов и партийные аппараты. Только она удовлетворяет потребность в политических инновациях и устраняет угрозу бюрократического паралича.

3.3. Харизматики и менеджеры

Концепция харизмы и ее пользы для демократии критиковалась многократно. Рассмотрим теоретически значимые результаты критики.

Вебер противопоставлял вождей-харизматиков бюрократической стагнации, пренебрегая различием между конструктивной и деструктивной харизмами. Харизматик подчиняет себе массы людей. Такое подчинение наносит

вред демократии. Большинство харизматических вождей XX в. боролись с демократией. Завоевывали популярность, направляя гнев масс на «козлов отпущения» для ликвидации реальных и потенциальных конкурентов. После их устранения демократические процедуры, альтернативные кандидаты и программы становятся ненужными. Следовательно, концепция харизмы обосновывает антидемократические тенденции.

Сторонники Вебера утверждают, что он считал бюрократию большей угрозой эпохи по сравнению с харизматическими переворотами и не предвидел такие комбинации харизматического господства и бюрократии, которые получили имя тоталитарных режимов²². Конечно, опасность бюрократической стагнации общества Вебер не отрицал. Но для «рутинизации харизмы» требуется ее легализовать. Этот процесс происходит после взятия власти вождем-харизматиком. Вебер определял данный процесс как трансформацию харизматической миссии в бюрократическое господство. Следовательно, харизма и бюрократия не тождественны политической инновации и стагнации. Они вполне уживаются и взаимодействуют. Вебер приписывал харизматические свойства политикам. Для установления легального господства политики-харизматики должны получить доступ к высшим политическим постам. Без этого невозможно выдвижение новых целей. Парламент преобразует их в законы, а бюрократия внедряет в жизнь.

Эти утверждения нельзя считать истинными. Модель Вебера крайне искусственна, хотя широко распространена. В реальных системах управления чиновники предлагают новые решения в надежде на одобрение политиков. Чиновники могут изменять и игнорировать планы политиков путем анализа административно-финансовых обос-

нований любых политических проектов. В результате любые политические намерения нередко заканчиваются крахом. Еще чаще политики превращаются в заложников, а не командиров аппарата. И далеко не всегда обладают харизматическими свойствами. Отличие политики от других сфер деятельности было и останется предметом дискуссии. В том числе потому, что в любых сферах есть руководители, занимающие место не на основе выдающихся профессиональных достижений. Лесть, шантаж, подкуп, оказание услуг, престижный образ жизни, своекорыстие и т. п. - значимые свойства большинства руководящих карьер. Принцип личной преданности не уникален (как считал Вебер) и широко используется при вербовке сторонников любых лиц, проектов и программ. Поэтому нет смысла приписывать «харизматические» свойства только политикам. Вебер полагал, что в бюрократическом обществе лишь харизматический авторитет обеспечивает политическую карьеру. Это далеко не так. Трумэн и Кулидж в США, Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев в СССР, Ельцин и Путин в России становились «первыми лицами» именно потому, что были серыми и заурядными людьми, без особых достоинств и недостатков. Их популярность определялась иными факторами, а не личными свойствами. Аналогичные примеры можно обнаружить в истории любой страны.

Вебер считал, что вожди-харизматики предлагают политические инновации, которым всегда сопротивляется бюрократия. Между тем ни в одном тексте Вебера нет строгого определения политической инновации. А если руководствоваться чисто интуитивным представлением, то многие инновации выдвигались и реализовывались людьми без харизматических свойств. Например, национализация ряда отраслей промышленности, финансов и

транспорта в Англии, а также принятие закона о национальном здравоохранении были осуществлены правительством К. Эттли в 1946 - 1951 гг. Важность этих политических событий нельзя отрицать. Но никто не считал Эттли « харизматическим вождем », ломающим сопротивление окостенелой бюрократии. Наоборот, национализация промышленности и здравоохранения была поддержана чиновниками, поскольку увеличивала их число и силу. Этот процесс Вебер считал аргументом против социализма. Но во второй половине XX в. во всех капиталистических странах развернулись те же процессы.

В настоящее время во многих странах приняты законы о свободе информации. Можно спорить, являются ли они политической инновацией. Но нельзя отрицать, что эти законы принимались вопреки сопротивлению бюрократии и обставлены множеством оговорок. Никаких харизматических вождей для этого не потребовалось. Дело было сделано обычными политиками. Бюрократия не смогла отменить данные законы. Благодаря им стала доступной новая информация. В конечном счете она оказалась неудобной как для политиков, так и для бюрократии.

Таковы лишь некоторые неожиданные последствия политических инноваций. Предвидеть их не в состоянии ни политики, ни бюрократия. Поэтому еще один элемент веберовской концепции теряет смысл. Множество противоположных примеров из политической истории разных государств позволяет сделать общий вывод: политики не всегда стремятся, а бюрократия не всегда сопротивляется социальным изменениям .

Вебер полагал, что харизматикам надо дать доступ к высшим политическим постам. В противном случае инновации не преодолеют сопротивление бюрократии. Это очередная сентенция, без убедительных аргументов . В

противовес ей можно выдвинуть противоположное утверждение: продвижение талантливых людей важнее карт-бланша для харизматиков. Ведь предпочтение бездарей и середняков талантам ведет к потере ценнейших социальных ресурсов. Но в конкретных пространственно-временных координатах таланты всегда окружены бездарями. И если харизматики могут преодолеть бюрократическое сопротивление, а у талантливых людей нет шансов на политическое продвижение, возникает множество недовольных людей с неутоленными амбициями. Тем самым появляется почва для нарушения социальной стабильности. Эта тенденция выразилась в формировании «революционной богемы» на протяжении XIX в. Для этого круга людей политические изменения превратились в самоцель. В результате социальные изменения XX в. (от революций до реформ) до сих пор были делом лиц, в наименьшей степени способных их осуществить. А бюрократические принципы отбора руководящих кадров закрепили эту тенденцию. Под таким углом зрения можно анализировать политическую историю всех стран в XX в. (включая революции и реформы в России, вплоть до современной трансформации). Не исключено, что современный политический терроризм - частный случай указанной тенденции.

Согласно Веберу, харизматическое господство связано с плебисцитарной демократией, основанной на всеобщих выборах. Любое народоправство поддерживает демагогов. Харизматики используют плебисциты и парламенты для расширения социальной базы своей власти. Она неизбежно преобразуется в рациональную рутинизацию, в состав которой входят: создание бюрократического аппарата; отмена традиционных привилегий и прав; материальное обеспечение сторонников путем развития экономической активности и реорганизации системы права. Это об-

щие свойства плебисцитарной демократии. Они порождают конфликт между конституцией и массовой поддержкой демагога. Харизматик уравнивает радикальные изменения и конституционно-процедурные нормы: «любая парламентарная демократия стремится исключить плебисцитарные методы выбора руководителей, поскольку они угрожают власти парламента»²³. Однако альтернативная система еще хуже. Демократия без харизматика, избранного путем всеобщих выборов, ведет к правлению политиков-профессионалов. А они не могут предложить новых решений. Такая демократия опирается на бюрократию. На выборах побеждают харизматики. Политики, избираемые парламентом, являются бюрократами и потому угрожают демократии.

Эти положения Вебера тоже не подтверждаются опытом. Наоборот, харизматические диктаторы были и остаются наибольшей угрозой для конституционной демократии в XX в.

Веберовская методология социального познания, социологическая теория и концепция бюрократии отвергаются современным коммунитаризмом. Вся интеллектуальная конструкция Вебера базируется на постулате эмотивистской этики: оценочные суждения выражают установки и чувства людей, а «безличных критериев» в этике не существует. «Я могу считать, что апеллирую к этим критериям, и другие люди могут посчитать это за такую апелляцию, но такие предположения будут всегда ошибочными. Единственная реальность отчетливого морального дискурса заключается в попытке воли одной личности объединить установки, чувства, предпочтения и выбор других личностей с ее собственными. Другие люди всегда есть средства, но не цели»²⁴. В результате эмотивизм «...стирает любое подлинное различие между соци-

альными отношениями, в которых происходит манипуляция людьми, и неманипулятивными социальными отношениями»²³.

Веберовское отождествление власти бюрократии с правовым правлением и легитимной властью вытекает из постулата эмотивизма: все оценочные суждения нерациональны и потому никакого рационального метода выбора одного из них не существует. Все в равной мере субъективны; поэтому дискуссия о морали не имеет смысла. Эмотивизм считает рациональными только аргументы, которые опираются на различия средств, а не целей. Единственное оправдание бюрократии - эффективность и успех при реализации правительственных программ. Однако представления о легитимности и эффективности бюрократии относятся к распространенным и опасным иллюзиям²⁶.

А. Макинтайр указывает две главных причины ложности убеждения в профессионализме управленцев (менеджеров) при управлении обществом в целом и любой сферой социальной жизни: 1. Нет такой сферы «морально нейтральных фактов», в которой менеджер опирается только на профессионализм. Факты - это состояния вещей, которые фиксируются и изучаются с помощью понятий с теоретическим содержанием. При описании и объяснении человеческих действий эти понятия содержат не-редуцируемые элементы моральных убеждений, намерений и эмоций. Все они обусловлены целями действия. 2. Менеджеру недоступно объективное знание, поскольку не существует достоверных обобщений, на которых базируются объяснения и прогнозы поведения лиц и целых организаций.

Итак, не существует этически нейтральных фактов и достоверных обобщений, независимых от этики. Поэтому восхо-

дящие к Веберу и другим теоретикам организации концепции «рациональности бюрократии» и «научного управления обществом» являются бессмысленными. Этот вывод относится и ко всем теориям индустриального и постиндустриального общества. Во второй половине XX в. они росли как грибы после дождя. И сегодня заполнили интеллектуальный рынок.

Исследования больших организаций привели к выводам о необходимости индивидуальной инициативы, оперативной реакции на изменения знания, множества центров решения проблем и принятия решений. Большие организации терпимо относятся к неопределенности явлений и событий в их рамках: «Поскольку организационный успех и организационная предсказуемость исключают друг друга, проект создания полностью или по большей части предсказуемой организации, призванной создать полностью или по большей части предсказуемое общество, обречен, и обречен фактами социальной жизни»²⁷. Нет и в принципе не может быть класса успешно действующих менеджеров, манипулирующих политической государственной и управленческой машинами. Есть только претензии на «рациональность бюрократии» или «научное управление обществом». На деле сегодня уже никто не контролирует социальный порядок: «Наш социальный порядок находится в самом буквальном смысле вне нашего контроля, да и чьего-либо контроля»²⁸. Поэтому сам факт и причины воспроизводства государственных аппаратов становятся все более дискуссионными.

Вебер считал правовое правление с рациональной бюрократией более эффективным по сравнению с традиционным и харизматическим господством. А. Макинтайр опровергнул и этот элемент веберовской концепции. Эффективность бюрократии не больше эффективности кон-

курирующих систем управления. Поэтому ложно утверждение Вебера: прекращение деятельности бюрократии вызовет хаос, ибо никакая другая форма организации не является настолько эффективной. Наоборот, неэффективность управленческо-менеджерской деятельности определяется общими проблемами современного общества: окостенение властно-управленческих процедур в больших организациях; конфликт властно-управленческого профессионализма с моральной независимостью, спонтанностью и креативностью индивидов. Отсутствие социального контроля привязывает управленцев к известным процедурам. Тем самым увеличивается стагнация организационной сферы общества. Административные аппараты отличаются перестраховкой, невосприимчивостью к критике, если она исходит не от начальства, неспособностью к независимым и творческим действиям. Их усилия направлены на расширение сферы предвидимого поведения. Это увеличивает неэффективность организации. Вебер полагал, что бюрократия есть мотор механического управления. А. Макинтайр согласен с описанием бюрократической рутинизации, но отвергает главный вывод Вебера: правовое правление и бюрократия - наиболее эффективный тип организации.

Наконец, тип организации соответствует решению определенных типов задач. Бюрократия решает рутинные задачи. Креативные организационные структуры отличаются индивидуальной инициативой, оперативной реакцией на изменения внешней среды и организационной структуры, ориентацией на новые проблемы и решения ²⁹. Эти качества нужны только при определенных условиях и в бюрократии отсутствуют. Поэтому бесполезно сравнивать идеальный тип бюрократии с организациями другого типа - промышленными предприятиями, иссле-

довательскими институтами, инновационными группами, системами государственного управления и т. д. Эти организации отличаются разными функциями, свойствами и действиями. Но в любом случае претензии менеджеров на « научное (рациональное) управление обществом» не приносят ничего нового в рутину политических и властно-управленческих процессов общества.

3.4. Проблема неявных посылок

Дюркгейм и Вебер были социологами. Поэтому их рефлексия о политических проблемах опирается на выводы социологических исследований. Оба считали, что при описании политико-философских альтернатив надо использовать социологические методы и информацию. Но могут ли эти методы и информация служить основанием выбора социальных и политических альтернатив? Дюркгейм отвечал на этот вопрос положительно, поскольку социология есть базис оценочных суждений. Вебер считал опасным перенос оценочных суждений в область социологии. Он определял историю европейской мысли как историю выдающихся мыслителей, которые выдавали собственные убеждения за социологические открытия. Но Вебер так и не смог сломить эту традицию.

Творцы « научной социологии» попытались реализовать эту задачу. Ф. Теннис обосновал различие между Gemeinschaft (общиной) и Gesellschaft (обществом) и под таким углом зрения изучал право, нравы, мораль, социализм и политику. Т. Веблен создал теорию праздного класса и бизнеса, заложил основания критики системы высшего образования США, поскольку она превратилась в элемент коммерции. Позиции Тенниса и Веблена совпа-

ли в двух пунктах: оба предлагали контролировать процессы коммерциализации и индустриализации Германии и США, которые до начала XX в. были замкнутыми традиционными сельскими обществами; оба изучали психологические и социальные проблемы и последствия социальных изменений.

Влияние Тенниса и Веблена ощущается до сих пор. Например, социология города противопоставляется социологии села на уровне теоретических схем и научно-исследовательских структур. Таков лишь один из результатов различия идеальных типов социальной жизни - *Gemeinschaft* как общности, основанной на личных отношениях *face of face* ³⁰, и *Gesellschaft* как общества безличных экономических субъектов. Теннис отмечал, что ни одно общество никогда не соответствовало указанным типам, и ставил между ними знак равенства. Веблен резко критиковал технологическую стагнацию традиционных обществ, но еще более отрицательно оценивал финансовые структуры капитализма, которые способствовали применению развитых технологий. Иначе говоря, Веблен отвергал мир интересов и торговли (*Gesellschaft*) и образ жизни сельских обществ (*Gemeinschaft*).

Теннис и Веблен - показательные фигуры описания урбанизации стран Запада на рубеже XIX - XX вв. Они отметили важность экономических, социальных и политических изменений в этом регионе мира. Здесь возникла социальная потребность объяснить происходящие процессы и выработать политические программы, вытекающие из социологических концепций. Появился прецедент взаимодействия социальных реформаторов и политиков с социологией и ПФ. Социология и ПФ интеллектуально и социологически обосновывали деятельность реформаторов и политиков. Творчество Дюркгейма и Вебера - показа-

тельный пример взаимодействия. Но по мере развития социология превратилась в социотехнику с огромным объемом информации. Во второй половине XX в. взаимодействие ПФ и социологии модифицировалось. ПФ - не социология. Она использует социологические данные как сумму опыта для рефлексии. ПФ выполняет функцию неявных посылок - принципов и постулатов философской аргументации

После 1970 г. в АПФ появились работы, посвященные анализу неявных посылок. Эти труды вплетены в дискуссию о природе человеческих обществ, которая оживилась в англо-американской социологии и ПФ. Понятия *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, «механической солидарности» и «органической солидарности» переживают второе рождение. Но при этом они дробятся на конкретные проблемы социальных благ, аксиологической нейтральности государства, социабельности (естественной общительности), связи естественной общительности с либерализмом, взаимодействия социальных тенденций и ценностей. Рассмотрим некоторые результаты этой дискуссии.

3.5. Блага и социальный контекст

Проблема социальных благ сводится к вопросу: являются ли положительно оцениваемые вещи и состояния таковыми только потому, что они удовлетворяют потребности отдельных индивидов, или же существуют такие источники групповой положительной оценки, которые в принципе несводимы к индивидуальному удовлетворению? Ч. Тейлор полагает, что такие источники существуют, и критикует методологический индивидуализм: «Это концепция, согласно которой общество есть сумма взаи-

модействующих индивидов. А события и состояния вещей как предмет социального исследования есть продукт индивидуальных событий и состояний вещей, образующих данное общество. В конечном счете осуществляют выбор и действуют только индивиды. Законы, обычаи, правила, учреждения и институты есть продукт индивидуальных мыслей и действий. Поэтому для понимания природы общества достаточно понять действия и мысли его членов. В обществе нет никаких других независимых источников социальных и групповых свойств, которые нуждаются в объяснении»³¹.

Методологический индивидуализм пренебрегает фоновыми социальными убеждениями и практиками. Они молча принимаются как нормы любого речевого акта. Без знания норм нельзя понять высказывание. Модификации речевых актов изменяют фоновые нормы и наоборот. Оба явления необходимы и фиксируют изменчивость социальной жизни. Те же процессы выступают в любой сфере общества. Фоновые практики не сводятся к мыслям и действиям индивидов. Практики, обычаи, институты и образы жизни опираются на общность понимания - свойство общества в целом, а не отдельных членов. Индивиды создают и поддерживают общее понимание, которое несводимо к сумме индивидуальных состояний: «Общность понимания - это новое свойство, характеризующее группу в целом»³².

Фоновое понимание объясняет причины бытия социальных благ: 1. Человеческий опыт, его продукты, произведения искусства обладают ценностью по причине фонового понимания, возникшего в данной культуре. Без такого понимания происходит принципиальное расхождение оценок. Для достижения максимума социальных благ надо сохранять и укреплять культуру, без которой их бытие

невозможно. Культура - нередуцируемое социальное свойство. 2. Некоторые социальные блага (дружба, любовь, равенство) невозможны без общего понимания ценности. Например, для любви нужно обоюдное признание ее ценности любовниками. Эта ценность несводима к сознанию любовников в отдельности и к сумме понимания обоих.

Смысл несводимости (нередуцируемости) социальных благ - отбрасывание классической либеральной концепции. Если блага полагаются только индивидуальными, социальные блага ускользают от анализа: «Размышляя о предметах как видах блага, мы обычно пренебрегаем целым классом нередуцируемых социальных благ и игнорируем проблему установления их ценности при создании человеческого благосостояния»³³.

Тезис Ч. Тейлора о нередуцируемых социальных благах вызвал критику. «Главная ошибка Тейлора, - пишет Р. Гудин, - состоит в пренебрежении кардинальным фактом: „внутреннее благо" есть благо по причине, имманентной его природе, а не по причине социальных фактов, в окружении которых оно находится. Если это учесть, что остается от нередуцируемой социальной ценности благ? Тейлор не согласен с тем, что ценность социальных благ сводится к их ценности для индивидов, образующих общество. Он полагает, что ценность социальных благ не исчерпывается категорией индивидуальной ценности в данном обществе»³⁴. Тейлор не обосновывает свою концепцию. Приводимые им примеры (речевые акты, фоновые нормы, культура, социальные институты, общее понимание) полностью социальны. Вне общества невозможно их создание и использование. Они существуют во взаимодействии членов общества, которые создают и поддерживают их бытие. Но отсюда не вытекает, что бытие благ

(ценность) возникает из нового свойства группы и не является ценностью для ее членов. Этот тезис Тейлор не обосновал.

Допустим, блага обладают нередуцируемой социальной ценностью. Но это не ведет к значительным практическим последствиям: «Они стали бы частью обычных публичных благ типа автострад, плотин, парков, дружбы и выборов. Эти блага - продукты социальных процедур, а не деятельности изолированных индивидов. Значит, социальная польза нередуцируемых социальных благ не отличается от пользы редуцируемых социальных благ. В обоих случаях метод определения пользы одинаков. Различны только источники»³⁵. Для установления ценности надо, чтобы социальные блага (культура или дружба) приносили пользу хотя бы некоторым индивидам. В противном случае обладание ими не имеет смысла. Но тогда ценность нельзя считать социально нередуцируемой. Положение Тейлора о социальных благах базируется на неявной послылке о существовании в социальной жизни эмерджентных групповых свойств, которые изучены недостаточно.

Р. Гудин развивает иную концепцию: если некоторые групповые свойства (равенство, уважение и т. п.) существуют, то их ценность не вытекает из социального бытия. Поэтому нельзя сводить ценность социальных благ к ценности благ, не являющихся социальными. Социологическая послылка Тейлора не определяет философские следствия: единственный способ идентификации социальных благ - применение к ним процедур познания индивидуальных благ и выведение из данных процедур бытия социальных благ; этим определяется достоверность методологического индивидуализма.

Однако редукция благ и редукция ценности - два отдельных вопроса. Бытие групповых свойств не определя-

ет истинность и ложность методологического индивидуализма, поскольку проблема специфики групповых свойств не получила разрешения. Обсуждение концепции Тейлора завершилось промежуточным выводом: трактовка социальных благ как индивидуальных фиксирует их каузальную и логическую зависимость от социального контекста.

3.6. Социабельность и нейтральность

Проблемы АПФ формулируются на базе социологических обобщений. Состояние политико-философской дискуссии определяется критикой и опровержением таких обобщений. Правота критиков Тейлора состоит в пользе доказательства бытия социально нередуцируемых благ. Однако существуют и более широкие социологические обобщения. Процесс их опровержения показывает шаткость политических теорий, которые на них базируются.

Рассмотрим понятие «либеральной нейтральности», которым пользуется Д. Ролз и другие либералы. Либеральная нейтральность - «... это концепция, согласно которой государство должно воздерживаться от оценки разных концепций достойной жизни. Оно обязано обеспечить нейтральные рамки, в которых реализуются различные и потенциально конфликтные концепции блага»³⁶. Для воплощения такой нейтральности государство уравнивает материальные и интеллектуальные ресурсы сторон или дистанцируется от полемики между ними. Оба решения не учитывают социальный контекст: «Ложность либерализма определяется невозможностью достижения нейтральности. Даже при стремлении к ней невозможно избежать последствий социальной обусловленности и контекста. Все политические решения воплощают опре-

деленные ценности. Дело в выборе определенных ценностей и кто в итоге выигрывает и проигрывает от такого выбора»³⁷.

Согласно либеральному шаблону, государство создает «нейтральные рамки» для конкуренции образов жизни и мировоззрений. Эту задачу выполняют политические институты. Предполагается, что они свободны от детерминации, в которую вовлечены конкурирующие стороны, и воплощают определенные ценности. В противном случае политические институты не нейтральны в отношении конкурентов и не являются учреждением, сохранение которого зависит от бытия противоположных политических позиций. Иначе говоря, нейтральность воплощает определенные ценности. Правда, только часть тех ценностей, которые способствовали ее появлению. Отсюда вытекает принципиальная возможность нейтральности. Нейтральность - это независимость от конкретных людей, взглядов и позиций. Например, нейтральность судьи определяется применением общеобязательных законов в сфере его компетенции. Если судья требует соблюдать закон, он свободен от собственных ценностей и убеждений. Политические институты устанавливают правила и наблюдают за их исполнением. В этом смысле они нейтральны в отношении граждан, независимо от истории, ценностей и убеждений создателей данных законов и институтов. Правда, симпатии и предпочтения творцов законов и институтов всегда склоняются в одну сторону при любом споре. Нейтральность сохраняется до тех пор, пока ценности не отражаются в законах и процессах их применения.

Но такой подход к нейтральности порождает множество проблем. Каждое государство предпочитает определенные ценности. Возможен ли процедурный выбор концепций достойной жизни в соответствии с очередностью

их выбора в государстве? Какую роль при этом играет согласие общества? Если выбор осуществляется путем нарушения морали, авторитаризм предпочитается либерализму. Если устанавливается иерархия концепций достойной жизни, нарушается принцип нейтральности. Означает ли выбор определенных концепций, что они «лучшие из возможных» в смысле независимости от страха, надежды и своекорыстия людей? Как быть с концепциями достойной жизни меньшинств? Следует ли требовать от них обоснования данных образом жизни под угрозой наказания? Какие аргументы при этом считать обязательными и допустимыми? На эти вопросы нет однозначного ответа.

Следовательно, нейтральность - это конфликт между естественной общительностью (социабельностью) людей и мерой ее воплощения в политических институтах. У. Кимлицка описывает его следующим образом: «Либералы упускают из виду тот факт, что люди по природе - общительные и социальные существа. Либералы уныло твердят: общество базируется на искусственном социальном договоре; государственный аппарат со средствами насилия нужен для того, чтобы держать в узде асоциальных по природе людей. Но суть дела в том, что люди естественно вступают в социальные отношения и создают форум, на котором приходят к согласию относительно понимания блага и способов его достижения. Для создания социального контекста нет никакой нужды в государстве. Наоборот, государство нарушает нормальные процессы совместного принятия решений и мешает развитию культуры. Коммунитаристы полагают перспективу распада общества вполне вероятной, если государство не связывает индивидов совместным поиском и воплощением блага. Реализация либерального проекта привела к тому, что люди оказались в состоянии изоляции, аномии и отчуждения»³⁸.

Коммунитаристский вывод о естественной общительности людей вытекает из неявной посылки: люди по природе - социальные существа. Дети нуждаются в родителях, без которых развитие ребенка невозможно. Взрослые нуждаются в постоянном или очередном партнере. В первобытную эпоху племена охотников и собирателей состояли из одной расширенной семьи. Большинство племен объединялось для церемоний и других целей без политической организации. На протяжении длительного периода истории человечество существовало без государств. Наконец, число государств было и остается меньше числа наций и народностей.

Все эти факты доказывают, что без госаппарата со средствами насилия общество не распадется, а люди освободятся от взаимоизоляции, анонии и отчуждения. Они вполне могут участвовать в решении вопросов публичной жизни без государства. Создание государств и других политических институтов не было естественным процессом. Государство - неестественный институт. Мера его «естественности» всегда была вынужденной, зависимой от потребностей и обстоятельств места и времени. А естественная общительность людей есть вопрос эмпирический. Он допускает разные решения, ни одно из которых не является окончательным. Из данного основания невозможно вывести определенные следствия.

Эта проблема анализируется в трудах М. Сендела. Он критикует социологические основания (концепции индивида, субъекта и общества) теории справедливости Д. Ролза. Ролз предпочитает статическое описание субъекта. Этот субъект не желает менять собственный образ достойной жизни, в состав которого входят планы, цели, обязанности, позиции, ценности и новые формы самопознания. Свойства и идентичность такого субъекта установлены раз

и навсегда и не меняются в результате опыта. Тем самым исключается возможность существования многих субъективностей в одном человеческом существе. Речь идет об описании процесса мышления как противоборства разных лиц одного человека.

Концепция субъекта Ролза базируется на неявной социологической посылке: индивид - это единственная, неповторимая и неизменная система желаний. Проблема внутренней борьбы таких желаний Ролза не интересует. Идентичность субъекта полагается независимой от пространственно-временных условий: « Эта концепция элиминирует влияние многочисленных индивидуальных идентичностей на чувство принадлежности индивида к общности. По мнению Ролза, цели индивидов не влияют на данное чувство. Он считает его случайным свойством социальной и индивидуальной идентичности, а не конституирующим элементом достойного общества»³⁹.

Для опровержения указанной социологической посылки Сендел формулирует два аргумента: чувство принадлежности к группе конституирует индивидуальную и социальную идентичность субъекта; при описании социальной связи Ролз оперирует этим понятием и впадает в противоречие с посылкой о неизменных самодостаточных индивидах: «... благодаря социальному объединению, основанному на потребностях и потенциале его членов, каждый человек может участвовать в общей сумме реализованных естественных задатков других. Мы приходим к понятию сообщества людей, члены которого наслаждаются совершенствами друг друга и индивидуальностью, поощряемой свободными институтами; они признают благо каждого как элемент деятельности в целом, общая схема которой получила признание и доставляет удовольствие всем»⁴⁰.

Индивиды действуют во множестве групп (общества, союзы, клубы и т. д.). Индивидуальные действия - часть совокупного действия общества как «социальной связи социальных связей». В справедливом обществе индивидуальная деятельность есть «план внутри плана». В политических институтах общества реализован «верховный план». Он не предполагает постановку общей цели (типа религиозного единства), к которой должны стремиться все индивиды и группы. Верховный план - это справедливый конституционный порядок. Он устанавливает рамки, в которых расцветают индивиды и социальные связи. Таков реальный смысл чувства принадлежности к группе.

Второй аргумент Сендела направлен против тезиса Ролза: у самодостаточных субъектов нет моральных ценностей и политических программ, и потому принципы справедливости свободны от их влияния. Это замечание несправедливо. Ролз в лекциях 1980 г. говорил, что не стремится постулировать универсальные принципы справедливости, а занимается обоснованием, совершенствованием и систематизацией моральных принципов и политических институтов, необходимых для решения социальных проблем современных либерально-демократических обществ. Посылка Ролза не сводится к бытию самодостаточных индивидов, формулирующих универсальные принципы справедливости. Его концепция субъекта не исключает положения о социальной природе людей.

Первое замечание Сендела по адресу Ролза тоже нуждается в уточнении. Чувство принадлежности к группе не конституирует идентичность индивида и не тождественно социальному контексту: «Контекст, намерения и цели только частично конституируют субъективность. Она определяет свою идентичность путем выбора целей для достижения. Целеполагающая субъективность всегда может

конституироваться заново. Поэтому идентичность личности выходит за пределы социального контекста»⁴¹.

Из приведенных посылок вытекает ряд следствий :

чувство социальной принадлежности, тождество индивида с обществом и социальной ролью - случайные свойства идентичности индивида; индивид обладает разными идентично-стями при достижении конкретных целей в конкретных пространственно-временных обстоятельствах, от которых зависит чувство социальной принадлежности; если оно конституирует идентичность, различие случайных и необходимых свойств исчезает.

3.7. Что такое аутентичное общество?

Главный недостаток либерализма - определение индивида как самодовлеющего субъекта, который не нуждается в социальном контексте. Либерализм предпочитает права человека правам общества и не учитывает влияние традиций, практик и ролей на характер индивида. Коммунитаризм базируется на иной послылке: социальная идентичность включает традиции, практики и обязанности, концепции достойной жизни, политические решения и действия по их реализации. Но социальная идентичность и роль не всегда позволяют определить человеческие цели. Между ними нет жесткой детерминации. Большинство социальных ролей являются многоцелевыми. На этом основании трудно определить цель индивида, выполняющего данную роль: «Если с некоторыми социальными ролями связано одно благо (например, роль санитара предполагает заботу о больном), то отсюда не следует, что роли определяют благо. Дело в том, что люди обычно выбирают роли с учетом связанного с ними блага»⁴².

Социальная принадлежность противоположна чувству государственной принадлежности. Это положение основано на оценке трех тезисов коммунитаризма : общество - главное человеческое благо, в котором совпадают индивидуальные обязанности и ценности; для достойной жизни надо быть членом государства и принимать участие в его делах. « Если первый тезис относительно непротиворечив, а второй противоречив, но убедителен, то третий необоснован и опасен», - пишет Бьюкенен⁴³. Почему? Потому что первый тезис не отвечает на вопросы: является ли обществом группа из нескольких семей? если да, то обеспечивает ли она своих членов благами, которые не может предоставить семья? если нет, то предлагают ли такие группы своим членам блага, которые не дают группы охотников и собирателей первобытного общества?

Второй тезис не менее дискуссионный. Достойная жизнь предполагает особую склонность индивида быть членом государства на основе фактической принадлежности к нему. Можно ли отделить эту склонность от других и приобретается ли она на основе опыта властвования человека над человеком? Совсем не обязательно. Существуют безвластные группы, которые решают все вопросы путем общего согласия. Значит, опыт властвования не отличается от склонности быть членом иерархических групп. Но далеко не все индивиды стремятся в них попасть. В то же время ответственность за других людей трудно отличить от власти над ними. Следовательно, в обоих случаях речь идет об одной и той же склонности. И потому никакой особой склонности быть членом государства не существует. А либеральный постулат социального договора как основания государства недоказуем.

Третий тезис ложен и является «чистейшим догматизмом». Участие в делах государства не подтверждается раз-

работкой теории объективного блага. Одновременно этот тезис служит неявной социологической посылкой о генезисе специфических склонностей в специфических условиях. Эта посылка нуждается в философской (участие в делах государства необходимо для улучшения человеческой жизни) и социологической (эмпирическая проверка) аргументации. И то и другое невозможно. Нельзя указать такие человеческие склонности, которые возникают только на основе участия в делах государства. И потому невозможно эмпирически проверить истинность утверждения: участие в делах государства действительно вырабатывает такие склонности.

Во все времена существовали большие и малые государства. Большие обычно принимали форму многонациональных империй, малые становились национальными государствами. Предположение об особой «государственной склонности» требует доказать различие ее в больших и малых государствах. Если оно существует, то придется предположить, что жизнь в империях и национальных государствах более «достойна» по сравнению с жизнью в малых человеческих сообществах. Но еще никому не удалось доказать, что жизнь в гигантских государствах (и даже городах) гарантирует больше благ и меньше зла. Скорее наоборот. Малые государства приносят меньше зла человеку. По крайней мере, в сфере достойной жизни они вполне могут конкурировать с большими государствами. Если же считать принадлежность к государству способом возрождения потерянного чувства общности, то этот способ может привести к реанимации тоталитарного общества. В этом и состоит непредвиденное следствие положения об обязанности индивидов принимать участие в делах государства. К тому же нет ясности в вопросе, какие склонности людей надо развивать и возрождать. Нельзя

установить, в каком направлении пойдут реальные процессы и как на них можно воздействовать. Поэтому третий тезис не имеет смысла.

До сих пор усиление чувства принадлежности к обществу было связано с ростом прав индивидов. Достойная жизнь предполагает участие в делах общества, а не государства. Бьюкенен сформулировал четыре аргумента для доказательства вывода: рост прав индивидов укрепляет общество. Эти аргументы - суть социологические обобщения. Они доказывают зависимость политико-философской рефлексии от истинности эмпирических суждений.

1. «Права индивидов на свободу совести, мысли, мнений и союзов облегчают рациональные ненасильственные изменения существующих и формирование новых обществ. Эти права позволяют индивидам высказывать и принимать альтернативные решения в случае недовольства актуальной формой общества. Причем даже тогда, когда большинство членов данного общества не согласны с такими решениями. Если права считать принадлежностью

групп, а не индивидов (как предлагают коммунитаристы), то такая трактовка прав делает беззащитными индивидов и меньшинства, которые стремятся изменить существующее общество и создать новое. Индивиды и меньшинства теряют право объединяться, за исключением права участия в выборах в качестве членов данного общества» **.

2. Права индивидов экономят, облегчают и ускоряют социальную защиту. Для этого достаточно нарушить права одного человека. Нарушение прав группы требует реакции всей группы и связано с организационными трудностями. К тому же нарушение прав члена группы недостаточно для общего действия, особенно если оно связано с хлопотами и отрицательным отношением группы к индивиду.

3. Соблюдать права группы труднее по сравнению с правами индивида. Возрастает вероятность конфликта интересов рядовых членов группы с властно-управленче

ским аппаратом. Последний всегда находит повод для несоблюдения прав индивидов или их использования в своих интересах.

4. Индивид как обладатель прав самостоятельно контролирует их соблюдение и не зависит от решений другого. Общество ничего не выигрывает от передачи исполнительных компетенций особым институтам⁴⁵.

Итак, права индивидов не ослабляют, а укрепляют социальную жизнь. Для эмпирической проверки аргументов как социологических обобщений надо указать направления анализа их истинности. Но проведение социологических исследований такого типа затруднительно.

Например, как проверить истинность утверждения: права индивидов на свободу совести, мысли, мнений и союзов облегчают рациональные ненасильственные изменения, позволяя недовольным индивидам развивать альтернативные формы социальной жизни, которые способствуют укреплению общества? Допустим, изменения свободны от насилия. Но являются ли они рациональными? Как известно, сепаратистские группы и движения нередко движимы мотивами амбиции, жадности, своекорыстия определенных групп людей. Эти мотивы приводят к созданию новых государств. Но они (мотивы) не являются рациональными с точки зрения остальных групп данного общества. В результате общество ослабляется. Насилие позволяет стабилизировать данное состояние общества. Но насилие тоже нельзя считать рациональным. Следовательно, социальные изменения, которые осуществляются «недовольными» индивидами, одновременно увеличивают и уменьшают социальные чувства остальных членов общества.

Так возникает проблема аутентичного общества «При постановке вопроса, является ли данное общество общиной, речь не идет о том, какое число его членов желает общаться с другими людьми и реализовать социальные цели (хотя эти качества принадлежат к свойствам общины). Вопрос стоит иначе: является ли данное общество общиной, соответствующей определенному образцу? Тем самым понятие „общины" описывает социальную структуру, а не место индивидов в ней. Чтобы общество стало „общиной" в строгом смысле слова, община должна конституировать смыслы индивидуального самосознания и воплотиться в надлежащих институтах, а не быть атрибутом жизненных планов некоторых индивидов»⁴⁶.

Иначе говоря, общие ценности и цели возникают только в общине. Для ее обозначения в коммунитаризме применяется понятие аутентичное общество. Только в аутентичном обществе общие ценности и цели относятся к группе в целом и не сводятся к сумме индивидуальных действий. В качестве примеров обычно приводятся семьи, кланы, родственно-земляческие связи, собирательно-охотничьи группы, деревни, группы по месту жительства и т. д. Они отличаются от групп, которые направлены на достижение одной (производственные предприятия), нескольких (государства) и множества (мультикультурные организмы) целей. Производственные, государственные и культурные институты не выражают принадлежность индивидов к аутентичному обществу. Либералы настаивают на «нейтральных рамках» поиска достойной жизни и потому не учитывают указанных различий.

Этот момент иллюстрирует зависимость коммунитаристской концепции от истинности социологической посылки: социальные и политические институты и решения являются по природе коллективистскими; без этого общест-

во не является аутентичным. Но существование аутентичных обществ можно установить, доказать или опровергнуть только на основе эмпирического исследования. Социология располагает средствами идентификации аутентичных обществ. Если же таких обществ обнаружить не удастся, требуется объяснить причины отсутствия.

Аутентичное общество - это воспроизводство *Gemeinschaft* на уровне политико-философской рефлексии и ключевое понятие коммунитаризма: «Положение об общине как основном благе человеческого бытия может пониматься двояко: как описательное психологическое обобщение, в котором утверждается: у людей есть сильная потребность в общине, и они получают глубокое удовлетворение при реализации данной потребности; как нормативный постулат: община - значимое объективное благо человеческих существ. Пока неясно, что защищают коммунитаристы: психологическое обобщение, нормативный постулат или то и другое»⁴⁷.

Истинность психологического обобщения подтверждается эмпирически. Бытие «аутентичных обществ» служит онтологическим доказательством. Но познавательные процедуры не сводятся к психологической интерпретации социальных явлений. Социологические методы выдержали длительную борьбу с «психологизмом». Школа «Анналов» укрепила социологическую интерпретацию, разработала методы социальной истории, демографии и истории ментальностей. Структурная антропология тоже создала новые методы социального анализа. Поэтому бытие «аутентичных обществ» должно быть доказано с помощью методов, независимых от психологии и более достоверных. Если этого сделать не удастся, возникает вопрос о причинах воспроизводства убеждения в бытии и трансляции общинного образа жизни. Тот же вопрос можно сформулировать

иначе: каковы причины веры в истинность психологической интерпретации социальных явлений и почему большинство людей до сих пор несвободны от этой веры?

3.8. Тенденции и оценки

Обзор политико-философских дискуссий между либералами и коммунитаристами свидетельствует, что аутентичному обществу (т. е. общине) по-прежнему приписывается ценность. Но кроме нее существуют другие ценности и цели. Тема конфликта ценностей широко распространена в современной социологии. При выборе политических решений, программ и ценностей только некоторые неявные посылки становятся предметом эмпирических исследований. Эти посылки обычно связаны с единичными событиями и обобщениями о поведении людей. Например, «по сравнению с либералами коммунитаристы чаще запрещают секс-шопы на том основании, что порнография направлена против образа жизни населения и ценностей, на которых он базируется»⁴⁸. Либералы выступают против запретов: «Подобные решения пролагают путь нетерпимости со ссылкой на присущие данной общине стандарты. Современные сторонники общины утверждают, что нетерпимость расцветает там, где формы жизни дезорганизованы, корни подрублены, традиции отброшены. Но такие обобщения не подтверждаются историей. Пуритане XVII в. были настолько нетерпимы, что организовывали охоту за ведьмами. Американское движение морального большинства преследует гомосексуалистов. И те и другие не являются группами с „подрезанными корнями" и „отброшенными традициями". Но именно в них расцветает нетерпимость»⁴⁹.

Нетрудно понять, что при пренебрежении проблемой неявных посылок политические и политико-философские дискуссии превращаются в обычную риторику. В данном случае для теоретического анализа социологическое обобщение должно сформулировать критерий различия действительных и мнимых угроз общинному образу жизни. Для воспроизводства социальной жизни не требуется защиты норм морали, если их нарушения не разрывают социальную ткань. На каждом этапе такого анализа надо проводить эмпирические исследования всех важных политических и политико-философских дискуссий, вплоть до отбрасывания исходных обобщений. Иначе говоря, дескриптивные и нормативные аспекты поведения людей порождают дискуссию о специфике современных форм общества.

На данном этапе дискуссии можно констатировать: всегда существует возможность ложных суждений о законах общества; на такие суждения нельзя опираться при анализе проблем ПФ; без социологических обобщений политические дискуссии теряют смысл⁵⁰. Как ставится эта проблема в АПФ?

А. Макинтайр описал причины невозможности строгой формулировки законов человеческого поведения: непредсказуемость изобретений, открытий и инноваций; непредсказуемость влияния непредвиденных будущих действий одного человека на будущие действия других людей; человеческая склонность скрывать информацию; стохастические события. Эти факторы способствуют ложности социологических обобщений. Одновременно существуют факторы истинности социологических обобщений: повторяемость социальных практик вытекает из потребности организации и координации социальных действий; статистические закономерности являются непредвиденными следствиями социальной жизни; природные и соци-

альные закономерности. Социальные закономерности отличаются от природных тем, что первые истинны только по отношению к определенному месту и времени и обусловлены культурой. Эти факторы способствуют истинности социологических обобщений. В результате столкновения противоположных факторов социологические обобщения есть суждения о тенденциях. Они предполагают постоянный учет примеров, показывающих ложность любого обобщения. Вследствие этого обобщение ослабляется, но полностью не отбрасывается⁵¹.

Итак, дискуссия о социологических проблемах ПФ может опираться на суждения о тенденциях. В этом случае ее участники исходят из посылки: высказанные суждения истинны в большинстве случаев, но в конкретных обстоятельствах могут оказаться ложными. Например, запрет секс-шопов в Краснодаре по соображениям социальной морали не есть суждение о тенденции. В Ростове они тоже могут быть закрыты по той же причине. Просто руководство Краснодарского края полагает, что налицо специфические обстоятельства, обосновывающие запрет. Однако при опоре только на суждения о тенденциях публичное сообщение об одной из них вызывает к жизни опровергающие явления, события и действия.

Например, краснодарские воры узнают, что большинство ограблений квартир совершается после обеда и потому в эти часы усилена наружная служба милиции. На основе милицейской реакции на тенденцию воры меняют « рабочее время ». Изменение времени и состава милицкого патрулирования влечет практическое противодействие суждению о тенденциях. В результате оно становится ложным. В политических дискуссиях опора на социальные тенденции необходима (поскольку ничего лучшего социальная наука не выработала), но всегда содержит ве-

роятность появления противоположных тенденций. Публичное оповещение о сегодняшних тенденциях завтра потеряет актуальность.

Существует бесконечное число факторов изменения социальных тенденций. В политике изменение суждений о тенденциях нередко есть следствие изменения убеждений в целях приспособления. Оно выражается в политических оценках, взглядах и теориях. Изменение социального контекста во взаимосвязи с изменением убеждений - самостоятельная, интересная и сложная проблема. Выскажу лишь попутное замечание о ней.

Сегодня бывшие коммунистические сановники превозносят рынок и демократию. Допустим, за этим скрывается идеологическая тенденция. Опишем ее как комплекс гипотетических будущих событий: сегодняшние православные попы завтра объявят о массовом переходе в ислам; завтрашние муллы и муфтии послезавтра кинутся целовать пропыленные сапоги нынешнего папы и перейдут в католичество; католические аббаты и ксендзы обратятся в иудаизм, так как согласно экуменистской доктрине (проповедуемой папой) нет существенного различия между конфессиями; а на следующей неделе все раввины побегут в Лхасу, прочитав отчет о « сенсационных результатах научной гималайской экспедиции» доктора медицинских наук, профессора Эрнста Мулдашева⁵², и создадут там новое человечество. Если все это произойдет, определенные тенденции изменятся и даже исчезнут, в том числе и первая, реальность которой несомненна.

Действительно, сторонники религиозных и светских конфессий отличаются тенденцией доверия и поддержки членов своего аутентичного общества. Но вследствие ранее указанных изменений эта тенденция ослабнет. И опять произойдет раскол сторонников перечисленных

конфессий на « старообрядцев» и « обновленцев», « фундаменталистов» и «демократов». Тем самым нарушится общая политическая тенденция всерьез относиться к религиозным и светским конфессиям. Ведь их руководители всегда были готовы сменить веру ради принадлежности к властно-управленческому аппарату империй. Тенденцию религиозного ренегатства можно доказать исторически и эмпирически ⁵³. Идеологическое пока детально не изучено...

Короче говоря, социальные тенденции меняются вследствие изменения убеждений и основанных на них политических взглядах, программах и теориях. Затем меняются аргументы, опирающиеся на признание истинности определенных суждений о тенденциях. Публичный аргумент «от тенденции» может оказаться достаточным для начала ее изменения и распада. Например, завтра появится парламентский проект закона: из-за тенденции многих водителей управлять автомобилем в нетрезвом состоянии, роста числа жертв автокатастроф, а также с учетом экологического загрязнения городов вводится конфискация автомобилей (вместе с правами на управление автомобилем) после первого случая нарушения правил уличного движения и автомобильного происшествия (даже без жертв). Видимо, угроза такого закона уменьшит число пьяных водителей и единиц автотранспорта на дорогах.

Указанные изменения взаимосвязаны: открытие тенденции нередко меняет убеждения. Например, возникла вредная тенденция извращенного воспитания детей. Накоплены социологические данные о детской наркомании, проституции, бродяжничестве и преступности. На этой основе можно разработать и принять закон, предполагающий уголовную ответственность родителей и педа-

гогов за все проступки и преступления детей. Не исключено, что закон изменит тенденцию. Накопленное социологическое знание может стать основанием изменения всей системы права. Но какие противоположные тенденции возникнут для противодействия изменению? На этот вопрос ответа нет.

Для его предварительного обсуждения требуется взаимодействие социологии и ПФ. По крайней мере, можно использовать результаты влияния социологии на ПФ и наоборот. АПФ ставит проблемы и предлагает концепты, позволяющие развивать такое взаимодействие.

примечания

¹ Цит. по: Lukes S. Emile Durkheim. His Life and Work. Harmondsworth: Penguin Books, 1975. P. 268.

² Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals. Westport: Greenwood Press, 1983. R 51.

³ Op. cit. P. 56.

⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 34 - 35.

⁵ Христианская «гуманность» Российской империи детально описана А. Е. Салтыковым-Щедриным. Для характеристики светского «гуманизма» Советского государства приведу лишь один пример. В. Паперный цитирует инструкцию, в которой рассказывается, какие действия надо было совершить многодетной матери для получения пособия: «Государственное пособие выдается каждой матери, имеющей не менее семи детей, из которых младшему менее пяти лет. Не принимаются в расчет умершие дети, а также пасынки и падчерицы, дети усыновленные и дети, являющиеся иностранными подданными. Выплата государственного пособия прекращается: а) в случае смерти ре-

бенка, на которого назначено пособие; б) в случае смерти кого-либо из других детей многодетной матери, если в связи с этим число оставшихся в живых детей окажется меньше семи человек. В случае смерти матери выплата пособия прекращается. К заявлению должны быть обязательно приложены свидетельства о рождении. В случае невозможности представить подлинное свидетельство о рождении факт принадлежности матери данного ребенка должен быть удостоверен народным судом. Кроме того, к заявлению обязательно должны быть приложены: в сельской местности - протокол заседания сельского Совета, и в городской местности - справка, выданная органами Рабоче-крестьянской милиции, удостоверяющая число детей данной матери. На детей, проживающих отдельно, мать должна представить справки о нахождении их в живых. Справки должны быть датированы не раньше, чем за три месяца до подачи заявления. В случае возникновения сомнений работник бюро ЗАГСа обязан провести проверку их путем наведения справок в книгах и архивах органов ЗАГСа. Районное или городское бюро ЗАГСа составляет заключение и направляет его со всеми документами в районный исполнительный комитет или городской Совет. В случае сомнения районный исполнительный комитет или городской Совет назначает повторную проверку. При получении личной книжки мать обязана дать подписку о том, что все ее дети, принятые в расчет при назначении пособия, к моменту получения этой книжки находятся в живых и что она предупреждена об ответственности за дачу неправильных сведений. При получении государственного пособия за второй и следующий годы многодетная мать должна вновь представить в городской или районный финансовый отдел справку районного или городского бюро ЗАГСа о том, что все ее дети, принятые в расчет при назначении пособия, находятся в живых. Районное или городское бюро ЗАГСа выдает эту справку лишь при представлении матерью всех протоколов и справок, указанных в ст. 8» (Паперный В.

Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 302 - 303).
Ученые остальных стран могут поискать аналогичные примеры у себя на родине.

⁶ Durkheim E. Professional Ethics. R 112.

⁷ Durkheim E. Socjologia a filozofia. Warszawa: PIW, 1985. S. 81.

⁸ Runciman W. G. F Critique of Max Weber's Philosophy of Social Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 57.

⁹ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 560.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 566 - 567.

¹² Weber M. Economy and Society. New York: Bedminster Press, 1968. R 54.

¹³ Durkheim E. Professional Ethics. P. 43.

¹⁴ Giddens A. Politics and Sociology in the Thought of Max Weber. London: Macmillan, 1972. P. 34.

¹⁵ Weber M. Op. cit. P. 985.

¹⁶ Ibid. P. 987.

¹⁷ Ibid. P. 989.

¹⁸ Ibid. P. 225.

¹⁹ Giddens A. Capitalism and Modern Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 182.

²⁰ Weber M. Op. cit. P. 241.

²¹ Mommsen W. The Age of Bureaucracy. Oxford: Basil Blackwell, 1974. P. 93.

²² См.: Mommsen W. Op.cit., p. 92.

²³ Weber M. Op. cit. P. 1452.

²⁴ 13

²⁵ Там же. С. 36.

²⁶ См. об этом подробнее : Макаренко В. П. Технократические мамелюки : социополитические аспекты концепции А. Макин - тапра . Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2000.

²⁷ Макинтайр А. Указ . соч. С. 146.

²⁸ Там же. С. 147.

²⁹ См.: Макаренко В. П. Теория бюрократии М. Вебера и современная западная теория организации // Вопросы философии , 1986, №2.

³⁰ Лицом к лицу (англ.).

³¹ Taylor C. Irreducibly Social goods. Rationality, Individualism and Public Policy. Canberra: Australian National University, Eds. Brennan G., Walsh C 1990. R 478.

³² Taylor C Op. cit. P. 54.

³³ Ibid. P. 63.

³⁴ Goodin R. Irredycibly social goods: A comment // Taylor C. Rationality, Individualism and Public Policy. P. 68.

³³ Ibid. P. 76.

³⁶ Kymlicka W. Liberal Individualism and Liberal Neutrality // Ethics, 1989, №99. P. 883.

³⁷ Sandel M. Liberalism and the Limit of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 11.

³⁸ Kymlicka W. Op. cit. P. 904.

³⁹ Sandel M. Op.cit. P. 64.

⁴⁰ РолзД . Теория справедливости . Новосибирск : изд -во НГУ , 1995. С. 455 - 456.

⁴¹ Kukathas C, Pettit P. Rawls. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 108.

⁴² Gutmann A. Communitarian critics of liberalism // Philosophy and Public Affairs, 1985, № 14. P. 316.

⁴³ Buchanan A. Assesing the communitarian critique of liberalism/ Ethics, 1989, №99. E 859.

⁴⁴ Buchanan A. Op. cit. R 862.

⁴⁵ См.: Ibid. P. 863. ⁴⁶ Sandel M. Op. cit. R 173.

⁴⁷ Buchanan A. Op. cit. P. 857.

⁴⁸ Gutmann A. Op. cit. P. 318.

⁴⁹ Ibid. P. 319.

⁵⁰ Под политической дискуссией я имею в виду извлечение уроков из опыта прошлого для решения настоящих и будущих проблем .

⁵¹ См.: Макитпайр А. Указ . соч . С. 122 - 149.

⁵² См.: Мулдашев Э. От кого мы произошли ? М.: АйФ -Принт , 2001.

⁵³ См.: Макаренко В. П. Кавказ: концептологический анализ // Социологические исследования , 2001, № 12.

Глава 4. ВЛАСТЬ

Из предшествующего изложения следует, что аналитический подход к проблемам экономической и социологической теории способствует передвижке акцентов. Социальные ценности выдвигаются на первое место. Проблема личной ответственности отходит на второй план'. В АПФ тоже идет аналогичный процесс. Она все более критически относится к индивидуальным ценностям и шансам их реализации в социальной жизни. В центр выдвигается проблема воплощения социальных ценностей в политических институтах. При ее анализе АПФ опирается на выводы АЭТ и социологии: индивидуальный выбор не является основанием социальных ценностей, а социальные институты не воплощают данный выбор. Проблема намного сложнее. Например, в большинстве государств существует прогрессивный налог. На деле он является регрессивным - чем богаче человек, тем меньше он платит налогов, и наоборот. Прогрессивный налог и другие социальные блага вводились в соответствии с принципом равенства индивидов. На деле эти блага полезны для средних, а не малоимущих классов².

В свое время Руссо выдвинул положение: людей надо принимать такими, какие они есть, а законы - какими они

должны быть. Большинство социальных реформаторов по-прежнему вдохновляются этой максимой. Однако бихевиоризм показал, что она связывает руки политику ничуть не меньше «Божьего промысла», «всеобщих законов истории» и т. д. Свобода выбора политических институтов ограничена. Число институциональных выборов тоже незначительно. Поэтому ценностно детерминированный реестр человеческих желаний не может быть основанием выбора политических институтов. Его невозможно реализовать на практике.

Политику тоже можно анализировать под таким углом зрения. Это еще больше усложняет проблему социальных ценностей. Если политика вдохновляется индивидуальными ценностями, принцип защиты слабых реализовать невозможно. Если полагать его главной социальной ценностью, возникает проблема справедливого распределения угроз, связанных со строительством, эксплуатацией и авариями атомных электростанций³. Требуется также переосмыслить принцип справедливой войны. Потери гражданского населения были терпимы до тех пор, пока средства массового уничтожения не стали убивать все живое в радиусе многих километров. Если страдает мирное население, справедливая война теряет смысл. А вместе с ним принцип суверенитета и связанное с ним право войны и мира - классические прерогативы государства.

Что может предложить аналитическая политическая наука (далее АПН) для решения данных проблем? Пока немного. Рассмотрим вклад АПН в АПФ. Корни АПН связаны с деятельностью социальных реформаторов Англии и США в конце XIX - первой половине XX в. Этот факт учитывается в той мере, в которой нам была доступна соответствующая литература.

Акцент на АПН не означает отрицания роли нормативной политической теории. Она процветает и влияет на ПФ настолько, что это не требует доказательства. Вклад АПН в АПФ почти не изучен. Речь идет об эмпирических фактах и исследованиях, в которых выражен аналитический подход к действительности. Значение этого подхода для АПФ не всегда зависит от понимания ее предмета. Требуется анализ конкретных проблем и аспектов такого несовпадения.

Власть - главная проблема АПН. Распределение власти влияет на распределение материальных и денежных ресурсов. Г. Лассуэлл в 1930-е гг. определил науку о политике как анализ проблемы «кто, когда, где, как и сколько» получает денег. Вопрос «как» предполагает изучение форм распределения власти. В этом суть «современного политического анализа» (если воспользоваться названием одной из книг Р. Даля). Такое понимание предмета АПН ориентирует исследователя на описание намерений властвующих лиц и групп. Власть есть производство определенных и намеренных следствий. Намерения властвующих и стремящихся к власти лиц и групп воплощаются и закрепляются в политических структурах. Эти структуры обретают самостоятельную жизнь. Они осуществляют власть строго определенным образом и ограничивают другие способы ее реализации 4.

В социальных науках продолжается спор о продуктивности способов распределения власти. Полюсами ее распределения выступают индивиды и социальные структуры. Логика социальных структур давно изучается независимо от намерений индивидов. Например, если взять исходным пунктом ирригацию (К. Витфогель считал ее главной проблемой «гидравлических обществ»), «восточный деспотизм» рассматривается как неизбежное следст-

ние решения данной социальной проблемы. Если считать главной проблемой развитие военной техники, появление современного государства тоже неизбежно. Эта «неизбежность» резюмирована в известном положении Маркса: способ производства определяет правовую и политическую надстройку общества.

Отсюда вытекает специфический стиль политического мышления, который существует и в АПН. Об этом свидетельствуют современные дискуссии. Одни ученые не согласны с тем, что либерально-демократическое государство является наиболее подходящей оболочкой и причиной господства капитализма одновременно 5. Другие модифицируют указанную схему аргументации: «Оболочка каждого института состоит из других институциональных структур и образует его специфически организованную нишу» 6. Аналогия с системой - квинтэссенция структурализма. Но структурализм не отрицает роль человеческой активности. Об этом свидетельствуют труды аналитических марксистов 7. Они считают, что Марксова концепция возникла на почве коллективного действия индивидов, располагающих неравным количеством ресурсов (средств). Неоклассическая микроэкономика при объяснении коллективных действий и социальных структур применяет методологический индивидуализм.

Законы физики не зависят от человеческой активности. Социальные структуры - продукты социальных действий, которые разлагаются на действия и взаимодействия индивидов. Следовательно, человеческие действия не являются полностью сознательными и намеренными. Социальные структуры - продукт множества случайных следствий деятельности множества субъектов. Каждый из них стремится к достижению собственной цели по понятным только ему причинам. Далеко не всегда индивиду-

альные действия осуществляются сознательно, т. е. имплицитно стремятся к цели.

Таким образом, предмет эмпирической ПН связан с анализом вопроса: как человеческие действия воплощаются в жизнь с помощью структур, в которых реализованы предшествующие уклады социальных сил? Рассмотрим некоторые аспекты данного вопроса.

4.1. Шаткость демократии

АПН давно занимается проблемой распределения власти. Но до 1960-х гг. она изучала преимущественно поведение избирателей. Анализ показал, что оно не всегда связано с властными отношениями и их социальными последствиями. Проиллюстрируем это на примере демократии.

Невежественный избиратель. Согласно популистским представлениям, политическая власть в демократии разделяется между избирателями. Они озабочены социальными проблемами и формулируют рациональные суждения о возможных решениях. Индивидуальные мнения суммируются и дают общее политическое решение. Этот образ не соответствует действительности. Содержащийся в нем идеал реализовать невозможно. Об этом свидетельствуют эмпирические исследования избирательного поведения.

Во второй главе было показано, что постулат рациональной рефлексии граждан о социальных вопросах не подтверждается. Крайне малая доля избирателей имеет собственное мнение о социальных проблемах и выражает его в ходе выборов. Большинство голосует на основании идентификации с определенной группой (классом). Пове-

дение избирателей выражает опыт социализации и партийную принадлежность. Второй параметр поведения обычно является следствием партийной идентификации родителей (или других предков) избирателя. Постулат беспристрастного суммирования голосов, отношения к любым политическим взглядам и равенства индивидуальных выборов тоже опровергнут. Избиратели нетерпимы к свободе выражения взглядов как атрибуту демократии.

Итак, при демократии большинство людей не выполняет функции гражданина. Стабильность демократических институтов зависит не от политического участия (как полагает нормативная и популистская модель демократии), а от массовой апатии.

Таковы факты. Выводы зависят от интерпретации данных фактов. Д. Вранг в начале 1960-х гг. показал бесплодность социологизированной концепции человека и призыва «вернуть людей к рефлексии», провозглашенных Г. Хо-мансом 8. Потребовалось несколько десятков лет для усвоения этого вывода в АПН.

Популистское представление о демократии базируется на определенной модели политической социализации. Некоторые политологи по-прежнему защищают идею ответственного электората: «Люди голосуют по примеру своих родителей не потому, что они бездумные автоматы, выполняющие заложенную в детстве программу. Люди наследуют от родителей определенный социально-экономический багаж. Рациональное размышление о собственных интересах приводит их к тем же политическим выводам, которые сделали родители» 9. Высокий уровень политического участия лиц с высоким социально-экономическим статусом тоже не объясняется «силой Эго». Если люди обладают значительными социальными возможностями, вывод об их влиянии на социальные процессы рационален.

Аналитическая интерпретация социологических данных изменила тезис об избирателе как рациональном субъекте. Рациональное поведение никогда не протекает в идеальных условиях. Обычно люди голосуют за кандидатов, политические программы которых совпадают с социальными программами избирателей. Голос одного избирателя не играет никакой роли в результате выборов. Поэтому с точки зрения отдельного избирателя наиболее рационально отказаться от участия в выборах. Избиратель не обладает полной социальной информацией, необходимой для выбора наиболее подходящего кандидата. Ни социальная наука, ни СМИ не дают такой информации даже в демократических странах. Следовательно, реальная демократия полагает нормой незнание избирателей. Эта норма считается рациональной. Тем самым рационализируются упрощенные и примитивные варианты знания. Например, партийные эмблемы символизируют партийные программы. Избиратель доверяет своему опыту и опыту правящих лиц и партий, а не обещаниям политических нуворишей. В этом смысле он тоже поступает рационально.

Этот вывод не совпадает с популистским представлением о демократии. Он фиксирует пределы демократии. Речь идет об ограниченной рациональности политической рефлексии, оценки и решений электората. Избиратели осуществляют выбор кандидатов, программы которых соответствуют программам избирателей. Но основания выбора не имеют отношения к рациональности: «Нельзя полагать, что избиратели эгоистически стремятся только к максимальной материальной пользе для себя и своей семьи. Наоборот, при выборах избиратели руководствуются символами и социальными чувствами»¹⁰.

Данное положение обосновано в книге Д. Кьюэ «Микрополитика и макроэкономика». Автор проанализировал

общую тенденцию переизбрания политиков на новый срок, если они неплохо руководили экономикой. Утилитаристская интерпретация данной тенденции гласит: большинство голосует за свой кошелек, поскольку убеждено, что индивидуальное благосостояние зависит от эффективности экономики. Дифференцированный анализ электората позволил сделать уточнение: «Консервативное голосование связано не с материальным положением избирателя на протяжении последних лет, а с оценкой национальной экономики в целом. Даже избиратели, экономическое положение которых неустойчиво, делают выбор в пользу кандидатов и партий, правление которых полезно для страны в целом. Но при этом избиратели руководствуются не разумом, а политическим чувством»¹¹.

Безответственные элиты. Итак, АПН отвергает популистское представление о демократии. Еще более критически она относится к модели демократического элитаризма. Ее изобрел И. Шумпетер. Согласно этой схеме, избиратели не имеют отношения к созданию и реализации социальных программ. Они только делают выбор конкурирующих элит, каждая из которых предлагает свою программу. Выработка общего направления политики принадлежит элитам, реализация - правительственным функционерам. Избиратели соглашаются (не соглашаются) с полномочиями правительства на исполнение власти определенным способом: «Поскольку осуществление текущей политики предоставляется избранным функционерам (и ответственным перед ними работникам государственной службы), схема И. Шумпетера есть разновидность элитаризма. Однако такой элитаризм присущ всем политическим системам, а не только демократии»¹².

Концепция демократического элитаризма возникла недавно. Но ее основные элементы не представляют новизны. Идея превосходства представительной демократии над непосредственной, трактовка представителей как полномочных лиц (а не как обычных делегатов), различие политики (выбор главных направлений социального и политического развития) и управления (практическая реализация выбора) и связанная с ним потребность в политических и бюрократических элитах - все эти сюжеты известны давно.

И все же момент новизны есть. Даже в демократических странах властвующие элиты «делают политику». Но далеко не всегда предлагают определенную программу. И не отвечают за ее внедрение в жизнь перед настоящим и будущим поколениями избирателей. Элиты рассчитывают на краткую память избирателей. При демократии тоже существует опасность безответственного осуществления власти. Демократия не исключает появление групп, которые (по причине экономической силы, социального статуса, политической необходимости и т. д.) навязывают обществу собственные политические решения. С другой стороны, развитие массового общества показало, что массы не противодействуют тоталитарным и авторитарно бюрократическим тенденциям социального развития. В обоих случаях выборы теряют смысл. Это дискредитирует любые утверждения о демократичности данного социального и политического строя, в том числе и нормативную модель демократии.

Существование элит в западных странах подтверждается эмпирическими исследованиями. Речь идет о следующих явлениях: перекрещивании составов советов надзирателей больших фирм и государственных служащих; политических последствиях концентрации власти; город-

ском самоуправлении; региональной и федеральной политике¹³. Эти феномены объединяются в общую проблему «циклов внутренней политики». Главные выводы исследований сводятся к положениям: на общенациональном (государственном) уровне существуют и функционируют большие структуры; в них сконцентрирован выбор группы высокопоставленных лиц и организаций; эти структуры и группы обладают властью, независимой от демократических процедур; местное управление более демократично, нежели государственная политика.

Но и на уровне местного управления власть не всегда демократична. При констатации этого факта социологи задавали респондентам вопрос: кому принадлежит власть в данной местности (городе, штате, округе)? В ответ называлась группа лиц, реальная власть которых не зависит от демократических механизмов. Эта группа и есть местная элита. Другие социологи изучали деятельность местных органов законодательной и исполнительной власти. Обнаружилось, что при обсуждении разных вопросов первую скрипку играют разные лица. Отсюда извлекался вывод о плюрализме властных элит, т. е. о наличии конкурирующих центров власти на всех уровнях.

Однако все эти социологические выводы нетрудно вывести из констатации Гоббса: «Репутация могущества есть могущество, ибо она влечет за собой приверженность тех, кто нуждается в покровительстве»¹⁴. Большинство людей не интересуется вопросами, решить которые не в состоянии. Политика - один из таких вопросов. Большинство реализует политические цели лишь в той мере, в которой они поддерживаются властвующими лицами и группами. Власть осуществляется (сознательно и бессознательно, намеренно и ненамеренно) с помощью определенных структур. Эти структуры базируются на таких социальных цен-

ностях и правилах политического дискурса, которые стремятся сохранить status quo при распределении социальных ресурсов¹⁵.

Тем самым нарушение равновесия власти - универсальная угроза демократии. Проблема состоит в исследовании механизмов такой угрозы для блокировки деструктивного воздействия на демократические процессы. Речь идет о влиянии экономической власти на политическую, манипуляции языком, символами и ритуалами. Их влияние невозможно нейтрализовать даже в самой демократической системе. Поэтому при демократии власть одних лиц и групп больше власти других лиц и групп. Демократия не устраняет диспропорцию в распределении власти. Справедливая процедура суммирования голосов базируется на посылке: избиратель всегда прав потому, что находится в середине политического спектра. Если на разных сторонах от центра существует равное число избирателей, партия выигрывает выборы при завоевании на свою сторону среднего избирателя.

Но этот постулат справедлив при допущении, что избиратели всегда голосуют за партию, программа которой соответствует их взглядам. При двухпартийной системе обе партии стремятся к центру. В результате политика становится все более центристской. То же самое происходит в многопартийной системе, если партии равномерно распределены на шкале программ. Здесь движение к центру наступает при формировании коалиционного правительства. Партии заключают коалиции с партиями со сходными программами. Поэтому партия центра, если она убедила среднего избирателя, оказывается в составе любой коалиции большинства. Этот факт имеет стратегическое значение. Выигравшая выборы партия диктует условия партнерам по коалиции.

Хотя эта модель является идеальной, она подтверждается эмпирическими исследованиями 16. Нормативный смысл модели сводится к положению: структурная власть - это власть среднего избирателя. Она возникает в результате действия глобальной электоральной структуры. Но средний избиратель - единица статистическая. Она означает определенный политический выбор, а не конкретного человека с именем и фамилией. Средний избиратель не властен в прямом смысле слова. Например, собственник предприятия при изменении точки зрения пользуется властью для ее навязывания подчиненным. Если средний избиратель меняет мнение, он теряет власть, поскольку его выбор отходит от центра политических взглядов.

Другой источник структурной власти - отношение центра и периферии внутри страны и на международной арене 17. Стратегическое положение центра (экономическое, социологическое, географическое) позволяет ему развиваться за счет колонизации провинций. Например, внешний долг США во времена Рейгана достиг астрономической цифры. В любой другой стране это вызвало бы санкции Международного валютного фонда. США позволили себе такую задолженность (недоступную для других стран) по причине центрального положения страны в мировом хозяйстве. Ту же роль играет американский доллар - резервная валюта большинства стран мира. В 1980-е гг. начался закат экономической и военной гегемонии США. Вперед выдвинулись страны «семерки». Однако большинство государств по-прежнему держатся за практику, которая сложилась в период американского могущества. Нового гегемона не появилось. Но большинство правительств опасаются «международной анархии». В этом контексте и появился жупел «международного терроризма». Иначе говоря, привилегированное положение США объ-

яснить нетрудно. Но отсюда не вытекает этическое оправдание международной политики данной страны.

Политический рынок: реальность или иллюзия? Концепция демократического элитаризма базируется на двух неявных посылках: партии предлагают гражданам действительный социальный и политический выбор; каждая партия выполняет программные и избирательные обещания. Обе посылки несостоятельны.

Движение партий к центру позволяет заключить: они не предлагают гражданам никакого реального выбора (при двух- и многопартийной системе). Этот вывод подтверждается множеством фактов, которые на протяжении XX в. преобразовались в политическую тенденцию. По крайней мере, в публицистике давно используется метафора «политического рынка». Она базируется на сравнении партий с предприятиями. Однако промышленные структуры вынуждены улучшать и разнообразить товары. Без этого им не выдержать конкуренцию с другими фирмами. И пропадает смысл рынка, включая потребительские интересы.

Метафора «политического рынка» базируется на сравнении избирателей с потребителями. Однако ни одна партия не преодолела рационального незнания избирателей. Электорат был и остается безразличным к нюансам партийных программ. Следовательно, все партии заинтересованы в политическом невежестве. Ведь благодаря ему исчезает главный мотив конкуренции партий. По идее партии не должны занимать позицию, совпадающую с программой другой партии и обязаны разделить между собой весь спектр политических позиций. Это требование относится к двух- и многопартийным системам. На деле ситуация обстоит иначе: «современные партии преврати-

лись в собственников-монополистов на решение отдельных социальных вопросов» 18.

Например, едва безработица становится главной темой выборов, это на руку левым партиям. Если возникают проблемы в управлении экономикой, этим пользуются правые партии. Монополия партий на решение отдельных вопросов социальной жизни отражает механизм экономии информации. Вместо детального анализа партийных программ граждане довольствуются политическими ярлыками. Это обусловлено рациональным незнанием. Подобно покупателям, избиратели сводят к минимуму расходы на приобретение информации.

К тому же после победы на выборах партии не выполняют свои обещания. Обещания обычно отличаются неопределенностью. А их выполнение отодвигается в будущее. Но в будущем возникают обстоятельства, которых не было в момент обещания. Непредвиденность нельзя исключить из социальной жизни. Поэтому всегда можно сослаться на «изменившиеся обстоятельства». И выполнение программных и предвыборных обещаний определить крайне трудно: «По крайней мере, партии пытаются создавать впечатление, что они хоть что-то делают» 19.

Стало быть, концепция демократического элитаризма и аналогия политики с рынком не подтверждаются фактами.

«Ты мне - я тебе...». Роль коллективных действий в производстве социальных благ рассматривалась во второй главе. Здесь напомним суть проблемы: все пользуются социальными благами, независимо от вклада в их производство; каждый надеется на вклад других; другие (будучи не менее рациональными) этого не делают. Дефицит социальных благ - следствие действий рациональных субъектов.

Политические партии и группы интересов - субъекты указанного «производства» социальных благ. Политические программы пишутся не для адекватного отражения социальной действительности, а для влияния на массы. Но у масс нет рациональных причин участвовать в разработке программ и тратить деньги на политические кампании. Ситуация меняется, если индивид полагает, что его деятельность решит проблему дефицита социальных благ. Но еще никому не удалось этого сделать. Взамен возникает надежда: занятие политикой приносит личную пользу в виде должности или протекции со стороны власти. Эта надежда вполне вероятна.

Приведенные констатации сделаны экономистами в начале 1960-х гг. Политологи длительное время стремились доказать противоположный тезис: взаимодействие индивидов порождает норму «ты мне - я тебе», которая способствует сотрудничеству. Каждый вносит вклад при условии аналогичного поведения других. Если группа незначительна, а ее состав стабилен, данная норма гарантирует добровольное коллективное действие. Политическое участие - естественная характеристика социального бытия 20.

Эмпирические исследования не подтвердили этот вывод. Указанная норма характерна только для коллективных действий парламентариев и политических элит, да и то при условии относительного постоянства их состава. На первый взгляд кажется, что эта норма противодействует анархии международных отношений. Однако в настоящее время в мире существует почти 200 правительств и множество неправительственных организаций. Они постоянно взаимодействуют. Возникло также множество международных корпораций, представляющих отдельные отрасли производства. Эти группы являются клиентелой

множества правительств. Так возникают рутинизированные сети интересов²¹. Они опираются на небольшие стабильные группы. Но данный вывод не относится к основной массе населения. Социальные движения представляют общество в целом и оказывают давление на правительство от его имени. Одновременно социальные движения выражают только фрагменты публичных интересов и нередко стремятся к самовыражению, а не к воздействию на власть.

Таким образом, норма «ты мне - я тебе» описывает механизм формирования групп интересов, но не сотрудничества. Расходы на создание групп интересов возрастают пропорционально размерам. Чем больше группа, тем труднее поддерживать взаимодействие. Поэтому в государственных органах интересы малых групп довлеют над интересами больших групп и населения в целом. Этот вывод подтверждается анализом причин различного воздействия решений правительства на доходы и расходы групп населения ²².

Можно ли освободить политический дискурс от логики, основанной на понятиях выбора и интереса? По крайней мере, индивидуальный выбор (личная польза) не тождествен политическому выбору общего блага. Если общее благо становится основанием политики, она приобретает совещательный (а не обязательный и конституирующий) характер. «Речь идет о понимании политики как публичной заинтересованности в критике, проверке и отбрасывании любых взглядов, а не как области подсчета голосов избирателей» ²³. С этой точки зрения американская партийная традиция отличается от европейской. Парламентарные партии в Европе послушно выполняют указания своих правительственных представителей, если даже правота на стороне другой партии. У американских пар-

тий такой дисциплины нет. Они ведут свободные дебаты на всех уровнях - от штатов до Конгресса - и не зависят от партийной иерархии.

Итак, превращение политики в сферу свободной публичной критики (а не борьбы интересов и управления государством) предполагает независимость населения от политических партий и групп интересов.

4.2. Порочный круг выбора

Нормативная теория демократии базируется на послышке: сумма индивидуальных выборов дает общий выбор. Принцип большинства ведет к тому, что в итоге голосования может победить любой индивидуальный выбор. Поэтому результаты голосования всегда случайны и произвольны.

Возьмем трех избирателей (А, В, С), осуществляющих три выбора (Х, Y, Z): А предпочитает Z вместо Y, а Y вместо X; В предпочитает X вместо Z, а Z вместо Y; С предпочитает Y вместо X, а X вместо Z. В результате голосования Y предпочитается X (благодаря голосам А и С), Z предпочитается Y (благодаря голосам А и В), X предпочитается Z (благодаря голосам В и С). Тем самым принцип большинства ведет к порочному кругу. Иначе говоря, голосование большинства не дает ответа на вопрос: какой индивидуальный выбор предпочтителен с социальной точки зрения?

Кондорсе заметил эту опасность еще в XVIII в. В начале 1950-х гг. Арроу выдвинул положение о принципиальной невозможности общего выбора. Это породило громадную литературу на тему общего выбора²⁴. Экономисты пытались опровергнуть тезис Арроу, но эти попытки не увенчались успехом. Принятие политических решений по

принципу большинства на основе голосования ведет к любым произвольным решениям при любых обстоятельствах. Современная теория решений включает математические, психологические и социологические аспекты. Но общий вывод однозначен: не существует таких правил принятия решений (в соответствии с принципом большинства, консенсуса и т. д.), которые противостоят стратегическому действию - прямому провозглашению индивидуального выбора²⁵. Следовательно, теория решений подтверждает положение: выборы приводят к случайным результатам.

Есть несколько политических решений парадокса Кондорсе-Арроу.

Изменение процедуры голосования. Парадокс возникает при парном сравнении выборов (вначале сравнивается выбор X с выбором Y, затем победивший выбор с выбором Z). Порочный круг исключается, если перед избирателями ставится задача указать наиболее подходящий выбор (X, Y, Z). Для этого применяется пробное голосование всех предложений, которые выходят за рамки status quo. Победившим считается выбор, который получит большее число голосов ²⁶.

Последовательность индивидуального выбора исключает политические прыжки. Если на первом месте стоит выбор левого полюса политического спектра, то на втором - выбор, который тоже находится слева, а не справа (в политическом смысле слов). Каждый индивид обладает стабильным образом политического пространства. Все его выборы располагаются вдоль одних осей в одинаковом порядке. Это требование нетрудно выполнить. Публичные дебаты синхронизируют восприятие предмета политических дискуссий. Эффективность такого решения связана с пределами выборов. Граждане упорядочивают

альтернативы по политическим осям (правые - левые) и по осям острых и дискуссионных социальных проблем. Одни авторы считают недопустимым нарушение порядка индивидуальных выборов. Другие полагают вмешательство основным условием социального бытия и смысла общего выбора. В этом случае общий выбор (сумма индивидуальных выборов) предполагает соблюдение условий согласия индивидов по принципиальным вопросам: что они являются единым «народом» (нацией); что один общий выбор обязателен для всех; что общий выбор отражает индивидуальные выборы; что существуют общеобязательные правила политического дискурса. Если такого согласия нет, парадокс Кондорсе-Арроу неразрешим, несмотря на последовательность индивидуального поведения.

Структура политических институтов. Порочный круг устраняется правилами политической жизни. При непосредственной демократии вырабатывается ряд проектов (петиций, законодательных документов и т. д.), но на референдум выносятся небольшое число. Представительная демократия связана с определенными процедурами. Законопроекты ставятся на голосование после проработки в парламентских комиссиях. Каждая комиссия нерепрезентативна относительно общества в целом. Поэтому законодатель ограничивает число, род и порядок выборов. При либеральной демократии конституционные рамки выборов уменьшают вероятность появления порочного круга при голосовании 27.

Все решения уменьшают, но не исключают вероятность порочного круга. Они увеличивают вероятность структурно обусловленного политического равновесия и содержат материал для рефлексии о результатах микро-экономического исследования социального выбора.

4.3. Партизанская война

Решение парадокса Кондорсе-Арроу связано с генезисом АПН. В 1920 - 1930-е гг. исследование управленческих структур и процессов было главным содержанием теории управления, которая отождествлялась с политической наукой. Социологи были свободны от этой иллюзии и учитывали специфику социальных структур и политических институтов. Но в середине 1980-х гг. был выдвинут лозунг «возврата к государству»²⁸. Это свидетельствует о незавершенной дискуссии социологов с политологами. Политологи учитывают влияние институциональных правил на политические процессы, но ограничиваются избирательным правом. Сформулировано два правила его практической реализации: 1. От каждого избирательного округа избирается один депутат, набравший большее число голосов. 2. Каждый округ выставляет несколько депутатов, а места в парламенте предоставляются в соответствии с формой пропорционального представительства. Каждая форма ведет к противоположным результатам.

Лозунг «возврата к государству» воплотился в становлении направления исследований. Новый институционализм анализирует элементы всех политических организаций на всех уровнях и последствия их деятельности в политических программах и выборах. Проблемы формы и функций социальных и политических организаций длительное время отодвигались в тень. В 1980 - 1990 гг. они стали главными в политической науке²⁹. Организационные структуры вырабатывают общность интересов внутри и вне организации. Эти структуры управляют потоками информации и влияют на процессы и результаты выборов. Следовательно, способ распределения власти в организации и свободы от нее (имеются в виду точки, в которых дей-

ствия власти ставятся под сомнение) значим для достижения определенных политических результатов. Результаты обычно не совпадают с намерениями тех, кто выдвигает идеи и предложения для решений. Противоположность намерений и результатов выражается в ряде явлений.

Бюрократия - первый, главный и постоянный барьер на пути практической реализации любых политических идей. До 1970-х гг. бытовало мнение: бюрократия выполняет слишком много задач, превышающих ее возможности. На этой почве выдвигались проекты многообразных административных реформ, в том числе основанных на использовании искусственного интеллекта. Предполагалось, что компьютеры и другие информационные цапки позволят управленцам соответствовать уровню сложности общества, а управленческое действие приобретет социальный смысл. «Но опыт показал, что бюрократия всегда предпочитает известные, а не лучшие решения. Она обычно предлагает такие методы решения, которые помещаются в рамках status quo. Это ведет к выбору эволюционных, а не радикальных ответов на новые политические вызовы. Однако в настоящее время эволюционный стиль мышления крайне опасен и ошибочен» 30.

Иллюзия доверенного исполнителя - следующий недостаток организаций. Социология организаций описала специфику поведения государственных служащих. Они служат личным, а не публичным интересам. Интересы государственных служащих как особого слоя противоречат социальным интересам³¹. Эмпирические исследования показали, что реализация социальных программ противоречит интересам государственных служащих. Приоритеты последних не имеют ничего общего с социальными приоритетами. Существуют особые институциональные интересы: «Бюрократическая точка зрения зависит от точ-

ки сидения. Чиновники государственных финансовых ведомств перехватывают приоритеты финансовой сферы и реализуют их в ходе торгов с другими ведомствами. Чиновники оборонных и полицейских ведомств отождествляют свое поведение с приоритетами обороны и государственной безопасности и т. д. Под это правило подпадает вся совокупность государственных ведомств» 32.

Классический доверенный исполнитель заботился только о собственном кармане. Современные государственные служащие ведут невидимую партизанскую войну с социальными интересами, приоритетами и программами. В отдельных случаях эта война приводит к оптимальным социальным результатам. Но при этом надо принять идеальную модель межведомственных соглашений: все социальные интересы представлены в бытии государственных ведомств; они действуют от имени социальных интересов; власть каждого ведомства пропорциональна доле конкретных публичных дел в интересах общества в целом.

Однако эта модель не реализована ни в одном государстве мира. Социальные интересы и их институциональное воплощение - вещи совершенно разные. И потому далеко не все социальные интересы воплощены в государственных институтах. Одни группы могут, а другие не могут добиться институционального воплощения своих интересов. Соотношение сил между группами тоже не связано с публичными интересами. Бытие и власть государственных ведомств - дело исторического случая. Однако все они стремятся к политическому бессмертию - сохранению существования после того, как первичная цель их создания потеряла смысл. Политическая практика - это клубок социальных проблем, требующих решения. У бюрократии решения «всегда готовы». Она ищет только такие проблемы, которыми не прочь заняться временно бездейст-

вующие « государственные мужи». Последним безразлично, чем заниматься.

Общий итог деятельности бюрократии выражается в специфических политических последствиях: « Одно „ естественное" вмешательство в социальную жизнь ведет к следующему „ естественному" вмешательству в соответствии с предустановленным порядком. Логика организаций состоит в том, что они не в состоянии дистанцироваться от действительности. И тем более не могут ни поставить, ни обсудить вопрос: действительно ли с самого начала был избран правильный путь решения?» 33.

4.4. Политический Христос

Способы распределения социальных благ и ресурсов вытекают из социальной кооперации. Они образуют разные варианты альтернативы «рынок - планирование». У каждого способа есть сильные и слабые стороны и последствия для распределения власти в обществе.

Причины антидемократичности. Если общество полностью базируется на рыночной экономике, это не исключает замену рынка государством при распределении определенных товаров (ресурсов). Существует несколько причин вмешательства государства в экономику.

Рынок не производит необходимое количество социальных благ и порождает множество негативных результатов. При этом успех экономики считается главным критерием ее социальной значимости. Действие данной причины зависит от степени, в которой политическая корректировка недостатков рынка блокируется причинами, которые привели к таким недостаткам.

Разное отношение индивидов к экономическому и политическому выбору: «При ответе на вопрос о причинах экономического выбора индивиды обычно дают приватный ответ, ссылаясь на собственные интересы. Совсем иначе они отвечают на вопрос о причинах политического выбора. Ответ обычно дается в соответствии с господствующими убеждениями и общественным мнением. Эту причину называют основанной на благе» 34.

Рыночное распределение возникает в результате распределения власти. В этом случае власть становится главной причиной падения эффективности экономики. Она проявляется в двух вариантах: общество считает нормой властное распределение благ и услуг; общество не противодействует вмешательству власти в процессы распределения, поскольку господствует убеждение: некоторые блага должны распределяться равномернее по сравнению с деньгами. К таким благам относятся предметы первой необходимости (питание, жилье, здравоохранение) и символы гражданства (избирательные права, военная повинность и правовые обязанности). Так возникает специфический эгалитаризм - требование распределять блага в соответствии с принципом равенства при любой ситуации. Однако этот принцип не распространяется на все блага³⁵.

Все причины базируются на разделении общих благ политическими методами, которые принципиально отличаются от рыночного распределения. Отсюда вытекает главная проблема: возможна ли абсолютная самостоятельность политического и рыночного распределения социальных благ? Эмпирический уровень проблемы выражается в мере непосредственной (коррупция) и опосредованной (субсидирование избирательных кампаний) перекупки государственных чиновников собственниками капитала и наоборот. Политическая власть тоже обладает

частным капиталом. При любой угрозе политическим привилегиям собственники этого капитала изымают его из-под юрисдикции государства.

Любое вмешательство государства в экономику блокирует демократический путь к социальному равенству. Это подтверждается результатами исследований о расходах на социальную сферу: «Рост расходов на нее полностью зависит от экономических и демографических факторов. Политические переменные (участие в демократическом осуществлении власти, конкуренция, сила левых партий и т. д.) не влияют на уровень расходов на социальную сферу. Это правило распространяется и на политические переменные, связанные с формированием существенных свойств социальных программ» 36.

В результате действия всех причин правительство не может быть демократичнее меры демократичности экономики. Возможны два варианта решения этой проблемы: правительство менее демократично по сравнению с требованиями граждан; экономика менее демократична по сравнению с требованиями граждан.

Итак, связь экономики и политики - главный источник недемократических социальных явлений и тенденций. Замена экономического рынка политическим рынком «игры голосов» не увеличивает политическое равенство. Правительства и правящие коалиции не в равной степени учитывают выбор каждого человека. Они обычно озабочены сбором такого числа голосов, которое гарантирует их правление. Современная теория коалиций на основе эмпирического анализа сформулировала аналогичный вывод: общая тенденция политических коалиций - устранение лишних членов, голоса которых не нужны для обеспечения большинства в правительстве и сохранения множества правительственных постов за правящей коалицией.

Поэтому политика аналогична экономике. В той и другой сфере немногие эксплуатируют многих.

Демократия воплощает надежду на смягчение экономической эксплуатации и политического господства путем регулярной смены правительств и парламентов. Но эта надежда рухнула. Демократия не ликвидировала господство одних социальных групп (классов) над другими. В настоящее время в экономике господствует средний класс. В политике он преобразовался во всесильного среднего избирателя, влияющего на сферу распределения. Трудящиеся классы по-прежнему угнетены. Воплощение социализма электоральным способом натолкнулось на общую тенденцию современных социал-демократических партий: они претендуют на выражение интересов трудящихся масс, но формулируют свои программы таким образом, чтобы привлечь на свою сторону представителей нетрудящихся классов; это необходимо для победы на выборах. «Поэтому трудящиеся классы вынуждены забыть о социализме и о собственных интересах, если они заинтересованы в получении власти в демократической системе» 37.

Эти тенденции постоянны и воздействуют на международные отношения. Установившаяся схема распределения и обмена вытолкнула многие государства на периферию мировой системы. Они никому не нужны с экономической и политической точек зрения. И потому стали объектами политической эксплуатации стран центра. Политическая эксплуатация выражается в двух явлениях: подчинении страны влиянию зарубежного (государственного и частного) капитала; принятии страной политических условий, от выполнения которых зависит выделение заимодавцами (многонациональными корпорациями, государственными и международными валютными фондами) займов и других кредитов.

Рухнувшая надежда. Альтернатива рыночной экономики - приказная экономика, основанная на социальном планировании. Рыночный социализм предлагает половинчатое решение: в исходном пункте капитал разделяется по принципу равенства, а затем все предоставляется действию рынка. Ни один из этих проектов не удалось проверить в идеальных условиях. Дискуссия о степени их жизненности продолжается. В любом случае неравное распределение частного капитала - главная причина перехода экономики под контроль политики. Социалистические теоретики и политики надеялись, что приказная экономика будет отличаться от рыночной справедливым распределением доходов и богатства.

Надежда не оправдалась. Возникли трудности детального планирования распределения и материального производства. Опыт «реального социализма» показал, что связь собственности с властью (контроль над национализированными ресурсами) создает социальное неравенство. Политический контроль над капиталом ведет к замене частных собственников политическими функционерами. Им принадлежит власть в приказной экономике. Эти проблемы не являются чисто теоретическими. Граждане стран «реального социализма» давно обвиняют новый класс в привилегиях, недоступных рядовым гражданам. Указанный термин введен М. Джиласом и первоначально относился к номенклатуре - высокопоставленным чиновникам правящей партии. В настоящее время происходит трансформация социализма в капитализм. Она показала, что в состав нового класса входят группы, которые используют черный рынок и имеют доступ к твердой валюте.

Если считать критерием рыночную экономику, можно эмпирически доказать следующие положения: распреде-

ление при плановой экономике равномернее; пропасть между социальными верхами и низами меньше; слой привилегированных людей значительно меньше. Иначе говоря, плановая экономика дает больше равенства. Зато неравенство становится еще более кричащим: его носителями являются лица и группы, политически ответственные за обеспечение равенства. Поражение коммунизма в СССР и других странах Восточной Европы в значительной степени объясняется социальным недовольством, вытекающим из этого факта.

Однако стремление к равенству - не единственная причина введения приказной экономики. Демократический контроль экономики необходим для эластичного учета потребностей широких масс. Но неясно, как достичь этой цели. На первый взгляд, плановая экономика послушна политической воле. При соблюдении определенных условий политическая воля равна воле народа. Однако приказы политиков фильтруются при прохождении через многие слои бюрократии. Если даже политики учитывают требования народа, то плановая экономика таковой не является. При неэластичном рынке индивидуальный выбор учитывается (пропорционально богатству индивидов) и подавляется (вследствие действия рыночных механизмов) одновременно. Однако даже такой рынок предпочтительнее экономики, подчиненной бюрократическому планированию.

4.5. Случайность прав и свобод

Нормативная теория демократии пользуется формулами «универсальных прав человека», «конституционных границ политической власти» и т. д. Но она не учитывает

случайный социально-исторический характер данных прав и границ. Соблюдение прав человека и конституции зависит от того, какие элиты осуществляют власть. Суть дела не сводится к противоположности тирании и демократии. Отношение властных элит к фундаментальным ценностям демократии дифференцировано. Причем оно глубже различий в отношении широких масс к демократии. Население тоже не свободно от авторитарных и тоталитарных установок. Но по сравнению с правыми партиями оно более положительно относится к принципам демократии 38.

Установление (отсутствие) конституционной демократии зависит от констелляции исторических обстоятельств. Либеральная демократия (включая представления о правовом государстве, конституционных правах и свободах) выражает определенное соотношение сил в период ее появления в Англии. Если это соотношение отличалось от Англии (политическая и духовная власть были сильнее, а крестьянство и городская буржуазия слабее), либеральная демократия лишалась социальной базы.

Если демократические институты уже существуют в одной стране, они заимствуются другими странами. Всякое заимствование бывает удачным и неудачным. После неудачных попыток ввести демократические институты голоса разделяются: одни критикуют теорию прав человека (за пренебрежение к социально-историческим условиям), другие критикуют общество и социальную ситуацию (за отсутствие возможностей реализации данных прав). Оба направления критики правомерны, поскольку их можно объединить. Есть моральные основания для предоставления прав и свобод населению всего мира. Но для этого надо создать определенное общество. Поэтому следует способствовать появлению определенных социальных усло-

вий. Отсюда вытекает необходимость критики и борьбы с социальными отношениями, в которых отсутствуют права и свободы.

Однако права вытекают из обязанностей. Моралисты обычно провозглашают настолько возвышенные обязанности, что они никогда не подойдут ни к каким обстоятельствам. Теоретики не могут ограничиться декларациями. Широкие права и свободы зачастую нереальны (особенно в развивающихся странах). Если стандарты прав и свобод являются слишком высокими, они освобождают правящие элиты от обязанности умеренного осуществления реформ. Тем самым легитимизируется авторитаризм - политический строй, соединяющий все свойства экономической эксплуатации и политического угнетения под прикрытием «развития экономики». Но в любом случае незаконные аресты хуже смертной казни. А социальные права автохтонных культур предпочтительнее болезней и голода. Социальные движения борьбы за права и свободы предпочтительнее групп интересов, политических партий и правительств.

По этим причинам нельзя отказываться от любых политических возможностей. Суждение о невозможности делать два добрых дела одновременно ошибочно, ведет к необоснованным отказам и жертвам, обосновывает мнимую необходимость компромисса развития экономики, прав человека и гражданских свобод. Даже либеральные философы утверждают, что одна цель достижима ценой отказа или ограничения другой ³⁹. А по сути дела, нет теоретических оснований и эмпирических аргументов для вывода, что нарушение прав и свобод способствует развитию экономики. Крах «реального социализма» - наиболее репрезентативный опровергающий пример.

4.6. Консенсус или дележ добычи?

Существует мнение о том, что согласие в рамках гражданского общества есть основание демократии. Некоторые авторы (например, А. Грамши) выводят такое согласие из понятия гегемонии. Другие предлагают политическое понимание отношения политики и гражданского общества, но извлекают из него сходное практическое следствие: консенсус различных групп необходим для управления внутренне дифференцированным обществом.

Консенсус - это комплекс процедур, в соответствии с которыми надо поступать при несогласии по принципиальным вопросам. Нередко утверждают, что консенсус идентичен основным демократическим процедурам и существует в эффективно функционирующих и стабильных демократиях. Отсутствие согласия тождественно политической нестабильности. Проблемы управления территориями (типа Северной Ирландии) вроде бы подтверждают истинность суждения о необходимости консенсуса.

Однако эти аргументы сомнительны. Социологический анализ позволил сформулировать другие выводы: даже в эффективно функционирующих и стабильных демократиях консенсус ценностей характерен только для господствующих групп и властвующих элит; согласие подчиненных групп прагматично и зависит от актуальной ситуации; потому консенсус всегда колеблется⁴⁰. Иначе говоря, консенсус ценностей не объясняет стабильность демократии. Для этого применяется понятие политического торга. Его суть - раздел добычи и трофеев, как бы он ни назывался (« исторический компромисс», «новый мировой порядок», «судьбоносные решения», «переход к рынку и демократии», «укрепление властной вертикали» и т. п.).

И все же фразеология о консенсусе ценностей соблазнила многих. Например, Д. Ролз выдвигает идею о том, что социальный контракт базируется на пересекающихся консенсусах, которые обладают аналогичным характером и выражают согласие по вопросу ценностей. Он полагает, что существуют некие глубинные социальные и политические принципы, с которыми согласны все люди, несмотря на расхождение взглядов по остальным вопросам⁴¹. Та же идея встречается в литературе о «воспитании наций» развивающихся регионов и стран. Постмодернистская литература о «политике различия» повторяет тот же шаблон⁴².

Действительно, в истории были и в настоящее время есть общества, разделенные в буквальном смысле слова. Опыт таких форм социальности применяется для выработки рецептов по установлению демократии в «многосоставных обществах». В них существуют глубокие религиозные, этнические и иные различия. На этом основании властвующие элиты проводят политику аккомодации. Она не устраняет различий, но препятствует их преобразованию в гражданскую войну. Такая политика эффективна, поскольку аккомодация различий есть фундаментальное правило консенсуса. При этом в политической деятельности не соблюдается демократический принцип большинства. Его место занимают консультации правительства со всеми социальными группами, сообществами и корпорациями для выработки общих интересов. Если указанное правило признается всеми, общество функционирует как политическое образование, хотя по всем остальным вопросам социального консенсуса не существует⁴³.

Но здесь возникает проблема пределов политики, без решения которой невозможен консенсус. Речь идет о государственных границах в строгом смысле слова: где кончается одно и начинается другое политическое общество и

каковы пределы государственного суверенитета? Если отложить в сторону геополитические фантазии, проблема обостряется: до каких пор государство будет обладать монопольным правом на природные и социальные ресурсы? Даже отрицательный ответ на этот вопрос инициирует ряд производных вопросов: какие ресурсы подлежат политическому распределению? какие права на природные и социальные ресурсы принадлежат гражданам? как провести границу публичной и приватной сфер и т. д.⁴⁴.

Известны разные политические эквиваленты сильного и слабого влияния природы и географии на целостность и единство государств. В любом случае это единство не самоочевидно и нуждается в постоянном доказательстве. Распад колониальных империй на протяжении XX в. это еще раз подтвердил. Центробежные силы политики способствуют сепаратизму и появлению слабо связанных конфедераций. Каждое такое действие ослабляет претензии одной группы к другой и еще более обостряет центробежные тенденции. Если они воплощаются в действительность, политика аккомодации лишена смысла. Она просто способствует трансляции прежних властвующих элит в новые условия.
45. Этот вывод вытекает из уроков Ольстера, распада искусственных государств Южной и Восточной Европы - от Югославии до СССР и современной России.

4.7. Конструктивное безумие

Говорят, что политика есть искусство возможного - навык воплощения моральных идеалов в политической сфере. Однако это искусство наталкивается на множество барьеров, которые сужают социальный, политический и экономический выбор. В результате не остается места для

воплощения идеалов. На практике доступно небольшое число выборов, которые почти не отличаются друг от друга. Поэтому следует признать иллюзией утверждение о том, что выбор осуществляется на основе ценностей.

АПН сформулировала положение о преодолении всех барьеров. Экономические барьеры затрудняют, но не исключают реализацию идеалов. Необходим поиск таких способов удовлетворения основных потребностей, которые не ограничивают экономическое развитие страны и одновременно противодействуют связи экономики и политики. То же самое относится к социальным и психологическим барьерам. Длительное время господствовало мнение: превращение капиталистических нуворишей в граждан социалистического общества психологически невозможно; мотивации людей в данных системах совершенно различны. Теперь это положение пересмотрено: «Позднекапиталистическое общество воспитывает в людях психологическую предрасположенность гражданина социалистического строя. При этом строе значительную часть вознаграждения люди получают в форме социального признания» 46.

Однако экономические, социальные и психологические препятствия не являются главным барьером на пути реализации идеалов. Проблема в доступности политических идей, технологий, механизмов и решений, которые используются для решения данной задачи. Крайне малое число политических решений доступно в данный момент. Например, системы вооружения разработаны в целях их применения. Генералитет и связанные с ним политики, экономисты, юристы и журналисты обычно занимаются поиском проблем, для решения которых могут пригодиться данные системы. Тем самым в новые условия транслируются прежние способы распределения власти.

Для противодействия этой тенденции АПН концентрируется на анализе способов решения этических проблем. В этом контексте сформулировано несколько предложений.

Политологи должны сосредоточиться не столько на анализе ценностей, сколько на социальных механизмах их реализации. Любые прекраснодушные мечтания теряют смысл, если нет политических средств их реализации.

При анализе любых вариантов общего выбора под нормативным углом зрения нельзя руководствоваться реализмом. Большинство трудов на тему выбора свидетельствуют об искусственных преградах в виде « когнитивных моделей», « понятийного аппарата», « систем отнесения» и т. д. Весь этот жаргон мешает свободному мышлению и не позволяет апробировать самые неожиданные идеи и решения.

Наконец, в социальном мире революции и кризисы играют роль «моментов безумия в конструктивном смысле слова»⁴⁷. Понятие конструктивного безумия введено в АПН для постановки кардинальной проблемы. Многие барьеры, которые в прошлом считались непреодолимыми, были преодолены. Отсюда вытекает всеобщность возможного мира. Эта идея помогает увидеть дремлющие политические возможности. Из них вытекает потребность в периодических (циклических) экономических, социальных и политических кризисах и революциях. Они открывают новые направления политических изменений и потому не являются абсолютным злом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См: Schneemnd J. Modern moral philosophy // Singer P. (ed.). A Companion to Ethics. Oxford: Blackwell, 1991. P. 155 - 156.

- 2 См.: Pechman J. Who Bears the Tax Burden? Washington: Brookings Institution, 1974; Goodin R. etall. Not Only the Poor. London: Allen & Unwin, 1987.
- 3 Например, авария Чернобыльской атомной электростанции показала, что никто из местной, республиканской и союзной администрации не подвергся облучению, в отличие от безропотного населения, спасателей и некоторых честных ученых и конструкторов.
- 4 Например, Р. Мозес так спроектировал главную автодорогу в Нью-Йорке, что автобусы с бедными неграми проезжают мимо роскошных кварталов белых богачей. Мозес давно в могиле. Созданная им коммуникационная структура и связанные с ней барьеры социальной коммуникации существуют по-прежнему.
- 5 См.-Jessop B. State Theory. Cambridge: Polity Press, 1990.
- 6 Oilman B. Alienation. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. R 249.
- 7 См.: Elster J. Making Sense of Marx. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; Roemer J. A General Theory of Exploitation and Class. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.
- 8 См.: Wrong D. The oversocialized conception of man in modern sociology//American Sociological Review. 1961, №26. P. 184 - 193.
- 9 Key V. The Responsible Electorate. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. P. 79.
- 10 См.: MansbridgeJ. (ed.). Beyond Self-interest. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 175 - 186.
- 11 KiewietD. Micropolitics and Macroeconomics. Chicago: University of Chicago Press, 1983. P. 206.
- 12 Self P. Administrative Theories and Politics. London: Allen & Unwin, 1977. R 147.
- 13 См.: Useem M. The Inner Circle. New York: Oxford University Press, 1984.

- 14 Гоббс Г. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 66.
- 15 См.: Lukes S, Power: A Radical View. London: Macmillan, 1974.
- 16 См.: Page B. Choices and Echoes in Presidential Elections. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
- 17 См.: Hechter M. Internal Colonialism. London: Routledge & Kegan Paul, 1975; Wallerstein I. The Modern World-System. New York: Academic Press, 1974.
- 18 Budge I., Robertson D., Head D. (eds.). Ideology, Strategy and Party Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 15.
- 19 Budge I., Hofferbert R. Mandates and policy outputs // American Political Science Review, 1990, №84. P. 124.
- 20 См.: Taylor M. The Possibility of Cooperation. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- 21 См.: Rhodes R. Beyond Westminster and Whitehall. London: Unwin Hyman, 1988.
- 22 См.: Page B. Who Gets What from Government? Berkeley: University of California Press, 1983.
- 23 Wtson J. Interests and deliberation in the American republic // Political Science and Politics, 1990, №23. P. 190.
- 24 Более подробная информация на эту тему содержится в главе о взаимодействии экономической теории и политической философии.
- 25 См.: McKelvey R. General conditions for global intransiencies in formal voting models // Econometrica, 1979, №47. P. 1085 - 1112; Satterthwaite M. Strategy-proofness and Arrow conditions // Journal of Economic Theory, 1975, № 10. P. 187 - 217.
- 26 См.: Brains S., Fishburn P. Approval voting // American Political Science Review, 1978, №72. P. 831 - 847.
- 27 См.: Riker W. Liberalism against Populism. San Francisco: Freeman, 1983.

- 28 См.: Evans P., Ruesschemeyer D., Scocpol T. (eds.). Bringing the State Back In. New York: Cambridge University Press, 1985.
- 29 См.: March J., Olsen J. Rediscovering Institutions. New York, Free Press, 1989. В СССР в те же годы я издал цикл работ по проблеме бюрократии. Они указаны во введении.
- 30 Goodin R. Political Theory and Public Policy. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 61.
- 31 См.: Lipsky M. Street Level Bureaucracy. New York: Russel Sage, 1980; Макаренко В. П. и др. Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии. М.: Высшая школа, 1996. С. 190 - 205.
- 32 Dunleavy P. Democracy, Bureaucracy and Public Choice. Harvester Wheatsheaf: Hemel Hempstead, 1991. P. 176.
- 33 Hogwood B., Peters B. Policy Dynamics. New York: St. Martin's, 1983. P. 84.
- 34 См.: Brennan G., Lomasky L. The Impartial spectator goes to Washington // Economics and Philosophy, 1985, № 1. P. 189 - 211.
- 35 См.: Tobin J. On limiting the domain of inequality // Journal of Law and Economics, 1970, № 13. P. 363 - 378.
- 36 Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, New York: Princeton University Press, 1990. P. 174.
- 37 Przeworski A., Sprague J. Paper Stones: A History of Electoral Socialism. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 116.
- 38 См.: Snidertnan P. et al. The fallacy of democratic elitism: elite competition and commitment to civil liberties // British Journal of Political Science, 1991, № 21. P. 349 - 370.
- 39 См.: Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск: изд-во НГУ, 1995. С. 469 - 475.
- 40 См.: Abercrombi N., Hill S. Turner B. The Dominant Ideology Thesis. London: Allen & Unwin, 1980.

41 См.: Rawls J. The idea of an overlapping consensus // Oxford Journal of Legal Studies, 1987, №7. P. 1 - 25.

42 См.: Yooyng I. Justice and the Politics of Difference. Princeton, New York: Princeton University Press, 1990.

43 См.: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997.

44 См.: Minow M. Making All the Difference: Inclusion, Exclusion and American Law. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1990.

45 См.: Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики?.. Как называть тех, кто правит нами? // Социологические исследования, 1999, №11.

46 Lane R. The Market Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 217.

47 Zolberg A. Moments of Madness // Politics & Society, 1992, № 2. P. 198.

Глава 5. Закон.

Взаимосвязь теории политики и теории права не нуждается в доказательстве. Обе сферы знания изучают средства применения социального насилия. Но до сих пор данные теории существуют во взаимоизоляции. Политологи не интересуются специфическим содержанием и процессами применения права, хотя признают его продуктом политической системы. Юристы безразличны к политико-экономическому контексту функционирования законов и процедур, которые объясняются и систематизируются в правоведении. И все же в правоведении, политической науке и политической философии второй половины XX в. возникли предпосылки преодоления указанной изоляции. Речь идет об АПФ и аналитической философии права (далее АФП). В частности, АПФ не может развиваться без глубокого анализа специфики правовых процессов. На протяжении второй половины XX в. в АФП сформулированы концепции, позволяющие глубже понять указанную специфику. Их описание определяет тематику настоящей главы.

5.1. Каноническое и аналитическое правоведение

Правоведение отличается от наук, изучающих политику. По сравнению с ПН и ПФ правоведение более тесно

связано с объектом анализа. Большинство специалистов-правоведов занято в сфере юридической практики. Большинство политологов и политических философов не занимается практической политикой. В большинстве правоведческих работ описываются законы и принципы их применения, которые не ставятся под сомнение. Эти работы относятся к юридическому канону. Они направлены на обоснование авторитета законов и принципов в каждой конкретной сфере права. Выбор правовых норм определяется их обязательностью. Все правовые нормы анализируются с процедурной точки зрения. Законы, нормы и процедуры предназначены для государственных чиновников-юристов и других практиков. Политическая теория и политическая философия не располагают таким каноном. Эти сферы знания базируются на многообразном политическом опыте и не менее пестрых формах рефлексии о политике. Цель политического исследования - описание, объяснение и понимание политического поведения индивидов и групп. Поэтому философско-нормативный аспект политического знания включает легитимизацию, критику и делегитимизацию всех политических фактов, тенденций и систем. Правоведение обычно не анализирует социальный контекст права. Правоведение есть взгляд изнутри на правовые явления - законы, кодексы, прецеденты, казусы, процедуры, толкования. ПН и ПФ изучают внешние свойства политики - ее связь с социальными классами, группами давления, индивидуальными ценностями и политическими процедурами. В строгом смысле слова эти свойства не являются ни политическими, ни философскими. Но без их учета невозможно объяснить, обосновать и понять содержание политики.

Правда, некоторые сферы знания отличаются от канонического правоведения. К ним относятся социология

права, философия права и комментарии к законам и юридическим решениям.

Социология права традиционно связывается с именами немецкоязычных (Л. Гумплович) и русскоязычных (Л. Пет-ражицкий, М. Ковалевский) юристов рубежа XIX - XX вв. Однако на протяжении второй половины XX в. увеличилось число англоязычных научных трудов, стиль которых почти не отличается от социальных наук. Тематика данных работ определяется двумя главными проблемами: социальный контекст права - силы, влияющие на содержание законов и юридических процедур; социальные последствия воздействия права на другие социальные явления. Для изучения данных проблем применяются методы социальных наук. В дальнейшем мы рассмотрим некоторые концепции, существенные для понимания социологического аспекта аналитического правоведения (далее АП) и его влияния на АПН и АПФ.

Германская традиция философии права связана с трактовкой ее как формы развития объективного духа (Гегель) или с геополитическими фантазиями философов (К. Хаус-хофер, К. Шмитт и др.). Эта традиция существенно повлияла на немецкое и русское традиционное и современное «евразийство». Британская традиция философии права кардинально отличается от немецкой. В английской философии права отсутствуют мировоззренческие и геополитические претензии и попытки связать философию права с классическим правоведением. Британская философия права анализирует основные понятия (обязанности, права, санкции) развитых систем права. Такое понимание философии права восходит к Д. Остину.

Но на протяжении последних 40 лет сформировалась другая интерпретация фундаментальных понятий права. АФП применяет философские методы познания для изу-

чения и оценки роли права в обществах разного типа. В частности, АФП разрабатывает и критикует принципы нормального права. Тем самым предмет АФП пересекается с предметом АПФ. Оба направления исследований изучают природу и легитимность государства как источника права.

Специфический предмет АФП - природа юридических процедур. Она анализирует правовые аргументы при выборе, интерпретации и применении законов. Такая деятельность протекает прежде всего в судах. Этот аспект является центральным в АФП и тоже переплетается с АПФ. Речь идет об анализе и критике институционального и философского базиса правопорядка - центральной категории либеральной политики и теории демократии. По этой причине конкурирующие концепции природы правовых аргументов занимают центральное место в главе. Надо показать их значение для АПФ.

Следует заметить, что политический аспект права в США определяется ролью Верховного Суда. Он проверяет и отменяет судебные решения. Любой прецедент нарушения конституционных прав становится темой политических дискуссий. Существует также массив комментариев и критики постановлений Верховного Суда. Политические обстоятельства и прецеденты решений Верховного Суда давно изучаются ПН. Одновременно они дают материал для той сферы правовых исследований, которая традиционно переплетена с рассуждениями политических философов.

Разделение наук о праве и политике - институциональный факт, обладающий политическими акцентами. Большинство юристов уважают право (по крайней мере, на словах). Политика таким уважением не пользуется. Для большинства юристов оскорбительна сама мысль о

праве как проявлении политики. Между тем АФП опирается на посылку: нет права, независимого от политики. Это - главный тезис экономического анализа права, критических исследований права и феминистской юриспруденции. Все они входят в состав АЛ.

Начнем с анализа данных тенденций современного АЛ. Их теоретическая новизна и политический смысл прояснятся на фоне правового позитивизма, в котором выражен традиционный либеральный подход к праву. Новые направления (более или менее) отвергают либерализм. По этой причине рассмотрим концепцию Г. Гарта. Это известный современный британский философ права и представитель правового позитивизма. Согласно этой доктрине, любое установленное право есть социальный феномен, доступный для социологического анализа.

5.2. Право как потенциальная политика

В 1950 - 1960-е гг. началось возрождение ПФ, а ПН обрела свой предмет исследования. Но в этот период правоведение не было основанием ПФ и ПН. Базисом теории управления была теория публичного права. Роль стимула для АФП сыграло языкознание. В частности, «философия повседневного языка» повлияла на методы и содержание философии права Г. Гарта.

Гарт вначале был практикующим адвокатом. Во время Второй мировой войны работал на гражданской службе. Затем преподавал право в Оксфорде. В 1961 г. опубликовал книгу «Понятие права». В ней изложена современная версия правового позитивизма, отделяющего право от морали. В философии права Гарта представлена типично британская версия права и политики. Политика выража-

ет и защищает моральные представления о справедливости, характерные для данного общества. Право познает существующие нормы и применяет их политически нейтральным способом. Правовой позитивизм полагает человеческую деятельность основным источником права. И этим отличается от доктрины естественного права, согласно которой сущность права коренится в моральных нормах, существующих до появления права и установленных Богом.

Основной тезис Гарта гласит: не существует необходимой связи права и морали. Право познается на основе социальных свойств и толкуется в соответствии с его спецификой. В этом смысле Гарт продолжает традицию Д. Остина: «Бытие права - это один вопрос, а ценность права или отсутствие таковой - совершенно другой вопрос»'. Но Гарт отвергает другое положение Остина: право как таковое есть обобщение приказов суверена, а позитивное право есть приказ суверена. Суверен - это лицо и физическое тело, которому послушны все члены данного общества и которое не обязано быть послушным никакому другому лицу и телу. Правовая традиция закрепляет систему послушания (произвола).

В «Понятии права» описаны принципы права, которые образуют основу политико-философских концепций. Система права есть множество правил. Они вытекают из политических процессов посредством законодательных процедур. Правила применяются особой группой чиновников (судьи и вспомогательный персонал). Процесс применения правил политически нейтрален. Деятельность юридических чиновников обычно не представляет политического интереса. Однако бывают исключения. К ним принадлежит Верховный Суд США. Он занимается толкованием и проверкой исполнения конституционных прав.

Эти действия происходят в социальных условиях, которые отличаются от условий принятия того или иного закона. Поэтому Верховный Суд США выполняет политическую роль.

В обычном праве труд судьи опирается на определенную процедурную парадигму - применение к отдельным случаям правил, обязательность которых устанавливается на основе данной системы права. Факты определяются процедурами установления истины, связанной с обстоятельствами данного дела. Это гарантирует нейтральную позицию судей, которые не избираются, а назначаются. Процедуры гарантируют свободу индивидов от произвола правительства.

Гарт дистанцируется от остиновской трактовки закона как возможности (статистической вероятности) применения санкций к лицам, которые не выполняют волю лица, отдающего приказы. Гарт ограничивает эту модель только уголовным правом. Она не объясняет природу гражданского права, которое занимается договорами и отклонениями от них. Гражданское право есть согласие и удовлетворение сторон спора, на которых не налагается наказание. Суверен гарантирует единство системы права и является ее источником. Эта гарантия выражается в «принципе расследования». Он определяет условия признания обязательным правом определенных правил поведения (выражающих взаимные обязательства и позволяющих легально применять власть). На функционеров возлагается задача применения права. У них появляется возможность расследования правил данной правовой системы.

Какие же правила являются правовыми? Для определения Гарт различает первичные и вторичные правила поведения. Первые требуют или разрешают индивидам действовать (не действовать) определенным образом. Вто-

рые устанавливают правила согласия с изменением и применением первичных правил. Правовая система - это комбинация первичных и вторичных правил. Ее единство базируется на особом вторичном правиле признания. Оно устанавливает свойства первичных правил. Лица, на которых лежит ответственность их применения, признают данные правила обязательными правилами системы права.

Итак, Гарт не устанавливает строгие критерии дефиниции обязательных правил. Он относит к ним: установление правил институтами (например, законодательными органами); использование в прошлой судебной практике; запись в книге (типа конституции и свода законов). На практике возникает иерархическая комбинация критериев. Исключается только личная оценка содержания правил. В этом смысле любой закон (право) обладает социальными корнями. Судья может их установить на основании социального генезиса, но не путем понимания и оценки содержания закона (права).

Правовой позитивизм разграничивает право и мораль. Гарт фиксирует подобие правовых и моральных обязанностей. Оба вида обязанностей полагают: обязательность определенного поведения; критику и осуждение индивида при несоблюдении обязанностей; социальный смысл любой обязанности². Гарт отмечает также подобие терминов права и морали (права, обязанности, вина, вменение и т. д.). Тем самым разграничение позитивного права, социальной и индивидуальной морали предоставляется на усмотрение судей. Они пользуются любыми процедурами при принятии решения.

Таким образом, Гарт свел концепцию Остина к утверждению: правила признаются правом, применяются и являются эффективными лишь по мере их общеобязатель-

ности на данной территории. Всякая общая теория права при таком подходе теряет смысл. Зато некоторые аспекты теории Гарта полезны для анализа политики. Например, содержание права позволяет классифицировать типы политических систем (демократические, авторитарные, конституционные, традиционные). Политические революции тоже рассматриваются через призму изменения содержания права. Но наиболее важно то, что концепция Гарта дает модель разделения правовых и политических наук. Правоведение изучает процедуры применения права. Политические науки - процессы установления законов и законодательную деятельность в целом. Политическая философия занимается анализом нормативно-оценочных принципов (совокупности ценностей), на основе которых любые системы права оцениваются в категориях добра и зла.

Для обоснования такого разделения Гарт специфически толкует миллевский принцип «нанесения вреда». Власть есть носитель вреда. Целиком освободиться от властного вреда невозможно. Его можно лишь связать легитимностью. Вред - это степень легитимного вмешательства власти в социальные процессы при одновременном исключении государственного патернализма. В XIX в. эта идея была популярной в британской философии права. Современная АФП возрождает данную идею. Она позволяет тесно связать правовые, политические и политико-философские проблемы 3.

Но теория Гарта не отвечает на вопрос: может ли политика установить общеобязательную систему права в данном обществе? Гарт утверждает, что признание конкретной системы права есть социологический факт. Он устанавливается путем эмпирического наблюдения за деятельностью судов и судей. Но метод Гарта не объясняет

нормативную силу и источники систем права. Политический анализ права тоже не дает ответа на вопрос: какое правило является обязательным? Правила человеческого поведения всегда связаны с отклонениями. Значит, простого обобщения деятельности судов недостаточно. Судьи не всегда строго и публично формулируют правила собственного поведения и отбора законов при принятии решений. Поэтому трудно установить, какие правила судьи действительно соблюдают и не соблюдают и вообще руководствуются ли они строгими правилами без исключений. Гарт считал, что все судьи в рамках системы права руководствуются одними и теми же правилами. Это мнение ложно.

Данная проблема типична для правового позитивизма. В момент признания правила законом снимается проблема разделения права и политики. Но любая словесная формула закона и последовательность правовых решений воплощается в жизнь разными методами. Решение о выборе одного из них есть потенциальный политический акт. Он имеет место всегда, если законы формулируются в общем виде - от конституции до определения товарных кондиций («товары должны обладать качеством, позволяющим их продавать») и поведения («индивид должен вести себя рационально»). Такие формулы дают простор для моральной интерпретации любого права.

В британском контексте можно удовлетвориться констатацией Гарта: права - это правила, применение которых порождает проблему установления фактов. Но в США его концепция непопулярна. Она противоречит общим убеждениям американских «правовых реалистов»: решают судьи, а не законы; законы - это общие указания для политических решений о том, «кто, когда, где и сколько» получает денег (согласно известной формуле Г. Лассуэлла).

Гарт не согласен с американским «правовым реализмом». Возможность оперировать правилами сохраняется, если они применяются в соответствии с явным смыслом. Проблемы возникают тогда, когда общие категории выходят за рамки общепринятого смысла, а пробелы в праве требуют расширить действие правил за рамки обычного контекста. Но в повседневном употреблении права такие проблемы не возникают. Большинство слов обладает твердым смысловым ядром. Это несомненный социологический факт. Одновременно смыслы слов всегда можно поставить под сомнение. Поэтому их понимание затруднительно: «Применение большинства четко сформулированных правил включает множество парадигматических и незначительное число пограничных случаев. К тому же смысл правовых правил есть открытая структура. Она благоприятствует необходимой свободе судей и обеспечивает адаптацию права к меняющимся обстоятельствам» 4. Итак, Гарт занимает среднюю позицию в споре «правовых реалистов» и «формалистов». Первые полагают: любое произвольное решение можно согласовать с любым законом. Вторые настаивают: все право сводится к однозначным правилам, не вызывающим сомнений относительно смысла. Но ни те, ни другие не отвечают на вопрос: существует ли в каждой системе права строго определенное число ясных законов и однозначных ситуаций? На основании повседневного опыта нетрудно высказать рабочую гипотезу: юридическое крючкотворство не исключено ни в одной системе права; оно затемняет самые ясные законы; поэтому число строго определенных законов и ситуаций в каждой системе права незначительно. Эта гипотеза требует проверки на основе социологии права и сравнительного правоведения. Без таких данных трудно обосновать различие правоведения и ПН. У Гарта

основанием указанного различия является модель «правового государства». Она не позволяет систематически описать недостатки традиционного разделения законодательной и судебной власти.

Господство «правового реализма» в США опирается на множество особых юрисдикции штатов и политическую роль Верховного Суда. Поэтому американские теоретики права критикуют концепцию Гарта. Однако их взгляды лишь модифицируют позитивизм Гарта. Например, Л. Фуллер заимствует у Гарта идею моральности «правового государства». Р. Дворкин обходит вопрос о пробелах позитивного права (свобода судебных решений), поставленный Гартом. Рассмотрим эти концепции подробнее.

5.3. Теоретическая индульгенция

Л. Фуллер - современный американский теоретик права - высказал ряд замечаний по адресу концепции Гарта. Но они не вышли за рамки юридической дискуссии и не привели к политическим следствиям. Поэтому отметим вначале сходные моменты позиций Гарта и Фуллера.

Оба приписывают праву следующие свойства законов: ясность, перспективность, всеобщность, возможность реализации, стабильность, непротиворечивость и публичность. Ясность - это строгая формулировка законов. Перспективность - применение законов для оценки индивидуального поведения с момента установления. Всеобщность - противоположность законов и приказов (последние отдаются произвольно и случайно по отношению к индивидам, группам, ситуациям). Возможность реализации - соблюдение законов лицами, к которым они применяются. Стабильность есть неизменность законов. Непро-

тиворечивость - отсутствие в законах требований одновременного выполнения (невыполнения) действий. Публичность - это знание законов гражданами⁵. Эти свойства права обладают инструментальной ценностью. Знание гражданами собственного правового статуса позволяет им предвидеть правовые последствия действий. Это увеличивает свободу и ответственность граждан.

Различие позиций британского и американского юристов начинается с положения Фуллера: формальное право включает связь права и морали. Поэтому системы, которые опираются на принцип «правового государства», отличаются совершенством законов. На основе данной посылки Фуллер строит теорию «процедурного естественного права». Ее основной постулат гласит: стремление к полной легальности гарантирует основные субстанциальные права. Например, если закон имеет обратную силу, он лишен смысла (не может соблюдаться людьми), бесчеловечен и жесток (люди не могут избежать своей участи). Однако Гарт отмечал: «Даже самые ясные, перспективные и стабильные законы могут служить для достижения крайне отвратительных целей»⁶. Фуллер полагает, что общие перспективные законы (с точки зрения свободы) отличаются от партикулярных ретроспективных приказов лишь по степени. Такой постулат - шаткое основание тезиса о внутренней моральности права. Значит, Гарт более прав.

Политические аспекты позиции Фуллера определяются утилитарно-оптимистическим представлением о пользе права: совершенство процедур гарантирует содержательное совершенство законов. Тем самым Фуллер выдает индульгенцию всем «суцким крысам» (если воспользоваться традиционным русским термином). Они обретают чистую совесть, выполняя судебные и административные обязанности. У Гарта такая чепуха не встречается. Фуллер

считает право гарантией от произвола политической власти. Но одновременно согласен с постулатом « правового реализма»: при толковании законов и принятии решений судьи учитывают цели законодательства и прецеденты. Действительно, ясность смысла законов, рекомендованная Гартом, не позволяет избежать правового формализма. Обычно проблема цели законодательства возникает при обсуждении конкретных законов. Причем ссылка на такую цель - распространенный источник злоупотреблений. С ее помощью юристы и чиновники подчиняют « правовое государство» собственным интересам. И маскируют свой произвол требованиями текущей политики. Если законы трактуются как средства достижения целей, то процесс применения законов упускается из виду. В результате трудно оградить граждан от политического произвола.

Итак, позитивный смысл концепции Фуллера сводится к формулировке политических и политико-философских проблем: какова цель законодательства в целом, конкретных законов и статей законов? каков смысл законодательства, если реальные законы отражают влияние на них групп интересов, торгов, экономики и обычного случая? не являются ли цель и смысл законодательства лишь множеством намерений законодательных органов и электората, которые при воплощении в жизнь порождают непредвиденные следствия? Эти проблемы выходят за рамки правоведения.

5.4. Юридический Геракл

Р. Дворкин - современный американский философ права - отвергает британскую модель права как множест-

ва правил. Он развивает концепцию, позволяющую связать теорию права с политической наукой без потери специфики правовой аргументации. Гарт пессимистически оценивал возможности здравого рассудка в сфере права и политики. Дворкин настроен оптимистично. Он высказывает проницательные суждения и вводит важные политико-философские различия. Но в АФП его взгляды оцениваются так: «Теория Дворкина вызывает крайнее недоумение своей странностью»⁷. В такой оценке есть резон.

Дворкин считает, что Гарт переоценил значение правил, хотя не отрицает их значимость. Правила - это правовые разрешения и обязательства, однозначно подтверждающие бытие (небытие) определенных обязанностей и прав. Однако право не сводится к правилам. Оно включает принципы, на которых базируется право. Принципы права отличаются от права следующими свойствами: они не являются всеобщими; характеризуются предельной честностью и бесстрастностью и потому выше прав; не тождественны правилам; состоят из фундаментальных ценностей, на которых базируется система права; определяют следствия права. Например: «Принцип, согласно которому никто не может получать пользу и доход от собственной нечестности и беззакония, служит основанием отмены ранее принятых законов. Принцип, согласно которому суды не должны превращаться в средства воплощения неравенства и несправедливости, увеличивает ответственность производителей моторов за брак»⁸. Смысл принципов устанавливается в сравнении с конкурирующими принципами. Поэтому принципы выше норм права. В принципах воплощены фундаментальные ценности данной системы права.

Дворкин предлагает модель правового рассуждения, главное место в которой занимает Юридический Геракл -

безошибочный судья, знающий все законы. Он выдает единственно правильное решение любого дела, устанавливает фактические права сторон и выносит вердикт, сообразуясь со всеми правилами, если они не противоречат принципам, существенным для данной ситуации. При любых обстоятельствах Юридический Геракл стремится к интегральности. Он принимает решение, которое соответствует определенной правовой традиции и одновременно наиболее принципиальной интерпретации данной традиции. На основе традиции возникает множество решений. Но только одно из них соответствует принципиальной интерпретации 9. Нормы поведения Юридического Геракла соответствуют стандартам современного политического общества: «Конструктивистская интерпретация права основана на политической легитимизации данной конкретной традиции. Она воплощена в доступном материале прошлого» 10.

Концепция Дворкина проясняется, если учесть роль Верховного Суда в США. «Фундаментальные принципы» Дворкина тождественны статьям конституции США. На них ссылается Верховный Суд при отмене решений судов штатов. Дворкин легитимизирует деятельность Верховного Суда, который не руководствуется мотивом пользы при отмене решений законодательных органов. Суд противодействует законам, не соответствующим конституции, и защищает принципы права. Этот способ рассуждения базируется на неявной посылке: все политические проблемы сводятся к двум видам на основании соответствия: а) демократическому принципу большинства; б) правовым процедурам, защищающим права личности - «козырные карты» (по определению Дворкина). Суд выше политики в сфере прав. Такое понимание соответствует роли Верховного Суда в американском обществе.

Взгляды Дворкина возникли на почве правовой традиции США: комплекс судебных решений отражает связь множества внеправовых факторов. Поэтому концепция Дворкина не вызвала особого энтузиазма американских юристов, особенно описание судебной практики и идея воплощения в жизнь принципов права. Нереалистичность данной концепции определяется тем, что юридических Гераклов не существует. Судьи не в состоянии принимать решения, которые выходят за пределы человеческих возможностей. Согласно Дворкину, каждый судья должен быть абсолютным знатоком существующего законодательства, всех наиболее совершенных интерпретаций всех законов с точки зрения общих принципов, допускающих бесконечное множество решений. Дворкин критикует тезис Гарта о свободе судей и пытается доказать его неправомерность. На деле свобода судей неизбежна и широко используется в судебной практике. Ведь в любом правовом аргументе можно усомниться со ссылкой на принципы права.

Дворкин пытается создать объективную методологию познания морально-правовой аргументации. Для этого анализируется принцип равенства («равного отношения и уважения к индивидам») - право признания равенства индивидов в сфере приватной жизни (личные интересы, вкусы, успехи и т. д.). Любые внешние определения равенства исключаются. Они относятся к жизни других людей и открывают доступ расизму и другим антиэгалитарным предрассудкам. Равенство предполагает высокую мораль судебного корпуса. Демократическое угнетение меньшинства большинством преодолевается правовой системой, воплощающей принцип равенства. Но сам принцип остается неопределенным и допускает не меньше злоупотреблений, чем процедурный принцип Фулле-

ра. Дворкин признает, что принцип равенства определяет деятельность «левых» на политической сцене США. Однако приход «левых» к власти никогда и нигде не уменьшал число злоупотреблений. Поэтому принцип равенства не лучше других принципов.

Таким образом, концепция Дворкина не содержит ничего нового, кроме литературоведческих украшений. Некоторые юристы предлагают дополнить ее теорией естественного права. С политической точки зрения концепция Дворкина сводится к апологетике Верховного Суда и деятельности судебного корпуса в целом. Юристы по-прежнему свободны в применении неопределенных принципов права к политическим конфликтам. Другие подходы к праву свободны от пиетета к юристам.

5.5. Юристы-утилитаристы

На протяжении второй половины XX в. правовой реализм разделился на два течения - экономического анализа права (ЭАП) и критического анализа права (КАП). Сторонники КАП считают ЭАП идеологическим подходом к определению природы и цели права. В определенном смысле они правы.

Идейные истоки ЭАП находятся вне права. Так, А. Смит читал лекции по праву и политэкономии как части курса «моральной философии». Чикагская школа экономики (прежде всего М. Фридман) создала основы ЭАП. ЭАП - это применение к праву принципов классического экономического либерализма. Но ЭАП настолько оригинален, что выходит за рамки экономической мысли. Имеются в виду две идеи: эффективность обычного права - продукт деятельности юристов-практиков; государственные законы

неэффективны. Обоснование этих идей отличается концептуальной строгостью и богатством эмпирического материала. Поэтому ЭАП - важный вклад в анализ роли права в современных политических системах.

Р. Познер - главный представитель ЭАП. Его позиция совпадает с концепцией Р. Нозика. Тот и другой подчеркивают роль частной собственности на средства производства и обмена при сведении к минимуму вмешательства правительства, а также применяют конвенционализм при обосновании позитивных прав индивидов на жизнь, свободу и собственность, которые способствуют экономической эффективности: « Это такое использование экономических средств, которое максимизирует человеческое удовольствие. Оно измеряется совокупной готовностью платить за товары и услуги» п.

Роль права в такой экономической системе специфична. Поведение судебного корпуса не соответствует шаблонам классической экономики и рационального интереса. Судьи решают все вопросы на основе критерия экономической эффективности. Он реализуется посредством такого распределения прав и обязанностей, которое возникает при согласии индивидов. Они ведут переговоры и заключают сделки без расходов на информацию и соглашения. Система законов гарантирует права только тех индивидов, которые в условиях идеального рынка готовы платить за них максимальную цену. Тем самым ценность прав возрастает до максимума.

Например, существуют законы о возмещении вреда при автомобильных происшествиях. Эти законы гарантируют экономичное распределение расходов по трем статьям: возмещение ущерба; предотвращение происшествий; издержки на судебную систему. Сторона, которая меньше тратит на средства безопасности и при этом успешно пре-

дотвращает происшествия, становится главбухом. Главбух устанавливает реестр расходов за халатность - безответственное отношение к средствам безопасности в ситуации, когда их цена меньше вероятности происшествия. Поэтому самые большие расходы должны нести самые безответственные. Эти расходы умножаются на цифру затрат нанесенного ущерба. Такая схема стимулирует внедрение эффективных средств безопасности. В итоге рациональные экономические субъекты избегают происшествий с меньшими расходами.

Познер защищает право собственности на основе той же автодорожной схемы. Право собственности - это исключительное право индивидов на владение предметами, от которых они могут отказаться путем добровольной передачи. В результате материальные блага принадлежат лицам, которые используют их наиболее продуктивно. Принципы обычного права Познер обосновывает с помощью аналогичных аргументов. Сторонники ЭАП не утверждают, что рынок занимает место обычного права. Право создает условия свободного обмена и должно способствовать приближению реального рынка к идеальному. Последний свободен от расходов на трансакции: «Суть дела в том, что обычное право стремится уподобиться рынку, свободному от расходов на трансакции. На этом рынке происходит бесплатный обмен информацией, поддержка постоянных коммуникаций сторон и достижение добровольного разумного компромисса»¹².

Идею об эффективности обычного права Познер заимствовал из статьи Р. Коазе «Проблема социальных расходов», которая является одним из значимых вкладов правоведения в АПФ¹³. Ее автор доказывает: если расходы на трансакции незначительны, экономическая эффективность не зависит от субъекта-обладателя спорного права.

Сторона, которая ставит данное право выше, получит его от актуального обладателя. И все права окажутся у тех, кто больше заплатит. Познер развивает эту идею, доказывая справедливость принципов обычного права. Максимальное богатство отождествляется с пределом мечтаний индивидов. Здесь Познер использует утилитарный шаблон справедливости. Одновременно он утилизирует идею Нозика: рынок обеспечивает максимум свободы сделок. Свобода (т. е. свобода заключения сделок) - главная ценность и элемент свободного рынка. Максимальное богатство не менее фундаментальная ценность. Она ограничивает свободу лиц, монополий и правительств, которые не считают ее главной.

Познер ограничивает эффективность права англо-американским обычным правом. Действия законодательных органов Англии и США он считает неэффективными. Их вмешательство в рыночные процессы служит интересам отдельных групп и не достигает цели. При анализе уголовного права Познер повторяет Бентама. Лучше нести расходы по предотвращению преступлений, чем платить за понесенный ущерб: «Стратегия уголовного права состоит в увеличении расходов на отклоняющееся поведение при недостаточности обычных мер» 14. Это понятно даже преступнику. Раскрытие преступления всегда вероятно. Поэтому расходы преступника (на совершение преступления, потерянные возможности и наказание) превышают доходы. Но это не исключает психологическую и материальную пользу преступления. Преступность можно снизить ростом числа рабочих мест, дифференциации наказаний и раскрываемости преступлений. Если польза преступника выше потерь жертвы, преступление «оправдано» - т. е. действие не является уголовным. Но речь идет не о мелких кражах и т. д., а о действиях, создающих бо-

гатство. Наложение санкций на них связано с громадными расходами.

Констатируем общие характеристики ЭАП: отрицание проблемы справедливости первичного разделения прав, поскольку она противоречит экономическому расчету; создание теоретических основ грубо-утилитарного накопления богатства; ложная посылка об инструментальной рациональности индивидов; идеологический подход к определению природы и цели права; конфликт с эмпирическими данными, которые показали ложность идеи эффективности обычного права по сравнению с установленным правом и правительственной регуляцией экономических процессов¹⁵. В то же время экономический анализ обычного права повысил достоверность ЭАП. Теперь он претендует на роль теории, позволяющей воплощать в практику правовые решения. Правовой формализм этого достичь не смог. Для АПФ важен тот факт, что в некоторых сферах (гражданское и хозяйственное право) аппарат измерения справедливости сознательно применяет принципы ЭАП. Теоретические недостатки ЭАП несомненны. Но его использование юридическим и властно-управленческим корпусом есть политически значимый факт. Его аспекты детально изучаются КАП.

5.6. Произвол и неопределенность

КАП возник в 1970-е гг. в юридических вузах США и направлен против нескольких тенденций современной юридической, социальной и политической мысли и практики: модификации либерализма, воплощенной в ЭАП; «новых правых» (неоконсерваторов), вышедших на политическую арену после краха левых движений в 1960-е гг.;

государственного популизма всех стран, в которых правительства сращены с экономикой и осуществляют социально-экономические реформы (СССР/Россия, Китай, латиноамериканские и исламские страны); неблагоприятной роли юридического корпуса США и других стран в обогащении «нуворишей» посткоммунистических стран (типа «новых русских» в России).

«С философской точки зрения критический анализ права многообразен и дифференцирован. Но его общее свойство установить нетрудно - тотальная критика академического правоведения и юридической практики и требование создать культурное общество, в котором интеллектуальная элита (в том числе юристы) выполняет оппозиционную роль в отношении экономики, власти и господствующих мировоззрений одновременно» 16. КАП не ограничивается комментариями судебных решений, догматизма, сервилизма и коррупции юридического корпуса. Представители КАП считают, что юристы должны принимать участие в политической борьбе со всеми указанными явлениями на местном, региональном и национальном уровнях всех стран, выступать против существующих форм юридического образования и исследования, в том числе всех способов культивирования и распространения правовых фикций и мифов. Главный пафос КАП - подорвать высокий статус права, юристов и конституции, характерных для политической культуры США и некоторых других стран 17. Причем за это выступают сами юристы.

КАП считает главной причиной всех указанных явлений правовой реализм и оценивает его исключительно негативно. Наиболее критического отношения заслуживают как раз те элементы права, которые считаются «реальными». Поэтому КАП детально анализирует традиционные воплощения права - конституции, законы, юриди-

ческие отчеты, судебные решения и т. д. КАП стремится преобразовать право в целом и навести в нем порядок. Для этого тщательно изучается история права, способы его использования в социальной и политической практике, законы, права и юридические процедуры принятия решений в правовой практике.

18

КАП базируется на посылке: неопределенность законов и прав есть юридическая закономерность и объясняет множество их интерпретаций. Это положение не ново. Оно повторяет главный тезис американских правовых реалистов (Д. Франка, К. Левеллина и др.): решают судьи, а не законы. Судьи испытывают влияние противоположных факторов и применяют разные стратегии толкования. Это приводит к разным результатам при применении одного и того же закона

КАП развивает идеи постмодернизма и неомарксизма. Прежде всего постмодернистский тезис: все смыслы понятий есть интеллектуальные конструкции, поэтому никакой текст не обладает «истинным смыслом». Это положение сформулировано Витгенштейном, Фуко, Деррида и Лаканом и используется для критики «корневых смыслов» юридических абстракций. Идея поиска таких «смыслов» высказана в правовом позитивизме. Она до сих популярна в теории и практике правовой аргументации. Марксизм способствовал формулировке ключевых положений КАП: все правовые понятия и процедуры содержат имманентные противоречия и отражают социальные конфликты; одновременно отвергается исторический материализм как социологическая теория и развивается концепция американских реалистов о внутренних и внешних противоречиях права. Для этого используется Марксова критика противоречий капитализма (например, между социальным характером производства и индивидуальным характером потребления).

Право - это отчужденная социальная форма для легитимизации власти. Отчуждение выражено в правовом формализме, согласно которому право есть применение определенных правил бесстрастными арбитрами.

Идеология правового государства есть множество фикций: о разделе сфер влияния религиозных деятелей и политиков (создающих право) и юристов (применяющих право); об ограничении функций судебного корпуса применением существующих законов и принципов; маскировка и рационализация политического угнетения с помощью права.

Отсюда вытекает главная задача КАП: демаскировка противоречий и отчужденных форм права. «Этот анализ есть только эхо Марксовой теории идеологии и ложного сознания, поскольку с ним не связана вся сложная машинерия экономического классового анализа» 19.

Таким образом, КАП сводится к развитию прежних, а не созданию новых концепций. Но в его рамках проведены интересные исследования права и правовых систем. Рассмотрим некоторые результаты работ Д. Кеннеди.

Его анализ истории права завершается выводом: основанием обычного права является глубинная структура, которая служит источником постоянного скрытого напряжения между личным Эго и другими Я, индивидуализмом и коллективизмом. Напряжение выражает имманентное свойство человеческих отношений - разрыв между приоритетом индивидуального выбора и зависимостью индивида от других Я. Индивид не может жить без помощи других индивидов: «Это фундаментальное социальное явление маскируется системой права. Она отрицает указанную дихотомию путем легитимизации status quo. В результате существующие социальные структуры жестокости, угнетения и эксплуатации представляются неизбежными и

естественными. Следовательно, в основании всех систем права и правовых доктрин лежат фундаментальные противоречия. Они вытекают из дилеммы социальной и индивидуальной детерминации человеческого Я. Право - это машина по отрицанию данных противоречий таким способом, который обеспечивает стабилизацию существующих социальных иерархий» 20.

Кеннеди иллюстрирует процессы правовой мистификации на примере классического либерального понимания обычного права. Оно выражено в «Комментариях законов Англии» Блэкстоуна, написанных в XVIII в. Анализ Кеннеди основан на блестящем знании классического текста традиционной юриспруденции. Рассуждения Кеннеди о базисной структуре права строятся на этом основании. Он показывает, что договор фиксирует уважение к воле и правам индивидов. Одновременно это право оставляет место для социального альтруизма. Судьи могут отменять нечестные договоры и сделки, которые заключались в условиях недоверия, т. е. не учитывали интересов других.

Частные положения Кеннеди (эгоизм и альтруизм - главное противоречие права; эгоизм выражается в строгих законах; альтруизм порождает расплывчатость законов) нетрудно подвергнуть критике. Но нелегко полемизировать с общим выводом Кеннеди: право есть переплетение противоположных правил поведения; судьи извлекают выводы из права по собственному произволу.

Если главные положения КАП истинны, то исчезает смысл изучения процессов подготовки и разработки законодательных актов. Правовое государство - пустая метафора для легитимизации демократических процедур. Различие законодательной и судебной власти - институционализованная ложь, сбивающая с толку целые поколения гражд-

дан и помогающая юристам набивать карманы. Парламенты есть следствия указанных процессов.

При оценке данных положений следует различать философско-лингвистический тезис постмодернизма (« Не существует постоянных интерсубъективных смыслов») и его неомарксистскую версию. Во втором случае тезис служит для демаскировки фундаментальных противоречий языковых систем, которые поддерживают, критикуют или свергают существующие отношения власти. Р. Барт построил для этого целую теорию. Но для обнаружения таких противоречий не обязательно ссылаться на неопределенность языка в целом. Можно ограничиться языком юриспруденции. Неопределенность смыслов юридических понятий отражает хаос и произвол законов. Если же право считается открытой и неопределенной системой, невозможно обнаружить его внутренние противоречия.

С учетом этой оговорки рассмотрим главный вывод КАП: открытость, неопределенность и противоречия - основные свойства правовой аргументации; угнетатели используют неопределенность права для маскировки своего привилегированного положения и легитимизации собственной власти.

Из тезиса о неопределенности вытекает шаткость правового государства. Невозможно провести различие между произволом отдельного индивида и властью, которая базируется на установленных законах и их исполнении. КАП подтвердил истинность этого положения. Но не внес ничего нового в решение фундаментальной проблемы: применение общих правил к особым обстоятельствам характерно не только для права. Право в целом состоит из трех элементов: разрешений и рекомендаций; множества понятий разной степени общности; связи данных понятий с личными именами и другими единичными термина-

ми. Указанные элементы определяют мнимую политическую нейтральность права.

Д. Уолдрон проанализировал проблему неопределенности юридических понятий и вмешательства текущей политики в судебные процедуры. Приведем лишь один пример. Совет Большого Лондона получил поддержку избирателей и принял решение о программе субсидирования городского транспорта. Палата лордов признала это решение незаконным на том основании, что «Совет по закону обязан заботиться о поддержке координированных, эффективных и экономичных транспортных удобств и услуг в районе Большого Лондона»²¹. Совет Большого Лондона понимал «экономичность» как «эффективность с точки зрения расходов» или «учет размеров денежных расходов». Палата лордов понимала под «экономичностью» «отсутствие всяких затрат». Иначе говоря, смысл понятия подгонялся под неоконсервативную политику М. Тэтчер.

На основе анализа множества других примеров Уолдрон доказал: никакая теория интерпретации права не требует, чтобы одно понимание термина преобладало над другим; такой приоритет устанавливает текущая политика; юридический корпус не может освободиться от ее влияния. Отсюда вытекает: в любых случаях судьи должны публично раскрывать политические аспекты юридических решений. Нельзя приписывать строго определенный смысл множеству терминов. Их смысл зависит от контекстов и социальных групп. И все же юридическим терминам можно придать строгую дефиницию, которая будет гарантировать приоритет определенных юридических решений. Однако не существует правовых систем, удовлетворяющих данному требованию. Следовательно, право есть поле разных интерпретаций с разными политическими последствиями. Вмешательство политики в право обес-

смысливает приоритет одной интерпретации юридических понятий.

Множество правовых решений связаны с выбором общих терминов. Этот выбор произволен, но маскируется лингвистическими соображениями. По сути дела, законы не налагают ограничений на юридические решения. Однако поведение судей не всегда соответствует формальной модели. По крайней мере, они не противодействуют неопределенности правовых понятий. Это дает возможность принимать решения в соответствии с определенной стратегией интерпретации (уяснение намерений политиков, законодателей и других лиц, поиск аналогов в правовых актах и т. д.). Неясно также, доказывает ли множество примеров истинность общего утверждения: законы не ограничивают свободу судьи. С помощью юридической стратегии любое ясное дело запутывается путем сознательного умножения альтернативных интерпретаций. Но от этого не понижается степень достоверности одних интерпретаций по сравнению с другими.

Таким образом, взаимодействие права и политики ведет к смешиванию двух противоположных теоретических положений: если смысл юридических понятий абсолютно произволен, то все юридические решения тоже произвольны, и потому трудно выявить меру произвола в каждом из них; не существует строго определенных смыслов юридических понятий, относительно которых можно прийти к общему согласию.

Второе положение трудно обосновать, поскольку в этом случае вся сфера установленного права теряет смысл. Зато это положение можно обратить против него самого. В результате первое положение (сформулированное в КАП) тоже теряет смысл. Если слова не помогают достичь взаимопонимания, то они не должны использо-

ваться и для критики. Истинность этого положения зависит от меры взаимопонимания смыслов слов и установления общепринятых критериев использования языка. Правда, любое взаимопонимание может быть поставлено под сомнение правоведем, тираном, заговорщиком, революционером, судьей и господствующим классом. Но отсюда не вытекает внутренняя противоречивость цели коммуникации.

Проблема неопределенности юридических понятий ведет к вопросу о взаимопонимании относительно их смыслов. Обычно сознательное использование непонимания направлено на практическую реализацию принципа иерархии. Тем самым неопределенность юридических понятий теряет роль догмата, с помощью которого ставится под сомнение идея правового государства. Наоборот, неопределенность юридических понятий есть фактор противодействия установлению правового государства. И юристы прекрасно могут использоваться для достижения этой цели.

Иначе говоря, КАП дает исходный пункт для описания реальных систем права. Положение о подобии систем права остается недоказанным, хотя и вероятным. Оно не подрывает идеал правового государства, который всегда реализуется только частично. Зато позволяет доказать ложность либерального догмата: право есть средство установления и ограничения государственной власти одновременно. Но является ли право элементом разрешения главного парадокса политики, сформулированного Гоббсом? Каноническое правоведение не дает ответа на этот вопрос. Зато КАП выработал убедительные аргументы для доказательства неопределенности права. Следовательно, процессы применения права - главный объект политического анализа права и значимая проблема АПФ.

5.7. Как исключить правовые абстракции?

Феминистский анализ права (далее ФАП) дает эмпирический материал и концепции для движения в этом направлении. Вначале ФАП собирал и систематизировал факты угнетения женщин с помощью права. На этой основе право определялось как машина на службе воинствующего сексизма. Параллельно вырабатывалась феминистская концепция права. Она стремится к теоретическому пониманию сущности господства, основанного на различии полов. ФАП сформулировал и обосновал положение: право - мужское изобретение. Анализ правового аспекта мужского господства описывает сексуальное ядро насилия и иерархии в отношениях полов.

Современная фаза ФАП отличается двойственным отношением к праву. С одной стороны, нельзя отрицать успехи женского движения в борьбе за свои права: устранение дискриминации женщин в труде и политике, введение формального равенства полов, охват семейной жизни уголовной и гражданской юрисдикцией. С другой стороны, на деле по-прежнему существует неравенство полов в сферах труда, экономического благосостояния и политической власти. Право не ликвидировало насилие в семье и дискриминацию на работе. Это порождает неверие в силу права вообще и по отношению к женщинам в особенности: « Неравенство полов перманентно. Проблема состоит в следующем: почему право отличается крайней косностью по отношению к вызову феминистской мысли и практики?»²².

М. Фуко описал глубинную связь авторитарных источников знания с властью. На основе его исследований в феминизме введено понятие юридического злорадства. Оно отражает срастание права с мужской культурой. Эта культу-

ра использует право для такого определения социальных категорий и норм поведения, которое исключает правовое состояние и легитимность женщин. Данное понимание права выражается в установленных юридических процедурах. Они исключают определенные вопросы (например, проституцию) из сферы права. Тем самым культивируется представление о нейтральности права в отношении мужской эксплуатации женщин. При разборе дел о насилии в материал доказательства включается только сексуальная история жертвы, а не обвиняемого. В результате обвинительные процедуры направлены против женщин. Формулировка правовых аргументов в категориях анализа конкретных случаев ведет к тому, что для защиты интересов женщин как объектов правового разбирательства используется практика прецедентов. В ней выражены предрассудки мужского пола в отношении женского. Тем самым юрист-практик стоит перед выбором: быть юристом или сторонником феминизма.

Юридическое злорадство вызвало негативное отношение женщин к праву и поиск других способов проведения социальных реформ. В этом контексте выдвинуты требования: радикальной децентрации права для устранения эпистемологических причин мужского господства; нового определения границ публичной и приватной сфер д/я обеспечения безопасности женщин в сексуальных и экономических отношениях; замены мужской точки зрения на правовые вопросы (например, определение труда, требующего компенсации) женской или нейтральной в отношении полов. Сформулирована и более радикальная идея: все перечисленные цели иллюзорны из-за мужской природы права. Мужчины присвоили право и сделали из него идеологическое оружие собственного господства. Сама идея права выражает мужской менталитет.

Восприятие

ситуаций в категориях прав и правил (а не взаимосвязей и адаптации) женщины-матери и мужчины-воина есть мужской феномен 23. ФАП развивает антииндивидуалистический подход к человеческим взаимодействиям. Фуллеровское определение права как стремления подчинить поведение человека власти правил есть типично мужской способ мысли. Это определение базируется на дифференциации, дихотомиях и стремлении дать простой ответ («да» или «нет») на сложные вопросы: «Право - это парадигма мужественности. Представление о мужественности как объективности, рациональности и публичности есть доминирующий образ права» 24.

Для обоснования такого вывода ФАП систематизирует исторические аргументы. На основе права договора капитализм исключил женщин из публичной жизни. Оно изначально выражало приоритет мужчин на торгово-промышленную деятельность и реализацию интересов. Современное общество должно подорвать приоритет мужчин на право. ФАП предлагает метод решения этой задачи - исключение правовых абстракций и концентрация на эмпирических подобию поведения различных лиц, групп и классов. Правовые абстракции не отражают социальную реальность и не устраняют конкретные виды социального неравенства.

Например, право запрещает дискриминацию женщин, у которых есть дети дошкольного возраста. Одновременно считается нормой набор профессий, исключаящий заботу о детях. Тем самым право закрепляет фактическое неравенство, возлагая на женщин заботу о детях: «Подобные вопросы должны решаться при помощи совершенно иной процедуры оперирования абстракциями. Они должны применяться для обнаружения глубоко скрытых моральных аспектов правовых дискуссий. В приведенном

примере норма должна быть направлена на устранение дискриминации. За абстрактными отношениями сходства и различия законодатели и судьи должны разглядеть социальную ситуацию и потребовать для женщин компенсации, вытекающей из несправедливого разделения обязанностей по уходу за детьми» 25.

Безусловно, предлагаемый метод не соответствует модели правового позитивизма. Но если суды принимают решения на основе общих норм, то речь идет о форме, а не альтернативе права. Какой же метод более податлив для злоупотреблений со стороны влиятельных социальных групп? Общими нормами нетрудно манипулировать для воспроизводства социальных иерархий. А специфические правила исключают интересы угнетенных групп. ФАП предлагает заменить обязательные юридические процедуры добровольными процедурами поиска согласия. Но этот метод нельзя признать реалистичным и правовым. Глубоко укорененное неравенство неизбежно приведет к принудительности добровольных процедур.

Итак, различие КАП и ФАП сводится к двум пунктам: КАП критикует право за индивидуализм, абстрактность и концентрацию на правах человека; ФАП синтезирует социалистическую и коммунитаристскую критику капитализма и его правовой системы, демаскирует роль права в пропаганде либерального индивидуализма и создает альтернативу господствующей парадигме права.

Для этого К. Мак-Киннон разработала феминистскую теорию права и государства. Она отвергает квалификацию женщин как особой биологической разновидности человека. Эмпирические данные доказывают: большинство женщин выражает мужские представления о женщинах. Эти представления надо отбросить, в том числе язык

женского альтруизма. Несмотря на привлекательность, альтруизм - язык подчинения. И потому игнорируется силами мужского господства.

Мак-Киннон разрабатывает социальную теорию, кото-рая объясняет угнетение женщин мужчинами и соперничает с социалистическими теориями классового угнетения. Она считает причиной неравенства полов мужскую сексуальность и утверждает: власть обусловлена половыми различиями. Властные отношения содержат сексуальный элемент господства и насилия. Эти качества характеризуют мужскую сексуальность. Если отношения мужчин и женщин включают насилие, то они являются политическими: «Методы и цели государства есть мужское изобретение. Либеральное государство авторитарно и насильственно защищает социальный порядок в интересах мужского пола. Для этого оно использует определенные нормы легитимности, политические формы, типы отношения к обществу и действия» 26.

Мак-Киннон создала также правовую теорию угнетения женщин мужчинами. Эмпирический базис этой теории - кровосмешительство, аборт, принудительное сожителство, мужское насилие и порнография. Особенно показателен анализ насилия. На первый взгляд, уголовное право защищает женщин. А фактически легитимизирует мужское насилие внутри и вне сферы сексуальных отношений. Законы и процедуры таковы, что дела и приговоры за насилие несопоставимы с фактами насилия. Сам факт юридической квалификации определенных сексуальных отношений как недобровольных означает, что нормальное половое сношение не представляет проблемы. На деле согласие на половой акт происходит в обществе, основанном на неравенстве. Поэтому за всяким согласием скрывается опосредованная форма недобровольного под-

чинения. Значит, в нормальных ситуациях нормальные мужчины являются насильниками.

Теорию Мак-Киннон трудно классифицировать. В ней причудливо смешаны противоположные установки: критика концепции тендерных стереотипов соседствует с высказываниями в пользу альтруизма; тезис о необходимости подрыва иерархических конструкций либерального права и иерархии как социального отношения сопровождается критикой положения о неопределенности юридических понятий: «Право является вполне определенным, если учесть лежащие в его основе сексуально-политические силы» 27; различие полов считается социальным конструктом, но сексуальность трактуется как главный фактор господства и источник социального неравенства полов; критика права не мешает признавать его средством смягчения угнетения и т. д. Мак-Киннон призывает ликвидировать порнографию, ибо она стимулирует мужское насилие и господство. Считает чисто мужским убеждение в существовании универсальной истины, которую отражает и воплощает право. И надеется, что женщины осознают собственное положение и создадут свою методологию социального познания. В ней будет преодолена мужская методология незаинтересованного наблюдения.

В трудах Мак-Киннон суммированы проблемы, интересующие постмодернистов-реформаторов, которые стремятся преодолеть реально существующее социальное зло. Она отвергает опыт женщин, получающих удовольствие от подчинения в сексе. Такой опыт выражает мужской голос в женском теле. Женщины должны возвыситься до аутентичного женского мировоззрения. Оно превосходит мужское мировоззрение, основанное на насилии и господстве.

Хотя исследовательская стратегия Мак-Киннон сконцентрирована на праве, оно имеет определенное значение для АПН и АПФ. Ее методология базируется на приобретенном юридическом опыте. Она доказала, что мужчины-эпистемологи не вправе отрицать всеобщность женского опыта. Женщина есть предмет мужской сексуальности. И потому больше половины человечества живет в условиях постоянного насилия. Требуется анализ правовых последствий такого состояния и выработка методов описания женского опыта.

5.8. От криминологии к организационным структурам

Теория Мак-Киннон подтверждается эмпирически. Правовые процедуры отягчены доминированием мужчин. Правовые исследования фиксируют поражение правового государства даже с точки зрения либеральных стандартов. Цели права остаются недостижимыми. Во многих работах последнего 30-летия показана бесплодность права. Для АПН и АПФ особую значимость приобретают эмпирические исследования социальных причин и следствий права. Опишем некоторые результаты дискуссий о политической системе и проблеме легитимности в аналитическом правоведении.

Во-первых, отметим криминологические исследования. Они давно финансируются государством и относятся к рутинной политике правопорядка. В этих исследованиях показано несоответствие концепции наказания как устрашения эмпирическим данным. Сформулирован вывод о неэффективности наказания. Возрождается теория ретри-бутивизма для легитимизации пенитенциарной практи-

ки 28. Ретрибутивизм ограничивает утилитаристские решения превентивного и устрашающего характера. Суть ретрибутивизма сводится к положению: суровость наказания не должна превышать моральную вину преступника.

Однако ретрибутивизм не поддается эмпирической фальсификации и потому не может быть практической программой. Ретрибутивизм полагает, что любая система права стремится к идеалу - виновные наказаны, невиновные оправданы. Эта идея противоречит практике уголовного судопроизводства, даже при отождествлении уголовных преступлений с аморальными проступками: « Господствующая практика измерения уголовной справедливости отличается быстротой, легкостью и дешевизной. Но она ни в коем случае не является незаинтересованной, открытой и допускающей противодействие» 29. В уголовном судопроизводстве по-прежнему отдается приоритет полицейским показаниям. Торги предшествуют судебному разбирательству. Широко практикуется принуждение к признанию вины, избирательный надзор над уголовными делами и т. д.

Эти факторы позволяют определить уголовное судопроизводство как совершенно неэффективную форму контроля поведения. Такой вывод вытекает из дискуссии специалистов в сфере уголовного права. Сторонники « контроля над преступлениями» стремятся свести к минимуму отклоняющееся поведение. Адепты « достойного процесса» защищают права обвиняемого³⁰. Следовательно, уголовное судопроизводство не имеет никакого отношения к идеалу наказания, пропорционального моральной вине преступника.

И все же некоторые криминологические исследования полезны для разработки АПН и АПФ. Например, Д. Брай-туайт и Ф. Петтит проанализировали элементы стыда и

наказания в уголовном расследовании как основание кон-венционалистской теории уголовной справедливости: «Согласно данной теории, уголовное право защищает негативную свободу посредством эффективной системы прав и обязанностей. Они осознаются и одобряются гражданами и способствуют воплощению идеала общества, основанного на равенстве, достоинстве и братстве. Мы противопоставляем свою концепцию подходам современных ретрибутивистов, которые ссылаются на роль потерпевшего в уголовном процессе и формулируют общую теорию справедливости в категориях равновесия пользы и наказания. Но выводы этой теории выходят далеко за пределы права»³¹.

Во-вторых, исследуется гражданское судопроизводство. В итоге установлено: «Право не есть нейтральный арбитр в споре равноправных сторон. Право - это машина, с помощью которой лица, обладающие деньгами и материальными интересами, используют суд для компенсации собственных потерь. Современное судопроизводство - неравная битва между теми, кто располагает опытом и средствами, и теми, у кого нет ни того, ни другого»³².

В-третьих, многие политические мыслители считают конституционное право и систему законов показателем политического прогресса. Однако эмпирический анализ обнаружил неэффективность конституционного права (включая систему законов) при воплощении его целей. Эффективность конституционного права зависит от принципов социального устройства общества как основы законодательства. А практическое воплощение законов зависит от интересов политико-юридического и бюрократического аппарата и влияния групп интересов. Наиболее яркий пример - законы о здравоохранении и безопасности по месту жительства и работы. Обычно они являют-

ся чисто символическими. Но и в этом виде безнаказанно обходятся лицами и группами, против которых направлены.

В-четвертых, эмпирические исследования базируются на теориях групповых интересов и общего выбора. Анализ применения права дает сходные результаты. Социальные механизмы способствуют отождествлению установленных и фактически исполняемых законов. В итоге установленные законы не выполняются. А фактически применяемые законы превращаются в противоположность права и не ведут к желаемым результатам 33.

В-пятых, сами результаты неоднозначны с точки зрения политических последствий. Нелегко определить цель любого закона и невозможно дать строгую оценку его успеха и эффективности. Из-за пренебрежения к этой проблеме смешиваются непосредственные (по предмету и исполнителям) и опосредованные следствия (предполагаемые результаты) правовой регуляции: «Изменение закона о налогах может увеличить текущий рост доходов от налогов, но не способствует росту глобальных поступлений по этой статье» 34. К тому же законы обладают долговременными социальными последствиями, независимыми от непосредственных и опосредованных следствий. Например, согласно функционалистской схеме Дюркгей-ма, рост популярности определенных политических партий (социалистических, фашистских и националистических) и криминализация определенных действий (потребление наркотиков) увеличивают чувство социальной солидарности.

Наконец, эмпирические исследования подтверждают сознательное и бессознательное влияние лиц и организационных структур на применение права. Но эффективное противодействие этому явлению пока не придумано. Напри-

мер, здоровье и безопасность населения не соблюдаются, если контролеры рекрутируются из руководителей служб, деятельность которых они должны контролировать. Отсюда вытекают определенные выводы о причинах несоблюдения любого закона.

Итак, приведенные данные позволяют сделать вывод: противоречие правовой практики и модели правового государства не объясняется неопределенностью и познавательной незавершенностью законов. Противоречия в понимании права объясняются множеством социологических факторов. Эти факторы ведут к следствию: правовой формализм невозможно воплотить не только в социальную жизнь, но даже в юридическую практику.

5.9. Проблема границ свободы

В заключение рассмотрим некоторые политические следствия анализа права. Они интересуют нас в контексте вопроса: как АП стимулирует исследования в сфере АПН и АПФ?

В состав теории права входит анализ его конкретных сфер. В учебниках права договор и нанесение вреда считаются каноническими. Однако даже основания договора толкуются по-разному: моральный долг соблюдения обещаний; взаимное доверие; экономическая эффективность³⁵. Первое толкование соответствует практике ответственности за нарушение договора. Ответственность определяется на основе нанесения вреда потерпевшей стороне. Вред и означает потери стороны от несоблюдения договора. Второе толкование соответствует практике учета фактических потерь, связанных с действиями в расчете на реальность договора. Третье толкование соответствует различию эко-

номических контекстов, которые определяют меру вреда от несоблюдения договора.

Юристы обычно утверждают: теория права верно описывает действительную историю и содержание права. Однако приведенный пример показывает, что все толкования не описывают реальность, а выражают убеждения в том, каким должно быть право. Значит, утверждения юристов не соответствуют действительности и способствуют ее подгонке под убеждения. В данном случае - под три конкурирующие теории (и практические рекомендации) права договора.

Юридические противоречия прямо или косвенно связаны с классическим спором правового формализма и правового реализма. Например, при анализе вопроса о юридическом противодействии несоблюдению договора А. Кронмен пишет: «Попытка строго определить границы юридической защиты договора не может обойтись без анализа понятий насилия и необходимости. Ответ на вопрос невозможно получить в процессе обсуждения „свободного“ заключения договора или „принудительного“ отказа от заключенного договора. Однако не существует никаких буквальных значений указанных понятий. Они всегда должны определяться в контексте того, что считается правильным или рациональным поведением. Иначе говоря, правовой формализм бесполезен и не ведет ни к каким результатам. Граница между насилием и отсутствием насилия (необходимостью и отсутствием необходимости) должна устанавливаться только в контексте практических решений. Это означает правоту Ролза: приоритет всегда должен отдаваться слабой или потерпевшей стороне» 36. Другие авторы предлагают другие решения. Сторонники приоритета морали над правом считают, что понятия договора и насилия обладают строго определен-

ным и самостоятельным смыслом. ФАП подчеркивает бесплодность юридических дискуссий. Ни одна из них еще не решила ни одной проблемы человеческих взаимоотношений.

В ПФ приведенные точки зрения и аргументы существуют давно в виде проблемы иерархии политических обязанностей. Аналитическое правоведение дает материал для конкретизации данной проблемы. То же самое относится к проблеме возмещения вреда - обязанности компенсировать умышленный и неумышленный вред, нанесенный индивиду другими лицами. По этой теме продолжается полемика сторонников консеквенциализма и де-онтологизма, о которой уже шла речь в первой главе. Приверженцы деонтологизма считают, что законы о возмещении вреда должны ограничиваться случаями, в которых одни лица нанесли вред другим. Но должна ли в таком случае ответственность включать моральную вину лиц, которые нанесли вред, или же ответственность должна определяться строго на основе причинной зависимости? В соответствии с логикой концепций деонтологисты обязаны подчеркивать значение вины, а консеквенциалисты - строгой ответственности. На деле первые полагают, что любые оправдания (лиц, которые нанесли вред другим лицам) нарушают систему свободного рынка. Вторые настаивают на эффективности принципа вины. По мере развития спора произошло переосмысление понятия причины в праве. Прежде под причиной понималась ответственность в смысле заслуженного наказания. Теперь акценты сместились: « Роль причинных зависимостей в правовых контекстах весьма специфична. В праве причина рассматривается как ненормальный или нежелательный фактор. Поэтому юридический смысл не соответствует научному понятию причины» 37. Отсюда выте-

кает, что противоположность указанных подходов является мнимой.

Однако дискуссия по данной проблеме позволяет уяснить специфику любого постфактического анализа межиндивидуальных конфликтов и значимых исторических событий. С одной стороны, индивидуализм влияет на все направления правовой мысли. С другой стороны, вред возникает и распадается в обществе. Поэтому традиционные правовые решения бесполезны и не приводят ни к каким результатам.

В американском конституционном праве политические следствия правовых исследований наиболее очевидны. Здесь правовой реализм был и остается отраслью политики, а не права: « Совсем недавно казалось, что конституционному праву грозит опасность распада на свалку исторических анекдотов и фрагментов. Теперь ему угрожает опасность преобразования в политическую и даже литературоведческую теорию» 38. Например, дискуссия о свободе выражения мнений и коммуникации давно концентрируется на первой поправке к конституции США: « Конгресс не будет устанавливать никаких законов, ограничивающих создание религий и запрещающих отправление религиозных культов; ограничивающих свободу слова и печати; ограничивающих право людей на мирные собрания и петиции в Конгресс о возмещении вреда». На основе этой поправки развивалось право на свободу коммуникаций.

Но что значит ограничение свободы мнений и что такое мнение? Означает ли запись в конституции « никаких законов» действительное отсутствие таких законов? Если в отдельных случаях ограничивается право на высказывание мнений, то какие причины следует признать вескими и как их установить? Относится ли первая поправка в равной мере к власти штатов и федеральной власти? Хотя эти

вопросы относятся к сфере права, они переплетаются с проблематикой ПН и ПФ.

Безусловно, некоторые высказывания должны ограничиваться. В этом контексте клевета определяется как «словесная агрессия». Однако необходима разработка теории, которая объясняет саму цель защиты свободы слова. Движение в этом направлении предполагает строгое определение границ свободы. В аналитическом правоведении сложились разные подходы к определению на основе классической формулы Д. С. Милля: свобода выражения мнений - необходимое средство получения и обоснования истинного знания в демократическом обществе. Опишем некоторые современные модификации данной формулы.

А. Майклджон показал, что свобода высказывания мнений - необходимая предпосылка самоуправления и демократии. Книга Майклджона «Политическая свобода» дала толчок дискуссиям, завершившимся выводом: свобода слова - это цивилизованный и одновременно цивилизующий ответ на проявления человеческой нетерпимости ³⁹. Такой подход квалифицируется как инструменталистский и признается не всеми. Другие теоретики доказывают, что свобода высказывания мнений базируется на деонтологическом основании и образует существенный компонент автономии индивидов и групп: «Свобода коммуникации не сводится к сфере политических высказываний. Поэтому ее нельзя ограничивать даже соображениями потенциальной угрозы, содержащейся в высказываемых мнениях и эмоциях, если только они не наносят немедленного вреда. Так понятую свободу нельзя отождествлять с утилитаристским подходом к свободе» ⁴⁰.

Приведенные точки зрения на проблему свободы высказывания мнений и коммуникации - важный вклад

АФП в ПН и ПФ. В частности, Верховный Суд США ввел множество различий при принятии решений по делам об ограничении свободы высказывания мнений. Теперь требуется учитывать различия между: типами высказываний (политические, экономические, религиозные, моральные и т. п.); уровнями защиты каждого высказывания; непосредственным («коммуникационная агрессия») и опосредованным (законы, затрудняющие циркуляцию идей) ограничением свободы слова; словами и поведением. В этом контексте сторонники феминизма стремятся ограничить порнографию, поскольку информация сексуального содержания показывает господство мужчин над женщинами и направлена против женщин. Однако апелляционные суды отвергли такие претензии на основании следующих аргументов: крайне общий характер обвинений; отсутствие причинных связей между инкриминируемыми явлениями и бытием человеческих групп; запрет порнографии повлечет за собой ограничение информации, в которой выражается особая точка зрения (она обычно не принимается большинством). Такая реакция судов восходит к первой поправке к конституции США. На нее ссылаются также при предложениях ограничить унижение индивидов по расовым признакам. Неудачи таких попыток отражают слабость традиционных либеральных прав и законов перед вредными социальными последствиями деятельности СМИ.

Свобода высказывания мнений и коммуникации - лишь один пример гражданских прав, которые одновременно объясняются и затемняются юристами. В частности, у американских женщин нет полного права самостоятельно решать вопрос об аборте на том основании, что это право содержится в праве на приватную жизнь. Ограничение данного права является одновременно положитель-

ным (судьи соблюдают право на автономию) и отрицательным, примером использования идеи приватности для признания сексуального и репродуктивного поведения особыми категориями.

Сюда же относятся истории принятия решений о создании религиозных культов на расовой основе. Они фиксируют проблемы, которые неразрешимы в рамках индивидуалистической традиции. Речь идет о поиске современного эквивалента 14 поправки (запись в конституции о соблюдении права на достоинство). Поправка была принята после Гражданской войны для защиты негров. Но сформулирована в категориях защиты прав индивида, а не группы. И до сих пор не позволяет улучшить возможности и шансы групп бедняков.

5.10. Промежуточный вывод

Таким образом, АП накопило значительный концептуальный и фактический материал для АПН и АПФ. Я рассмотрел лишь некоторые спорные вопросы о границах между правом и политикой. Из обзора проблем вытекает: АП вносит значительный вклад в развитие АПН и АПФ в той мере, в которой право противостоит политике. Чем больше государство и политика довлеют над правом, тем ниже его эффективность. Эмпирические исследования показали неэффективность правового регулирования социальных отношений. Как объяснить этот феномен? Практическими трудностями применения законов (поскольку они противоречат интересам лиц и групп) или же самой природой законов? Можно ли законы интерпретировать и применять так, чтобы они служили достижению социальных целей?

Поставленные вопросы не исчерпывают проблемы, возникающие на стыке АП, АПН и АПФ. В любом случае идеал правопорядка защищает интересы индивидов и групп. Но в истории этот идеал понимался и воплощался по-разному. Можно ли считать изменение права и законов рациональной политической целью? Ведь перестройка существующих систем права и правовых структур вдохновляла целые поколения государственных деятелей и революционеров. Все они пытались устранить множество недостатков права, в том числе и те, которые описаны в главе. Разбор последствий таких попыток не входит в нашу задачу. Достаточно обратить внимание на то, что для ответа на поставленный вопрос требуется истори-ко-методологический анализ, поскольку история всех государств есть процесс эволюционного изменения или революционного декретирования прав и законов. Предпосылки такого анализа содержатся в истории политической мысли, в том числе в ее аналитическом направлении. Обратимся к проблеме соотношения истории политической мысли и АПФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. Ed. Campbell R. London, 1885. R 174.

2 См.: Hart H. The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press, 1961. P. 79 - 88.

3 См.: Feinberg J. The Moral Limits of Law. Oxford: Oxford University Press, 1985. Vol. 1. P. 34 - 52.

4 Hart H. Op. cit. E 144.

5 См.: fuller L. The Morality of Law. New Haven: Yale University Press, 1969. P. 35 - 37.

6 Hart H. Op. cit. P. 353.

7 Aleksander L. Striking back at the empire: a brief survey of problems in Dworkin's theory // Law and Philosophy, 1987, № 6. P. 419.

8 Dworkin R. Taking Rights Seriously. London: Duckworth, 1977. R24.

9 Эту концепцию Дворкин заимствовал из литературной критики. Она дает приоритет такой интерпретации текста, которая вызывает самый высокий литературно-художественный эффект.

10 Dworkin R. Law's Empire. London: Fontana, 1986. P. 53.

11 Posner R. Economic Analysis of Law. Boston: Little, Brown, 1977. P. 4.

12 Posner R. Op. cit. P. 138.

13 См.: Coase R. The problem of social cost // Journal of Law and Economics, 1960, №3. P. 1 - 30.

14 Posner R. Op. cit. P. 164.

15 См.: Baker C. The Ideology of the economic analysis of law // Philosophy and Public Affairs, 1975, №5. P. 15; Coleman J. Markets, Morals and the Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; Sunstein C. After the Rights Revolution: Reconceiving the Regulatory State. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

16 Boyle J. (ed.). Critical Legal Studies. Dartmouth: Aldershot, 1992. P. 3.

17 См.: Kennedy D. Legal education as training for hierarchy // Kairys D. (ed). The Politics of Law: A Progression Technique. New York: Pantheon, 1982.

18 См.: Frank J. Law and the Modern Mind. London: Stewens, 1949; Llewellyn K. The Common Law Tradition: Deciding Appeals. Boston: Little, Brown, 1960.

19 Gabek P., Harris P. Building power and breaking images: CLS theory and practice of law // Review of Social Change, 1982 - 1983, 11. P. 25.

- 20 Kennedy D. The structure of Blackstone's commentaries // Buffalo Law Review, 1979, №28. P. 213.
- 21 Waldron J. The Law. London: Routledge, 1990. P. 153.
- 22 Smart C Feminism and the Power of Law. London: Routledge, 1989. P. 2.
- 23 CM.: Gilligan C In a Different Voice. Cambridge: Harvard University Press, 1982.
- 24 Rifkin J. Toward a feminist jurisprudence // Harvard Women's Law Journal, 1980, №3. P. 92.
- 25 Scales A. Toward a feminist jurisprudence // Indiana Law Journal, 1980, №56. P. 395.
- 26 MacKinnon C. Toward a Feminist Theory of the State. Cambridge: Harvard University Press, 1989. P. 62.
- 27 MacKinnon C Op. cit. P. 170.
- 28 Hirsch A. Doing Justice: The Choice of Punishments. Boston: Hill and Wang, 1976.
- 29 McBarnet D. Conviction: Law, the State and the Construction of Justice. London: Macmillan, 1981. P. 153.
- 30 CM.: Fletcher G. Rethinking Criminal Law. Boston: Little, Brown, 1976.
- 31 Braithwaite J., Pettit P. Not Just Deserts. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 49.
- 32 Galanter M. Why the «haves» come out ahead: Speculations on the limits of social change// Law and Society Review, 1974, №9. P. 95.
- 33 CM.: Sunstein C After the Rights Revolution: Reconceiving the Regulatory State. Cambridge, Harvard University Press, 1990. P. 21 - 27.
- 34 Griffiths J. Is law important? // New York University Law Review, 1979, №53. P. 339.
- 35 CM.: Fried C. Contract as Promise. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981; Atiyah P. The Rise and Fall of Freedom of Contract. Oxford: Oxford University Press, 1979; Posner R. Op. cit.

36 Kronman A. Contract law and distributive justice // Yale Law Journal, 1980, №89. P. 472.

37 Perry S. The impossibility of general strict liability // Canadian Journal of Law and Jurisprudence, 1988, № 147. R 1.

38 Tribe L. American Constitutional Law. New York: The Foundation Press, Mineola, 1988. P. 1.

39 CM.: Meeiklejohn A. Political Freedom: The Constitutional Powers of the People. New York: Oxford University Press, 1965; Bollinger L. The Tolerant Society. New York: Oxford University Press, 1986.

40 Tucker D. Law, Liberalism and Free Speech. New York: Rowman and Allanheld, 1985.

Глава 6. Прошлое

На протяжении последних тридцати лет между историей политической мысли (далее ИПМ) и ПФ сложились специфические отношения. Известные британские историки политической мысли (Д. Скиннер, Д. Покок, Д. Донн) скептически оценивают значение собственных исследований для современной политической мысли. В то же время они внесли важный вклад в анализ республиканизма, демократии, справедливости и других классических проблем ПФ. Но скепсис историков не уменьшил тягу политических философов к новым прочтениям классических текстов. В них по-прежнему пытаются найти идеи для решения проблем современного общества. А некоторые политические философы коммунитаристского направления (например, А. Макинтайр, Ч. Тейлор, М. Уолцер) считают невозможным освобождение политической мысли от детерминации историей культуры. И квалифицируют исторические политические теории как интеллектуально бесплодные и морально опасные.

В первой половине XX в. в англо-американской ПН господствовал позитивизм. Его представители высоко оценивали значение ИПМ для анализа современности. Антипозитивистски ориентированное поколение истори-

ков пришло в науку в 1950 -е гг. Вслед за этим началась и продолжается до настоящего времени дискуссия о предмете, методах и значении ИПМ для современности. Опишем некоторые результаты этой дискуссии. Действительно ли классические тексты политической мысли представляют только исторический интерес и бесполезны при решении сегодняшних проблем?

6.1. Как сравнить удовольствия?

В англо-американском культурном круге период 1870 - 1970 гг. занимает особое место в ИПМ. В это время рухнула традиционная ПФ. Напомним, что в 1956 г. был высказан вердикт: «Так или иначе, в настоящее время политическая философия мертва» Ч Процесс ее упадка длился почти столетие. Главная проблема традиционной политической мысли - способ производства и распределения благ. Эта проблема была поставлена Ф. Аквинским, а в XVIII - XIX вв. ею стали заниматься ученые и моралисты. Но они не вышли за рамки традиционной политической мысли. А. Смит, Д. Милль, Д. С. Милль, К. Маркс были экономистами и моралистами одновременно. И создавали свои труды, посвященные проблеме производства и распределения благ. Эти работы стали органической частью либерализма, утилитаризма и марксизма как направлений моральной философии. В первой половине XX в. экономисты-моралисты ушли в прошлое. Д. Кейнс воплотил новый тип экономиста-эксперта, а не моралиста. Производство и распределение благ превратилось в главный объект практической деятельности правительств. В результате политическая мысль почти полностью оторвалась от политической практики.

Почему это произошло? Начиная с эпохи Просвещения создание «свободной от оценок» социальной науки стало одной из главных целей интеллектуальной культуры Европы. Во второй половине XIX в. интеллектуальный поиск распался на два направления. Одно из них изучало технические («свободные от ценностей») аспекты социальной жизни. Второе не вышло за пределы абстрактной моральной философии. Этот раскол был подготовлен философией Канта. Он обосновал необходимость разделения этики и науки о человеческом поведении, причем последняя должна служить обоснованием этических идеалов. Однако практическое следствие разделения оказалось совершенно иным.

По сравнению с этикой «объективные науки» о поведении и мышлении человека стали играть более важную роль. Результаты наук воплощались в сложных и систематичных академических трудах. Для их усвоения требовались большие интеллектуальные усилия. Для овладения моральной философией никакого напряжения ума не требовалось. Первое поколение немецких кантианцев открыло для себя английскую политическую экономию и превратило ее в науку в духе Канта. Это вызвало острую критику Гегеля и Маркса. И тот и другой отвергали кантианство по причине вражды к кантиански ориентированной «объективной науке». Действительно, причислить к ней политическую экономию А. Смита невозможно. В этом смысле Гегель и Маркс были правы.

Однако влияние Канта не было постоянным и последовательным. По крайней мере, оно не объясняет модификацию политической мысли в конце XIX в. В Англии в середине XIX в. господствовал утилитаризм Милля. На континенте доминировало гегельянство. Потребовались дополнительные предпосылки для превращения кантианст-

ва в теоретическое основание социогуманитарного знания. Эти предпосылки возникли на основе убеждения: новая политическая экономия - первая гуманитарная наука, «свободная от ценностей».

В Англии это убеждение породило первый этап критики утилитаризма. Д. Грот и Г. Седжвик отвергали концепцию интерсубъективного сравнения пользы. В «Очерке философии утилитаризма» Грот выступил против учения Милля о «высших» и «низших» видах удовольствия: «Два удовольствия невозможно попробовать на вкус для сравнения подобно тому, как химик пробует две жидкости. Утилитарист не прав, определяя удовольствия как особые сущности, независимые от разума человека. В сущности удовольствия всегда переплетены с особенностями индивида. Утверждение о возможности их сравнения ведет к выводам, которые не обладают никакой философской ценностью... Удовольствия не являются независимыми объектами сравнения, потому что они переплетены со всей остальной жизнью индивида. Они обладают собственной историей и причинами, соединяя разные виды наслаждения таким образом, что возможность ощущения одного удовольствия вызывает страх перед другим. Это исключает возможность сравнения удовольствий. Надо учитывать также изменения ума в период времени, протекающего между удовольствиями. Постоянного критерия или монеты для сравнения удовольствий не существует. Вообразим человека, который в молодости был безбожником, а в зрелые годы стал богобоязненным. Эти установки предполагают совершенно противоположную оценку прошлого периода жизни. Богобоязненный человек будет смеяться над самим собой, над своими прошлыми удовольствиями и наслаждениями. С точки зрения удовольствия невозможно

беспристрастное сравнение серьезного и зрелого состояния разума с прошлым состоянием ума... К тому же большинство людей обладает своими собственными удовольствиями. Удовольствия других им безразличны. Я не могу представить состояние всеобщего счастья, едва оно выходит за пределы обычных желаний есть, пить и одеваться. Человечество еще не достигло уровня возвышенных удовольствий. Для большинства людей они пока недоступны» 2.

Г. Седжвик в «Методах этики» писал примерно то же: «Представление об удовольствиях, связанных с разными ощущениями, непредсказуемо меняется по мере изменения актуального состояния ума (или умов, если мы признаем приоритет других людей)» 3.

Приведенные отрывки показывают, что Грот и Седжвик выдвинули серьезные аргументы против утилитаризма, но не смогли выработать альтернативный подход. Оба мыслителя оставались сторонниками модифицированной и более обоснованной версии утилитаризма и потому не создали этическую теорию, которая смогла бы конкурировать с утилитаризмом.

Например, при сравнении видов утилитаризма Седжвик констатировал: «Все они базируются на принципе количественного сравнения видов удовольствия и неудовольствия. Этот принцип выражается в понятии Наибольшего Счастья. Но попытка создать „наибольшую" сумму количественно несопоставимых элементов - математическая бессмыслица. Смысл возражений против указанного принципа состоит в отрицании утилитаристского метода» 4. Но эти возражения Седжвик систематически не проанализировал. И после первого издания своего главного труда признал: «Первое слово моей книги - „Этика", а последнее - „поражение"» 5.

И все же критика утилитаризма привела к выводу: для создания теории человеческого поведения надо отказаться от интерсубъективного сравнения пользы. Напомним, что в классической политической экономии такое сравнение было нормой. Бентамовская традиция тоже базируется на сравнении видов индивидуальной пользы для обоснования равного распределения благ. Трудовая теория стоимости основана на той же посылке. А. Смит и его школа зафиксировали двойственность труда. Справедливый обмен его результатами означает всеобщность страдания (неудовольствия), а не пользы и счастья. Страдания одного человека при производстве одного товара уравниваются страданием другого человека при производстве другого товара.

Критика утилитаризма завершилась положением о невозможности интерсубъективного сравнения пользы. Тем самым основы политической экономии как науки зашатались. Поэтому в 1860-е гг. некоторые экономисты попытались так преобразовать политическую экономию, чтобы обойти проблему человеческого страдания.

6.2. Польза или равенство?

История этого преобразования распадается на две фазы. Первая представлена в трудах У. Джевонса, Вальраса и Менгера, решительно отбросивших любые интерсубъективные сравнения. Джевонс писал: «Читатель заметит, что я нигде не пытаюсь сравнивать количество одного ощущения индивида с количеством другого ощущения индивида. У меня нет методов для такого сравнения. Чувствительность одного индивида может тысячекратно превышать чувствительность другого. Но если предполо-

жить, что с точки зрения чувствительности индивиды различаются в одной и той же пропорции, то открыть эту пропорцию невозможно. Любой индивидуальный разум скрыт от любого другого. Поэтому невозможно создать общий измеритель ощущений и чувств» 6.

В работах данных авторов трудовая теория стоимости уступила место понятию справедливого обмена. Такой обмен предполагает выигрыш каждой стороны в соответствии с ее представлением о пользе. Ирония судьбы в том, что теория справедливого обмена появилась почти одновременно с «Капиталом» Маркса. Его первый том вышел в 1867 г., труд У. Джевонса «Теория политической экономии» - в 1871 г. Маркс потратил жизнь на поиск внутренних противоречий политической экономии. Джевонс создал теорию, которая пока неуязвима для критики. Этот факт частично объясняет поражение марксизма в качестве господствующей социальной теории, но еще ничего не говорит об истинности теории справедливого обмена.

В трудах первого поколения новых экономистов нет теории общего выбора. Джевонс просто соединил новую политическую экономию с утилитаризмом в версии Сед-жвика. Спустя непродолжительное время (1897 г.) В. Па-рето сформулировал минималистскую теорию общего выбора. Он обобщил операциональную дефиницию меновой стоимости Джевонса и Вальраса. Принцип Парето гласит: любой выбор оптимален и эффективен, если нет альтернативного выбора, который ни один член общества не считает худшим или только один считает лучшим.

Смысл принципа Парето - исключение интерсубъективного сравнения пользы. Индивиды оценивают положение вещей в обществе в соответствии с собственными критериями пользы. Какой же общий выбор обосновывает принцип Парето? Только один: решение о распределе-

нии социальных благ принимает основанный на неограниченной конкуренции рынок, а не монополистические или олигополистические производители. Строгое доказательство принципа было дано лишь в 1950-е гг.⁷ Однако его исходная идея не является новой. Она была известна уже в XVIII столетии: конкурентная экономика производит больше товаров по сравнению с монополистической; для каждого человека рыночное распределение благ полезнее монополистического распределения.

Парето утверждал, что социализм обязан признать данный принцип и создать такой механизм распределения, который характеризует неограниченную конкуренцию. Главный аргумент «за социализм» - успешное внедрение в социальную жизнь идеального механизма распределения. Он невозможен при реальной рыночной системе с ее кризисами и коррупцией⁸. В промышленных странах рубеж XIX - XX вв. был вершиной развития монополистических трестов и картелей. Особенно это относится к Германии. Здесь новые отрасли промышленности создавались на базе картелей и не подчинялись правительству. Такая экономика значительно отличалась от экономики, целиком основанной на конкуренции.

В 1930 - 1940-е гг. идеи Парето начали использоваться против критиков социализма и коммунизма. Прежде всего против Л. Мизеса, который считал центральное планирование неэффективным. А. Бергсон и О. Ланге полагали принцип Парето целью социального планирования и доказывали, что централизованное распределение благ эффективнее рыночной конкуренции. После Второй мировой войны в экономической политике некоторых стран Восточной Европы учитывалась эта рекомендация. Тем не менее такая политика закончилась крахом. Сегодня с

Л. Мизесом уже не спорят. Но это не означает его абсолютную правоту. Паретовская концепция социализма обладала достоинством в том смысле, что позволяла описывать социализм в категориях современной экономической теории. Тем самым социалисты освобождались от проблем и понятий марксизма, а заодно - и от копирования опыта СССР.

С этого начинается второй этап критики утилитаризма. Экономика Парето и его последователей - это гуманитарная наука, основанная на равенстве как главной норме социальной морали. Данную норму можно сравнить с принципом самосохранения. Он сформулирован более трехсот лет тому назад: каждый индивид имеет право на самосохранение. Творцы моральной науки XVII в. полагали, что этот принцип является фундаментом всех этических и правовых систем. Теория естественных прав строилась на основе данного принципа. Предполагалось, что он не требует особых доказательств и может быть принят любым человеком, независимо от его моральных убеждений. На протяжении более ста лет в европейских университетах моральная наука преподавалась вместе с политической экономией. Сегодня об этой « науке » знают только специалисты. Ее судьба иллюстрирует последствия любых претензий на « научное объяснение » общества и человеческого поведения.

Дело в том, что в теориях политической экономии и в теориях морали наука понимается как разновидность универсализма. Поэтому экономисты квалифицируют принцип Парето как « аксиологически нейтральный ». На деле он таковым не является. Этот принцип означает: каждый человек предпочитает такое состояние вещей, при котором другим людям живется лучше, чем при альтернативном состоянии, а ему самому живется не хуже. Отсюда сле-

дует: благосостояние других людей затрагивает каждого человека даже тогда, когда не влияет на его благосостояние.

Некоторые теоретики морали (например, Гоббс) утверждали, что за всяким альтруизмом скрывается эгоизм. Если они правы, принцип Парето не имеет смысла. Допустим полное равенство благосостояния людей. Одновременно (в соответствии с логикой Гоббса) допустим полное безразличие людей к такому равенству. Тем самым пропадают основания выбора одного из состояний. Значит, принцип Парето базируется на определенной морали. Она не требует от людей больших усилий. Поэтому большинство людей согласится с принципом Парето. То же самое относится к принципу самосохранения.

Экономисты начала XX вв. стремились основать свой предмет на общих принципах. И подали пример социологам и политологам. Представители социальных наук начали исходить из положения о возможности «объективной науки» о человеке. Это относится и к современным экономистам. Возьмем отрывок из популярного учебника экономики второй половины XX в., который (учебник, а не век) сегодня стал каноническим и в России. П. Самуэльсон пишет: «Чтобы добиться успеха, все мы должны стараться выработать объективность и беспристрастность, способность видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле, независимо от наших симпатий или антипатий. Нельзя не учитывать, что экономические проблемы все принимают близко к сердцу. Когда затрагиваются глубоко укоренившиеся убеждения и предрассудки, то у людей повышается кровяное давление, их голоса становятся крикливыми; а ведь некоторые из этих предрассудков являются не более чем плохо замаскированным выражением определенных экономических интересов... Точно так же для каждой экономической ситуации существует лишь

одно истинное объяснение, как бы трудно ни было его дать. Не может быть одной экономической теории для республиканцев и другой - для демократов, одной - для рабочих и другой - для предпринимателей. В оценке основных экономических проблем, касающихся цен и занятости, точки зрения большинства экономистов довольно близки.

Это не означает, что экономисты всегда единодушны в определении экономической политики. Экономист А может выступать за то, чтобы полная занятость была обеспечена любой ценой. Экономист Б может не придавать этому первостепенного значения. Коренные вопросы, определяющие, насколько правильны или же ошибочны преследуемые цели, не могут решаться наукой как таковой. Они относятся к области этики и „оценки ценностей". В конечном счете эти вопросы должны решаться всем обществом. Все, что может сделать специалист, - это указать на осуществимые альтернативы и на те действительные издержки, с которыми может быть связано то или иное решение» 9.

Учебник Самуэльсона был написан в 1950 - 1960- е гг. Приведенный пассаж поучителен по двум причинам: 1. Он показывает, что « довольно близкие точки зрения большинства экономистов» опять рассматриваются как подтверждение « элементов истинной действительности», а интерсубъективность опять смешивается с объективностью. 2. Он иллюстрирует роль традиционной этики в шаблонах мысли даже столь патентованного экономиста, как Самуэльсон. Поскольку он приписывает значение « оценке ценностей», его можно считать кантианцем. Но, согласно Самуэльсону, эта оценка не вырабатывается путем скрупулезного анализа категорического императива. Она принадлежит к сфере « симпатий и антипатий» и должна решаться «всем обществом».

Итак, на протяжении первой половины XX в. в социальных науках сложилось две тенденции: оценки не являются продуктом систематического рационального мышления; одновременно граждане должны принимать решения о моральных основаниях политики. Эти тенденции доминировали в англо-американских работах по ИПМ в первой половине XX в. Изучение классических произведений рассматривалось как способ контроля чувств и метод передачи гражданам комплекса «вечных ценностей», на которые надо опираться при выборе.

6.3. Шаткость политологии

Для примера возьмем популярный учебник «История политической теории» Д. Сабине. Его первое издание вышло в 1937 г., затем многократно переиздавалось. В предисловии к первому изданию автор соглашается с тезисом Юма: «Ценности не вытекают из логики и фактов. Поэтому политическая теория в целом не является истинной. В ее состав входят суждения о фактах и предположения, объективную истинность или ложность которых может доказать только время. Политическая теория обсуждает также вопрос логической непротиворечивости элементов, которые связываются в целое. Она содержит также индивидуальные и коллективные оценки, которые нарушают учет фактов, вероятностей и требование непротиворечивости» 10. Собственную позицию Сабине определяет как социальный релятивизм.

Итак, в период господства позитивизма сложилась парадоксальная связь интереса к ИПМ с верой в истинность разделения фактов и ценностей и объективность науки о политике. Эту связь нетрудно обнаружить у других авторов. На-

пример, на основе данных посылок Д. Кетлин написал в 1930-е гг. несколько книг о ПН". До 1960-х гг. существовало кантовско-юмовское перемирие гуманитарных наук с ИПМ. Правда, не все признавали релятивизм такого подхода. В 1951 г. Д. Истон подверг сокрушительной критике труды историков политической мысли, которые фабриковались на факультетах политических наук. Он обвинял историков в паразитировании на старых идеях, неспособности ни разработать эмпирическую науку о политике, ни создать систему критериев для политических оценок. Причем первую задачу он считал более важной¹². В ответ на вызов позитивистов и релятивистов некоторые политические философы (Х. Арндт, К. Вегелин, Л. Страусе) выступили в роли носителей неких «вечных истин», воплощенных в предмете их интересов. Эти оракулы изрекли: классическая политическая мысль Запада содержит (хотя и в ошибочной форме) «древнюю мудрость», которая недоступна для ПН. Таким образом, ни Д. Истон, ни указанные политические философы не согласны с положением о неистинности политической теории.

И все же теоретические основы ПН зашатались. Частично это объясняется влиянием Л. Витгенштейна, который скептически оценивал саму возможность гуманитарных наук. Следует учитывать также внутренние процессы ПН. В частности, К. Арроу доказал бессмысленность идеи Самуэльсона: образованные граждане могут самостоятельно решить проблему социальных ценностей¹³. Арроу развивал посылы экономической теории начала XX в., отвергая интерсубъективные сравнения пользы и полагая принцип Парето основанием общего выбора. Но Арроу не соглашался с тем, что вокруг «научного» ядра можно создать блок социальных ценностей, на которые опирались прежние авторы. Непротиворечивый метод социаль-

ной иерархизации ценностей отдельных граждан логически невозможен. Любой метод нарушает один или несколько принципов рационализма и либерализма. Потребовалось немало времени для осознания вывода: в рамках индивидуального выбора проблема социальных ценностей неразрешима.

С политической точки зрения «научное» ядро ПН тоже становилось все более сомнительным. Если социалистам первой половины XX в. не нравился марксизм, они делали выбор в пользу неоклассической политической экономии. Тем более что премудрый Самуэльсон провозгласил кредо такого социализма: существует одна экономика для капиталиста и для социалиста. Социализм Бергсона базировался на вере в бюрократический аппарат, который распределяет блага более эффективно по сравнению с рынком, подчиненным правилам свободной конкуренции. Аппарат распределяет блага в соответствии с определенными социальными целями, обладает информацией об индивидуальных вкусах всех граждан и конструирует «функцию социального благосостояния» на основе общих принципов и реакции на изменения индивидуальных представлений о пользе ¹⁴. Так возник проект центрального агентства, обладающего всей социально-экономической информацией.

Критика данной концепции началась в 1950-е гг. Ее инициаторами стали экономисты, занятые проблемой публичных финансов. Они доказали, что бюрократический аппарат не обладает информацией ни о совместно потребляемых публичных благах, ни о реальных доходах потребителей индивидуальных благ. Люди всегда скрывают информацию о собственных доходах и расходах в целях сокращения налога. То же самое относится к отраслям промышленности. При социализме важнейшие блага

и услуги являются публичными. Отсюда вытекает неэффективность социализма.

Консерватизм монетаристов Чикагской школы базируется на этой посылке: поскольку проблема учета доходов и расходов неразрешима, надо прекратить любое движение в направлении социализма. Все социальные решения надо предоставить рынку, который искусственно поддерживается в состоянии идеальной конкуренции. Иначе говоря, представители данного направления экономической мысли и практики выступили в роли оракулов действительного рынка.

Но не все теоретики согласились с монетаристской концепцией. Например, М. Олсон выступает за социальное распределение публичных благ, но отвергает любые формы принудительного распределения, носителями которого выступают государство и профсоюзы (например, профсоюзные боссы закрывают магазины для того, чтобы заставить рядовых членов платить взносы): «Непредвиденное следствие этих процессов состоит в том, что неоклассическая экономика уже не является политически нейтральной наукой. Она стала вызовом фундаментальным принципам социализма»¹⁵.

Таким образом, главная проблема современной ПФ - неопределенность статуса традиционной ПН. Во второй половине 1960-х гг. Д. Ролз выдвинул положение о выработке комплекса рациональных предпосылок для обоснования разных политических принципов. Политическая теория не должна зависеть ни от общепринятых убеждений (типа принципа Парето), ни от культуры отдельного общества. Одновременно Ролз подчеркнул, что либеральная концепция справедливости глубоко укоренена в культуре Запада. Здесь она существует на такой глубине, что всякое обращение к классическим текстам в области моральной и

политической философии для выработки ценностей потеряло смысл. Кантианская ориентация Ролза способствует дистанцированию от истории и культуры Запада. Одновременно концепция Ролза принадлежит уже к истории политической науки XX в. В этой истории различие объективного знания и субъективных ценностей всегда считалось непреложной истиной.

Итак, АПФ отвергает традиционную ИПМ. Если ценности можно понять и обосновать с помощью рационального анализа, нет нужды в изучении классиков. Они превратились в ярлыки для обозначения современных взглядов и концепций. Идея выработки ценностей путем углубления в тексты классиков политической мысли (высказанная Х. Арндт, К. Вегелином и Л. Страуссом) не имеет смысла.

6.4. Рефлексия как активность

Эти положения стали исходным пунктом дискуссии об истории политических идей. В конце 1960-х гг. вышло два фундаментальных труда новой школы истории политической мысли - работы Д. Донна «Идентичность истории идей» и К. Скиннера «Смысл и понимание в истории идей». Работа Скиннера обширнее и написана яснее. Поэтому дискуссия развернулась вокруг нее.

Главное достоинство книги - определенность позиции автора. Он критикует обе тенденции в современной ПН и ПФ и строго формулирует принцип исследования отношения между историей политических идей и политической теорией: «Прежде всего рассмотрим методологические следствия постулата: текст - самостоятельный предмет исследования и понимания. Этот принцип по-прежнему доминирует в большинстве работ. В результате авто-

ры изучают широкий круг философских вопросов, что увеличивает число ошибок и недоразумений. Такой подход к истории идей и литературы в целом логически связан с определенным способом обоснования нужды в подобных исследованиях. Традиционный аргумент гласит: смысл изучения классических произведений философии и литературы состоит в том, что они содержат некие „вечные элементы" в форме „универсальных идей" или „вечной мудрости", которая годится для „универсального употребления".

Если историк согласен с таким подходом, перед ним возникает вопрос: как достичь понимания „классических текстов"? Если весь смысл таких исследований отражается в категориях „вечных вопросов и ответов", содержащихся в «великих книгах», и в доказательстве их „непреходящей ценности", то историку не только можно, но и нужно просто сосредоточиться на том, что каждый классик сказал на тему „основных понятий" и „вечных вопросов". Короче говоря, цель историка - оценка (в отрыве от контекста исторических изменений) классических сочинений как вечно актуальных попыток формулировки определенных и общепризнанных суждений на тему политики. Однако существует и противоположное положение: знание социального контекста - необходимое условие понимания классических текстов. Это положение равнозначно отрицанию элементов вневременной вечной значимости в данных текстах и отрицанию любого смысла изучать то, что сказали их авторы»¹⁶.

Сторонниками такого подхода являются традиционные политологи и критики политических наук. В целях полемики с теми и другими Скиннер формулирует главный вывод - классические тексты надо рассматривать как действия с определенной исторической спецификой: «Я хотел

бы подчеркнуть: сколько ни говори: „Смысл исторических исследований - ответы на «вечные вопросы»", - в конечном счете полученные ответы выглядят совсем иначе с точки зрения разных культур и эпох. Вряд ли можно извлечь какую-то пользу, рассматривая интересующие нас вопросы как в сущности „одни и те же". Короче говоря, надо научиться мыслить на свой собственный страх и риск» п.

Д. Донн пишет то же самое: «Крайне малое число сфер истории идей разрабатывается как история определенной активности. Сложные структуры идей формируются таким способом, который напоминает дедуктивные системы. Зачастую этот способ выходит за рамки достоверных аргументов. Данные структуры оцениваются и изучаются в разные эпохи на протяжении столетий. Окаменелые реконструкции банальных мыслей одного великого человека сравниваются с аналогичными реконструкциями еще более тривиальных мыслей других великих людей. Отсюда вытекает специфическая тенденция большинства трудов по истории политической мысли - формулировка выводов на основе исчисления сходных положений в разных шедеврах и великих трудах» 18.

Для обоснования этого положения Д. Донн написал книгу «Политическая мысль Джона Локка». В ней были развиты результаты его предшествующих исследований исторической специфики идей Локка с учетом требования Скиннера: «Научиться мыслить на свой страх и риск». Этот постулат выражен в суждении: « Мне непонятно, почему до сих пор анализ любых вопросов современной политической философии строится на основе согласия или отрицания всего того, что говорил Локк на тему политики» 19. Примерно в то же время Скиннер опубликовал цикл статей о Гоббсе. Все творчество Гоббса рассматрива-

ется в них в контексте публицистической борьбы времен Английской революции, включая дискуссию о «вмешательстве» в защиту новой Республики 1649 г.²⁰

Скиннер и Донн используют труды историков в качестве примеров предлагаемого способа исторического исследования. Для Скиннера таким примером является Р. Коллингвуд. Этот историк развивал традицию Дильтея, который рассматривал всю литературу (включая философские тексты) как часть истории человеческих действий. Одновременно Скиннер и Донн ссылаются на авторов, более близких во времени и пространстве, в том числе на П. Ласлетта - издателя «Двух трактатов о правлении» Д. Локка. В предисловии Ласлетт пишет, что нет смысла противопоставлять данные трактаты, как обычно делается в работах по истории политической мысли и в локковедении. Первый трактат - полемическое сочинение, направленное против конкретной исторической фигуры - Р. Филмера. Ласлетт доказал, что и во втором трактате Филмер составляет объект критики. Тем самым роль Локка в истории и обосновании либеральных ценностей становится сомнительной, включая его противоположность Гоббсу²¹

Д. Покок написал книгу «Древние конституции и феодальное право». Он рассматривает политические конфликты в Англии XVII в. путем применения сложной и дифференцированной техники исторического исследования к работам историков XVII в. - знатоков древности. Детально изучена деятельность группы писателей, которые никогда не считались классиками. Но с исторической точки зрения их труды не менее значимы, нежели трактаты великих теоретиков.

Для обоснования такого подхода Д. Покок создал оригинальную концепцию. Он призывает историков идей

серьезно относиться ко всем сочинениям и любым документам на политические темы. Этот корпус текстов образует наследство любого общества и является материалом, без которого невозможно понимание и объяснение. В состав данного наследства входят языки, стереотипы и парадигмы. Тексты выдающихся политических философов надо читать путем исторического соотнесения с фоном языковой практики: « По мере того, как язык политических дискуссий становится все более теоретическим, убедительность аргументов мыслителя все менее зависит от тщательности использования традиционных символов и все более от рациональной непротиворечивости суждений, которые ему приписываются, если в данной сфере политических рассуждений считаются возможными теоретически значимые суждения. В таком случае историк рано или поздно вынужден пренебречь ролью исследователя мысли-языка данного общества ради роли исследователя мыслифилософии, т. е. средства формулировки всеобщих суждений. Но, поскольку историк изучает творчество конкретного философа на основе анализа широкого языкового контекста, он должен учитывать, на каком уровне абстракции применяемый язык размещает мыслителя, а также на каком уровне абстракции мыслитель (по причине собственных убеждений) использует данный язык. Только при соблюдении таких процедур историк может придать строгий смысл неопределенной фразе: каждый мыслитель действует в рамках определенной традиции. Историк обязан изучать взаимные обязательства мыслителя и традиции, к которой он принадлежит» 22. Лас-летг и Покок считают труд Скиннера о Гоббсе и движении в пользу вмешательства примером такого исследования.

Главная идея новой ИПМ - трактовка философской рефлексии как вида исторической активности, не отличающейся

от других действий исторических субъектов. В этом смысле нет различия между двумя революционными событиями: казнью короля Карла и изгнанием католической церкви из Англии. Философы теоретически обосновали и то и другое. Такая трактовка не отрицает значение философской рефлексии для современной политической мысли. Философская рефлексия значима не меньше остальных аспектов истории. Методологические дискуссии британских историков политической мысли способствовали постановке кардинального вопроса: в какой мере анализ исторического генезиса главных идей современности помогает понять их действительный смысл?

6.5. Извлечение из забвения

Для марксистов этот вопрос никогда не был проблемой. Они прямо провозглашают: ценности современного общества есть множество идеологий, детерминированных экономической историей. Понимание экономической истории в широком смысле слова - ключ к верному пониманию данных ценностей. На этой основе объясняется и такой парадокс, как сосуществование трудовой теории стоимости как источника ценности с легитимизацией капиталистической формы прибыли. Но и многие немарксисты (М. Вебер, либеральные историки и теоретики индустриального общества) согласны с такой трактовкой, хотя и не относятся к прошлому настолько односторонне. Они считают, что множество исторических действий (а не только создание производственных отношений) находятся в причинно-следственной связи с положительными ценностями современного общества. Поэтому понимание истории способствует решению проблем теории ценностей. При

этом речь идет о нескольких историях: экономической, политической (например, институциональные изменения эпохи Реформации и Французской революции повлияли на всю последующую историю стран Запада) и истории идей. История идей изучает теоретические средства и ресурсы людей, действующих в данную эпоху. В ее состав входит ИПМ. Это - элемент исторических исследований, а не метод понимания ценностей.

Итак, традиционная концепция ИПМ сводится к положению: политические ценности надо извлекать из анализа классических текстов ИПМ. Критика данной концепции в настоящее время воплощается в двух направлениях: 1. Использование основных результатов АПФ. При этом ИПМ рассматривается как элемент исторических исследований. 2. Критика современных политических теорий. При этом их противоречивость и неопределенность объясняются на основе исторических источников (включая классические тексты ИПМ).

Донн и Скиннер разрабатывают второе направление и пытаются создать новое прочтение ИПМ. Примером может служить возрождение классической теории республиканизма. На протяжении последних двадцати лет Скиннер занимается анализом политической мысли Макиавелли. Его интерес к Макиавелли обусловлен тем, что традиционная ИПМ пренебрегала историческим контекстом деятельности великого флорентийца. Скиннер считает таким контекстом политическую мысль Ренессанса, для которой идеалом был Цицерон. Скиннер интерпретирует Макиавелли как теоретика республиканской свободы. Тексты Макиавелли помогают возродить «идеал республиканской политики». Аргументация Скиннера базируется на критике различия позитивной и негативной свободы, которое концептуализировано в работах И. Берлина. По-

зативная свобода - это комплекс ограничений, которым должен подчиниться человек ради реализации своих истинных интересов. Это понимание восходит к Руссо, Гегелю и Марксу. Негативная свобода означает, что свободные индивиды реализуют самостоятельно поставленные цели, а социальные условия этому максимально способствуют. Берлин защищает вторую концепцию свободы.

Скиннер считает данную дихотомию ложной. Она не дает возможности провести строгую грань между комму-нитаристской теорией и теорией естественных прав: « Современный либерализм, особенно тот, который выступает под флагом так называемого „ либертарианства", несет угрозу полного опустошения публичной сферы от любых понятий, выходящих за рамки индивидуальных интересов и прав индивида. В свою очередь моралисты (например, Х. Арендт, а в последнее время Ч. Тейлор и А. Ма-кинтайр) выражают протест и в один голос твердят: единственная альтернатива - согласие с „реализационным" понятием свободы (этот термин введен Тейлором для того, чтобы подчеркнуть: люди обладают полнотой свободы лишь в той степени, в которой фактически воплощают фундаментальные человеческие способности) или возврат к античному полису (правда, неясно, как это сделать). Я же пытаюсь показать ложность дихотомии, скрывающейся за альтернативой: теория „естественных прав" или „реализационная" теория свободы»²³.

Скиннер полагает, что традиция классического республиканства воплотила убеждение: именно для сохранения негативной свободы индивида надо принимать участие в общих делах. Такая свобода требует от граждан значительных усилий и накладывает на них разнообразные обязанности. Она включает множество видов практики, которые полагались необходимыми мнимыми теоретика-

ми позитивной свободы, в том числе практику республиканского активизма, на которой настаивал Руссо²⁴. Теоретики «позитивной» свободы доказывали необходимость республиканского образа жизни. В противном случае происходит коррозия политических институтов и потеря гражданской независимости. Таковы следствия внутреннего господства одной партии (вождя) или внешнего господства империи над населением. Поэтому разграничение понятий позитивной и негативной свободы теоретически оправдано. Но на практике негативная свобода воплощает такую форму правления, которая не имеет ничего общего с соблюдением элементарных прав индивидов.

Отсюда вытекает определенный урок для современного общества: «Возможно возражение: попытка обращения к республиканизму Макиавелли как к третьей силе есть ностальгический антимодернизм. Любая из современных демократий устраняет реальную перспективу активного контроля граждан над политическими процессами. Все демократии отличаются технической сложностью и крайней секретностью, характерными для современных процедур исполнения власти. Но это возражение упрощает суть дела. Во многих сферах публичной жизни отсутствует контроль граждан над фактическими процедурами выполнения решений. В этих сферах на основе роста публичного участия можно увеличить ответственность наших мнимых представителей. Если даже такое возражение основательно, оно бьет мимо цели. Я обращаю внимание на республиканский проект политики не потому, что в нем содержится указание, как создать истинную демократию, в которой правительство существует для народа, поскольку оно порождено народом. Эту задачу мы должны решить сами. Причина в том, что республиканский проект политики содержит крайне пессимистическое предосте-

режение, пренебрегать которым преступно: если обязанности не предпочитаются правам, наши права всегда нарушаются»²³.

Убедительность предложенной Скиннером исторической реконструкции взглядов Макиавелли дискутируется. Она критикуется за переоценку либеральных оснований республиканских концепций, сформулированных до Руссо. Например, республиканцы Древнего Рима и Возрождения были убеждены в необходимости социального неравенства (включая рабство) для защиты гражданских свобод. Поэтому либеральные теоретики права отвергали республиканские концепции. Скиннеровская трактовка классических текстов Макиавелли может служить примером использования исторического исследования для разъяснения одной из теоретических проблем современности - антагонизма коммунитаристов и либералов.

Другой пример - отказ Донна от собственного ранее сформулированного положения: политическая мысль Локка мертва. В статье «Что является живым и мертвым у Джона Локка?» Донн критикует традиционное представление о том, что современные теории права вытекают из политических сочинений Локка, и детально описывает теистические основания концепции естественных прав Локка. Однако теперь Донн признает: «Основной комплекс категорий, которые Локк разработал для объяснения роли мужчин и женщин в рамках Божественной истории, может в значительной мере функционировать в отрыве от этого замысла. Теперь эти категории служат для понимания политических судеб людей в ситуации, когда они безжалостно предоставлены собственной участи»²⁴. Донн выделяет три категории в текстах Локка: ответственность человека за свои действия; образ человеческого общества как непредвиденного следствия громадного

числа прошлых человеческих действий; доверие как основа всех нормативно-оценочных систем и общественных отношений.

Последняя категория - важнейшее и наиболее характерное свойство политической концепции Локка. Это понятие занимает одно из главных мест в современной политической мысли. В то же время Донн определяет специфику политической концепции Локка как равновесие всех трех категорий: «В этой взаимосвязи нет ничего магического. Она не завершает спор и не претендует на окончательную истину. В этом - признак силы и трезвого реализма, а не слабости Локка. У политического проекта Локка впереди еще длинный путь. Но он привлекает уже тем, что описывает особенности современной политики. Этот проект привлекает конструкцией, свободной от предрассудков и отчаяния. Так рассматривал политику Локк. Я не знаю другого мыслителя нового времени, который сравнится с ним. Он рассматривал политику под таким углом зрения, который всегда актуален. Поэтому есть веские причины вооружиться терпением в отношении всех свойств его концепции. Хотя она исторически удалена от нас, в ее многосторонности и силе надо найти наглядные примеры для поддержки самостоятельности нашей мысли. Разве существует что-либо более важное?» 27.

6.6. Проблема контекста

Можно привести аналогичные примеры исторического исследования политических теорий прошлого для прояснения современных проблем. Возрастает число исследований, посвященных модификациям языка. Философы нового времени при разработке своих концепций посто-

янно обращались к одной проблеме: что значит тот или иной термин? Так возникало поле для общего вывода: любое понятие не обладает постоянным пространственно-временным и социальным смыслом.

В книге «Теории естественных прав» Р. Тек пишет: «Либеральные теории нового времени состоят из сложной терминологии, которая используется для обсуждения проблемы прав. Кроме того, они включают также определенную политическую теорию, которая состоит из множества парадоксальных и одновременно репрезентативных элементов. Например, в новое время убеждение в связи естественных прав с добровольным рабством было общепринятым стереотипом политического и социального мышления» 28. В других работах изучается влияние типа этимологического анализа на современные социальные, правовые, исторические и политические теории 29. Таковы частные примеры исторических исследований, ориентированных на использование в философской рефлексии. Но пока не существует целостного объяснения причин обращения философской рефлексии к историческим исследованиям. Не исключено, что отсутствие такой концепции - частное свидетельство отсутствия потребности в ней. Необходимость мышления историческими категориями обусловлена множеством фактов социальной жизни и человеческой психики. Поэтому она не нуждается в доказательстве. Правда, бытует мнение: если общество безразлично к собственному прошлому, оно подобно человеку без памяти. Но такая аналогия поверхностна. Она не объясняет элементарный факт: память приносит индивиду непосредственную или функциональную пользу, но социального эквивалента такой пользы не существует.

С другой стороны, политические и социальные институты никогда (даже в период социальных революций) не

изобретались совершенно заново. Это относится и к самой «революции» как одной из наиболее сознательных исторических практик современного общества. Длительное время философы занимались рефлексией о ценности институтов частной собственности, государства и семьи. Данные институты есть продукт исторического развития. Содержание и характер указанных институтов скрывают определенную историю идей, которая имплицитно содержится в способе их функционирования. Извлечение этой истории из забвения помогает понять смысл непонятных обычаев и убеждений.

6.7. Множество историй

Каковы же результаты методологических дискуссий 1960-х гг.? Действительно ли исследовательская практика участвующих в них историков радикально отличается от практики предшественников? Напомним, что прежняя ИПМ занималась поиском в классических трудах определенных философско-политических ценностей. Предполагалось, что они могут быть использованы в любом обществе. Согласно такому подходу, Платон, Локк и Гегель рассматривались как основатели конкурирующих теорий государства. Читатель самостоятельно должен сделать выбор одной из них в соответствии с собственным опытом и убедительностью классиков.

Главная идея «новой» истории - взаимосвязь социальной, политической и лингвистической истории с историей идей. Государство никогда не было и не является постоянным бытием с независимым существованием, о котором мудрствовали философы. Оно обладает историей, которая формируется практическими потребностями, тео-

ретической рефлексией исторических субъектов и идеями великих философов.

Этот вывод побудил «новых» историков включить в сферу исследований множество мелких исторических фигур из состава традиционного канона. Покок - наиболее последовательный представитель «новой истории». Он стремится преобразовать ортодоксальное содержание ИПМ. Многие исторические тексты о классиках политической мысли сохраняют значение и для современных исторических исследований. «Новая история» показала, что философская рефлексия классических авторов нередко обладает большим значением, нежели другие элементы истории социальных и политических институтов. По крайней мере, внимание современного общества постоянно сосредоточено на этой рефлексии.

Следовательно, различие «старой» и «новой» ИПМ несущественно. Зато контексты их функционирования совершенно различны. Проблема изменения контекстов может быть сформулирована следующим образом: существует ли принципиальное различие миров первой и второй половины XX в., рефлексией о которых занимаются политические философы? Для ответа на этот вопрос пришлось бы написать новую книгу. Взамен предлагаю главу, посвященную интеллектуальному контексту современной АФ. Речь идет о тех направлениях европейской философии, в конфронтации с которыми она возникала и развивается.

п р и м е ч а н и я

1 Laslett P. (ed.). *Philosophy, Politics and Society*. Oxford: Black- well, 1956. P. 7.

2 Grote J. *An Examination of the Utilitarian Philosophy*. London: Drichton Bell, 1870. P. 53 - 55.

- 3 Sidgwick H. *Methods of Ethics*. London: Macmillan, 1874. R 129.
- 4 Ibid. P. 384.
- 5 См.: Hayward F. *The Ethical Philosophy of Sidgwick*. London, 1901. P. 19.
- 6 Jevons W. *The Theory of Political Economy*. London: Macmillan, 1888. P. 14.
- 7 См.: Debreu G. *Theory of Value*. New York: Wiley, 1959.
- 8 См.: Pareto V. *Manual of Political Economy*. London: Macmillan, 1972. P. 26 - 79.
- 9 Самуэльсон П. *Экономика*. М.: Алгон, 1997. С. 10.
- 10 Sabine G. *A History of Political Theory*. London: Harrap, 1963. P. 5.
- 11 См.: Catlin G. *A History of Political Philosophy*. London: Allen & Unwin, 1950.
- 12 См.: Easton D. The decline of modern political theory // *Journal of Politics*, 1951, № 13. P. 36 - 58.
- 13 См.: Arrow K. *Social Choice and Individual Values*. New York: Wiley, 1963.
- 14 См.: Bergson A. *Socialist economics* // Ellis H. (ed.). *A Survey of Contemporary Economics*. Philadelphia: Blakiston Co., 1949.
- 15 Olson M. *The Logic of Collective Action*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. P. 156.
16. Wollin J. (ed.). *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics*. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 30.
- 17 Ibid. P. 66.
- 18 Dunn J. *Political Obligation in its Historical Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 15.
- 19 Dunn J. *The Political Thought of John Locke*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 31.
- 20 См.: Skinner Q. *History and Ideology in the English Revolution* // *Historical Journal*, 1965, №8. P. 151 - 178; *The Ideological context*

of Hobbes's Political Thought // *Historical Journal*, 1966, № 9. P. 286 - 317.

21 Следует заметить, что взгляды Ласлетта были поставлены под сомнение в новых исторических исследованиях британских историков политической мысли. Первый пример применения нового метода оказался более податлив на критику, нежели предполагалось. См.: Ashcraft A. *Locke's Two Treatises of Government*. London: Allen & Unwin, 1987; Tuck R. *Natural Rights Theories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Tully J. *A Discourse on Property*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

22 Pocock J. *The History of Political Thought: A Methodological Enquiry* // Laslett P., Runciman W. (eds). Oxford: Blackwell, 1962. P. 200 - 201.

23 Skinner Q. *The Republican Ideal of Political Liberty* // Bock G. et al. (eds). *Machiavelli and Republicanism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 308.

24 Правда, Скиннер не считает Руссо центральной фигурой республиканизма, а рассматривает его как теоретика «позитивного» типа. Но в классификации Скиннера этот тип принадлежит к «негативным республиканцам».

25 Ibid. P. 308 - 309.

26 Ibid. P. 22.

27 Ibid. P. 25.

28 Tuck R. *Natural Rights Theories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 86.

29 См.: Ball T., Fan J., Hanson R. (eds.). *Political Innovation and Conceptual Change*. New York: Cambridge University Press, 1989.

Глава 7. Контекст

Указанный контекст в значительной степени определяется различием аналитической и континентальной философии (далее - КФ) Европы. Это различие напоминает дихотомию «Запад-Восток». Хотя она устарела, но используется весьма широко. Видимо, потому, что обладает идеологическим (а не географическим) смыслом: на Западе процветают свобода, благоденствие, права человека и американский образ жизни; а Восток коснеет в тоталитаризме, стагнации и рабстве. Если же иметь в виду строго географическое содержание понятий «Запад» и «Восток», то Япония и Австралия находятся на Западе, а Куба - на Востоке.

Аналогичная двусмысленность характерна и для дихотомии АФ (англоязычной) и КФ (немецко- и франкоязычной). Здесь тоже географическая интерпретация порождает проблемы. Например, Г. Фреге, Л. Витгенштейн и большинство членов Венского кружка были немцами, но сыграли значительную роль в становлении АФ. А британские философы (Д. С. Милль, Ф. Бредли, Р. Коллингвуд, М. Оакшот и др.) испытали сильное влияние германского романтизма и идеализма. Некоторые современные англоязычные философы (Р. Рорти, А. Макинтайр, Ч. Тейлор)

сознательно развивают идеи континентальной мысли на языке АФ. Одновременно во Франции и Германии есть целые школы АФ. Они существуют наряду с неокантианством, которое в ряде моментов сходно с АФ.

Правда, в англоязычных странах КФ была открыта недавно. Вплоть до 1980-х гг. в курсах философии англоамериканских университетов вообще не упоминались имена Гегеля, Ницше, Гуссерля, Хайдеггера и Сартра. Этот факт завершил длительный процесс взаимоизоляции и пренебрежения к прецедентам взаимодействия КФ и АФ. Например, сторонники Гегеля в Англии появились уже в XIX в. Б. Рассел, А. Уайтхед, Д. Мур и другие классики АФ были вынуждены в начале XX в. поднять целое восстание против засилья гегельянщины в Британии. В этой борьбе «Принципы математики» Б. Рассела сыграли главную роль. Гегельянство было вытеснено из британских университетов в период между Первой и Второй мировыми войнами. На протяжении более полувека в Англии доминирует АФ.

Но противоборство немецкого идеализма и АФ продолжается. Гвардейцами в войне с метафизикой выступают логические позитивисты разных поколений. Они не прекращают попытки проведения строгой грани между научной философией и бессмысленной философией. А. Ай-ер во второй половине XX в. возродил юмовскую традицию ликвидации метафизики. Он определил творчество М. Хайдеггера как наиболее показательный пример метафизики XX в., в которой по-прежнему отсутствуют эмпирические фактуальные суждения, аналитические и логические истины. Так что оппозиция КФ и АФ сохраняется до настоящего времени.

Ее показателем принято считать взаимное непонимание. Действительно, темный и непонятный стиль - опре-

деляющий признак КФ. Труды философских авторитетов континента переполнены аллюзиями и метафорами. Так что без экзегетики не обойтись. К тому же в континентальной философии широко распространено убеждение: философская традиция - это комедия ошибок. Поэтому вслед за Айером современные аналитические философы в качестве примеров бессмысленности приводят фразы, из которых составлены философские трактаты Хайдеггера. Строго мыслящие философы эмпирической ориентации игнорируют метафизику.

Однако этот стиль можно вполне квалифицировать как «свое чужое» АФ. Нередко ссылка на неясность КФ скрывает элементарное безразличие и нежелание утруждаться. Классические тексты АФ далеко не всегда написаны ясно. Например, рассуждения Д. Мура о восприятии и наблюдении изложены так, что трудно отличить язык классика АФ от невнятного бормотания Гегеля на тему «определенности мысли». «Логико-философский трактат» Витгенштейна и «Логические исследования» Гуссерля требуют значительных усилий для понимания. Поэтому строгое различие между АФ и КФ представляет особую проблему. По крайней мере, при описании взаимодействия АФ и КФ географические соображения непродуктивны.

Как известно, любое взаимодействие состоит из фактов взаимного неприятия, забвения, исключения и непонимания. Видимо, они фиксируют реальную противоположность и диалектику. Все зависит от точки отсчета. В первой главе уже говорилось, что АФ развивает традицию Просвещения. В отличие от нее Гердеру и Руссо принадлежит инициатива критики Просвещения. Реакция Гегеля на философию Канта была систематической реализацией данной инициативы. Поэтому можно исходить из того, что критика Просвещения - исходный пункт КФ. Большин-

ство ее представителей были и остаются постгегельянцами. В том смысле, что они развивают или полемизируют с методом или системой Гегеля. Но пока не могут освободиться от того и другого. Поэтому их мышление несет на себе печать гегелевской системы, несмотря на критику и даже полное неприятие.

Так понятая традиция КФ включает К. Маркса, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, экзистенциализм Ж.-П. Сартра, А. Камю, Симоны де Бовуар, неомарксизм Франкфуртской школы и Ю. Хабермаса, современные школы феноменологии, структурализма, постструктурализма, деконструкционизма и постмодернизма. Предлагаемое понимание КФ не является новым. Оно лишь фиксирует две исторические особенности КФ: скептическое отношение к аисторическому рационализму Просвещения, для которого естественные науки были эталоном знания; акцент на культурно-историческую обусловленность мышления и связь философской мысли с определенным контекстом и историей. Рассмотрим конкретные воплощения данных свойств.

7.1. От Бога к вердикту

Просвещение - это эпоха социальных и культурных преобразований на основе принципов разума. Научные достижения «естественных философов» XVII в. (Ньютона и Галилея) создали плацдарм для атаки на бастионы средневекового мировоззрения. Оно было аристотелевским и христианским. Философы и политические мыслители первыми усомнились в религиозной вере и связанных с ней политических институтах. Началась систематизация рациональных оснований морального и политического по-

рядка. Средневековое мировоззрение зашаталось. Его разрушение сопровождалось созданием основ нового мировоззрения.

Человечество обязано следовать по пути, который освещается светильником разума. Кант определял Просвещение как «...выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого... Sapere aude! - имей мужество пользоваться собственным умом! - таков, следовательно, девиз Просвещения»¹. Из него вытекают свобода и самостоятельность человека. Параллельно возникал капитализм. Его становление сопровождалось кардинальными социально-экономическими изменениями. Современность - это глубокая трансформация социальной, культурной и духовной жизни Европы на протяжении последних трехсот лет. В ее рамках развивались следующие процессы.

Просвещение разрушило аристотелевский и средневековый образ мира как упорядоченного космоса: «Современный мир не имеет ничего общего с целесообразным порядком. Этот мир состоит в конечном счете из множества случайных зависимостей, которые должны тщательно регистрироваться с помощью эмпирического наблюдения»². Юм высмеял любые попытки понимания природы как телеологической системы видов бытия, которые реализуют собственную сущность на основе внутренней необходимости. Если бы даже сущность вещей существовала, познать ее было бы невозможно. Отсюда следует принципиальная невозможность знания о необходимых связях событий, вытекающих из сущностей вещей.

Просвещение переосмыслило природу знания. Теперь знание о мире уже не принадлежало Богу. Оно стало харак-

теристикой субъекта опыта, который тоже определялся заново. Субъект не подчиняется никакой субстанциальной цели. И не обязан реализовать свою внутреннюю природу как человека-зверя или политического животного. Декарт сформулировал просвещенческую концепцию субъекта сознания. Методическое сомнение Декарта завершилось единственным постулатом: «Я мыслю, следовательно, существую». Субъект - это мыслящая вещь (машина) в виде ума, духа и разума. Исходное отношение между субъектом и миром является гносеологическим. Сознание - это субъект знания.

Просвещение создало новую концепцию знания. Цель знания не сводится к расшифровке знаков космоса для познания воли Бога и жизни в гармонии с природой. Знание есть цель сама по себе. При ее достижении постоянно накапливаются знания об окружающем мире. Знание увеличивает определенность и предвидимость человеческой жизни и опыта. Благодаря знанию возрастает власть человека над природой. Поэтому цель и ценность знания обладают инструментальным содержанием.

Указанные выводы формировались постепенно. Ведущие мыслители Просвещения продолжали верить в Бога - по убеждению или соображениям конформизма. Декарт пытался найти новое доказательство бытия Бога. Считал Бога главным средством борьбы с радикальным скептицизмом. Ф. Бэкон полагал религиозную мудрость выше человеческой учености. Большинство философов Просвещения руководствовалось идеей о соответствии веры и разума. Несмотря на это, Просвещение - поворотный пункт на пути универсального процесса «расколдовывания мира» (М. Вебер). Этот мир лишен всякого морального и религиозного смысла. Наука открывает причинно-следственные связи и законы. У них тоже нет никакого

морального и этического значения. А эмпирическое знание не может быть обоснованием оценочных суждений.

Классическое разделение фактов и ценностей восходит к Юму: добродетель (благо) не базируется на причинно-следственных связях вещей. Юм подверг уничтожающей критике все попытки основать религиозную веру на человеческом восприятии чудесных событий. Моральные, политические и эстетические ценности приносятся в мир самоопределяющимся субъектом опыта. Он должен найти моральный кодекс в себе, а не в окружающем мире.

Раньше ценности скрывались во всех углах и щелях целесообразного мира. Теперь бытие ценностей включает следующие главные обоснования: моральное чувство (Юм); решения человека на основе законодательства разума (Кант); человеческая способность чувства удовольствия и неудовольствия (утилитаризм); произвол индивида (субъективизм). Каждое обоснование не абсолютно и может быть оспорено.

Современная АФ базируется на просвещенческом мировоззрении и развивает его основные постулаты. КФ уже более двухсот лет стремится преодолеть Просвещение. Все попытки выхода за его пределы вытекают из убеждения: атомистские и универсалистские принципы Просвещения ложны, поскольку индивиды формируются в определенных обществах и культурах.

Гердер считал язык главным носителем сущности человека. Благодаря языку возможны память и предвидение как предпосылки рефлексии и сознания. Эти способности компенсируют слабость и бедность человеческих инстинктов. Инстинкты животных постоянны и безошибочны. Способности человека увеличивают его свободу взаимодействия при постоянном изменении среды. Язык не только выражает чувства, представления и мысли -

они могут обойтись и без языка. Язык - это истинный медиум мышления и сознания. Различия языков отражают различия образов мысли и чувств. Поэтому перевод с одного языка на другой - дело нелегкое. Языки народов выражают различия культур. А культуры определяют различия народов. Поэтому не существует универсальной (природной, интеллектуальной, духовной) сущности человека, независимой от языка и культуры. Универсальные программы просвещенческого свободомыслия лишены оснований.

Идея Гердера о социальной природе сознания совпадает с политическим учением Руссо. «Женевский отшельник» считал добро внутренним свойством человеческой природы. Это представление стало исходным пунктом романтизма и руссоистского призыва «Назад к природе!», поскольку она есть совершенное создание Бога, а человек только может все испоганить. В то же время Руссо отрицал идею универсальной человеческой природы, первичной по отношению к обществу. Например, основанием политической власти не является рациональный выбор индивидов в «естественном состоянии». Такое положение высказывал Гоббс: эгоистические индивиды устанавливают суверенную власть Левиафана по причине страха. Руссо отвергал и анархистскую идею Годвина: естественные (не затронутые цивилизацией) индивиды могут жить в гармонии, не нуждаясь в государстве с его законами и аппаратом насилия. Согласно Руссо, индивиды существуют только в обществе. Политическая воля индивидов не равна «всеобщей воле» как сумме отдельных волеизъявлений. «Всеобщая воля» Руссо - результат длительного процесса рефлексии и переговоров. Она отражает общий интерес социального организма. Поэтому индивидуальные воли изменчивы. Индивиды приносят жертвы на алтарь «все-

общей воли». Каждая из них амбивалентна. По мере потери естественной свободы индивид приобретает в виде гражданскую и нравственную свободу: «Этот переход от состояния естественного к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены. Только тогда, когда голос долга сменяет плотские побуждения, а право - желание, человек, который до сих пор считался только с самим собою, оказывается вынужденным действовать сообразно другим принципам и советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям» 3.

Такой переход связан с потерей многих преимуществ, получаемых человеком от природы. Общество компенсирует потерю путем развития способностей, облагораживания чувств и возвышения души человека. Моральная свобода «...одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» 4.

Руссо отождествил свободу с послушанием закону и обществу. Это положение считается предвосхищением тоталитаризма. Оно оправдывает характерное для тирании представление: индивидов надо принуждать к свободе. И все же важность вывода Руссо неоспорима. Любое общество не лишено недостатков. Но только в обществе индивиды могут быть рациональными, целеполагающими и моральными существами. Общество предоставляет индивидам доступ к ценностям, интересам и образам жизни. Этот ансамбль намного богаче инстинктов и биологических потребностей человека: « В отличие от чистого индивидуализма Руссо описывает индивидуализм, который

базируется на сотрудничестве и неповторимости каждого индивида» 5.

Гегель испытал сильнейшее влияние Руссо и Гердера. Но он создал всеохватывающий синтез философских знаний, который стал началом особой традиции континентальной философии. Гегель осуществил тотальную критику Просвещения. Отметим здесь только те аспекты, которые обладают политико-философским содержанием: отношение Гегеля к моральной и политической философии Канта и реакция Гегеля на Французскую революцию.

Кант дедуцировал принципы этики и моральные суждения из обязанности соблюдения категорического императива и ограничился обобщением максим человеческих действий. Гегель отвергал такую процедуру и считал обобщение пустым с моральной точки зрения. Последовательное и практически воплощаемое зло автономного субъекта исключить невозможно. Гегелевский анализ Французской революции показывает, что такой результат наиболее вероятен. Гегель так описывал процесс реализации зла: «Когда каждое единичное сознание поднимается из уделенной ему сферы» и «понимает свою самость как понятие воли», оно убеждается, что «его цель есть общая цель, его язык - общий закон, его произведение - общее произведение» 6. В итоге индивидуальное сознание убеждается, что «никакого положительного произведения или действия всеобщая свобода создать не может; ей остается только негативное действование; она есть лишь фурия исчезновения... Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть, и притом смерть, у которой нет никакого внутреннего объема и наполнения;... эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды» 7. Со-

гласно Гегелю, революционный террор во Франции - типичное выражение абсолютной свободы и абстрактной всеобщности автономного субъекта в кантовском смысле слова.

Изолированный субъект рефлексии отличается монологичным разумом. Универсализация такого разума не в состоянии реконструировать конкретную интерсубъективность, без которой невозможна этическая жизнь. Кантовский категорический императив есть реконструкция универсальной морали. Эта мораль не является основанием интерсубъективной этической жизни. Поэтому вслед за Руссо Гегель полагал, что этическая жизнь базируется на укорененности человека в конкретном обществе, культуре, ценностях и образе жизни. Моральная и рациональная воля не противостоят естественным склонностям биологического индивида (как считал Кант), а есть результат их рационализации. Частные инстинкты человеческого организма игнорируют универсальные требования общества. Социальные интересы индивида отражают ожидания общества, даже если противостоят им. В отличие от животного инстинкта воля есть «... рефлексированная в себя и тем самым возвращенная к всеобщности особенность, единичность, самоопределение Я» 8. Индивид - продукт, а не предпосылка социального порядка.

Другие аспекты системы Гегеля вытекают из данной посылки. Индивиды - члены конкретного общества и культуры. Культуры меняются во времени. Поэтому индивиды есть продукты множества особенных историй. И никаких универсальных принципов морали и политики не существует. Но не следует ли отсюда безразличие к ценностям разных культур и эпох, т. е. культурно-исторический релятивизм? На этот вопрос Гегель отвечал отрицательно. Взамен он написал реестр форм культуры как фаз универ-

сального процесса развития. В философии истории они квалифицируются как моменты развивающейся диалектики. Диалектика идет вперед путем столкновения противоположностей. Противоречие тезиса и антитезиса дает синтез. Любая форма культуры и мировоззрения противоречива. В ее противоположностях отражаются манифестации духа. Они снимаются при переходе к высшей форме. Следовательно, любое общество надо рассматривать с двух точек зрения: как результат диалектического снятия предшествующих социальных форм, в котором сохраняются их позитивные свойства и исключаются противоречия, и как требование уступить место более развитой форме общества.

Такое понимание общества позволило Гегелю вынести вердикт в отношении всей мировой истории и развития культурной и духовной жизни человечества. Результат спирального развития предзадан. С помощью диалектики дух становится все более рациональным и самосознающим. Он достигает вершины в понятии абсолюта. Абсолют воплощается в искусстве и религии путем рефлексивного усвоения всего предшествующего процесса диалектического развития. А в диалектической философии дух достигает полного и разумного самосознания.

В ранних работах Гегель защищал рациональное ядро догматической религии от критики Просвещения. Та же цель реализуется в его зрелых работах. Различие разума и рассудка используется для обоснования вывода: разум - основа этической жизни. Гегель защищает аксиологический дискурс от редукционистского соблазна Просвещения, одновременно сохраняя права разума. Гегель предвидел опасность прогрессирующей тирании односторонней рациональности. Она открыла свое лицо уже во Французской революции. Но неустойчивость гегелевского син-

теза определяется ликвидацией всех шансов позитивного развития спекулятивной философии. В результате разложения гегелевской системы появились другие ответы на одностороннюю рациональность Просвещения.

7.2. Критический самогон «з-пид Франкфурту»

Марксизм - наиболее известное продолжение философии Гегеля. Маркс был лево гегельянцем, поставил Гегеля с головы на ноги, заменил гегелевскую диалектику духа материалистической диалектикой, которая воплощается в экономике. Согласно Марксу, движущей силой истории являются развитие производительных сил и противоречие производительных сил и производственных отношений, а не противоречия систем мысли (мировоззрений). Правогегельянцы развивали другие аспекты гегелевской системы: прусское государство - вершина диалектики; философия Гегеля - последняя стадия диалектики духа, в которой воплощен абсолют. Отсюда вытекал консервативный вывод: дальнейшее развитие общества и философии не имеет смысла. Маркс считал, что данное общество и философия соответствуют предпоследней фазе развития диалектики. Ее задача - преодолеть существующее положение вещей путем еще одного воплощения духа - перехода от капитализма к социализму и коммунизму.

Но выполнить эту задачу не удалось по ряду причин: поражение революции в странах Запада, «преданная революция» (по характеристике Л. Троцкого) в России, вырождение революций в странах Востока. Несмотря на это, ортодоксальные марксисты стремились сохранить понятийный аппарат исторического материализма и объясняли поражение революций случайными факторами (личные

качества вождей, неудачное стечение исторических обстоятельств, отсутствие революционной этики и т. п.). Но марксизм XX в. не исчерпывается его ортодоксальной версией. Критический марксизм считает неудачи революции следствием недостатков самого проекта. Поэтому его представители осуществили глубокую ревизию марксистской теории. Эта ревизия опирается на положение Гегеля и Маркса об исторической обусловленности всякой теории. Критический марксизм возродил также гегелевскую критику Просвещения. Эта версия марксизма была воплощена в деятельности Института социальных исследований. Он появился во Франкфурте в 1923 г. и получил название Франкфуртской школы.

Первое поколение школы вдохновлялось Марксовыми «Тезисами о Фейербахе», главный из которых гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его». Философы обязаны создать критическую теорию общества. Она даст диагноз недостатков существующего общества и примет участие в борьбе за его преобразование в интересах угнетенных и эксплуатируемых масс. Критические теоретики считали марксизм прототипом такой теории. В то же время они осознали необходимость ревизии фундаментальных принципов марксизма. Для реализации этой задачи первое поколение школы использовало идею Г. Лукача: ортодоксальный марксист обязан быть верным только методу, а не содержанию марксизма⁹. Лукач подверг критике положение Энгельса о необходимости развития исторического материализма путем систематизации и применения на практике идей Маркса. Это положение породило догматизацию марксизма и вырождение социалистического движения. Оно противоречит гегелевскому и материалистическому пониманию социально-исторической

обусловленности познания. Критическая теория развивается по мере изменения капиталистического общества. По сравнению с XIX в. оно значительно трансформировалось. Самокритика тоже входит в состав критической теории.

Стимулом такого толкования марксизма стал возврат к гегелевским взглядам раннего Маркса за счет научной экономической теории зрелого Маркса. Этому способствовала публикация «Экономическо-философских рукописей» 1844 г. Маркса в 1932 г. - спустя 88 лет после их написания. Обращение к Гегелю и раннему Марксу определило форму критики исторического материализма. Ее главным объектом стал сциентизм исторического материализма, выраженный в идее: наука об обществе открыла железные законы истории, объяснила эволюцию общества и сформулировала прогноз о падении капитализма и наступлении коммунизма. Представители Франкфуртской школы считают эту идею главным источником пороков ленинизма-сталинизма в России, маоизма в Китае и слабости революционного коммунизма на Западе. Научный социализм оправдывал доктрину демократического централизма. Она провозглашает абсолютный авторитет партийных вождей и интеллектуалов как экспертов по теоретическим вопросам. Так была подготовлена почва для бюрократического авторитаризма.

Упрощенное понимание примата экономики при объяснении эволюции общества укрепляет экономизм - веру в компетентность центра и решающее значение борьбы на производственных предприятиях. Эта вера ведет к упадку прямого политического действия и квалификации его как утопического. Одновременно научно обоснованный революционный оптимизм культивирует моральную апатию: «В итоге чудовищные нарушения „буржуазной мора-

ли" получают теоретическую индульгенцию. Неизбежное движение в направлении коммунистической утопии не может сбиться с пути даже вследствие коррупции в революционном движении. Волонтаристский ленинизм базируется на научном авторитете революционера - члена политически активного, но авторитарного авангарда» 10.

Представители Франкфуртской школы критикуют также позитивизм, для которого естествознание служит образцом научного знания. Поэтому моральный, эстетический и политический дискурсы трактуются как второстепенные или вообще отвергаются. Уже Юм при решении вопросов морали применял экспериментальную философию. Только на ее основе возможна опытная и эмпирическая наука о человеке. Позитивистские наследники Юма сознательно культивируют консерватизм, рассматривая социальные отношения как вторую природу. Они используют естественнонаучные методы для открытия экономических и социальных законов. В результате закономерности капиталистического общества приобретают статус фактов, которые нужно «принять к сведению».

Маркс критиковал вульгарных экономистов за описание капитализма как естественной системы. Эта идеология скрывала случайное историческое происхождение и эксплуататорские отношения капитализма, тормозила развитие рационального и справедливого общества. Те же самые тенденции существуют в современной социологии. Они усиливаются по мере использования методов и принципов естествознания в социальном знании. Современная социология - это традиционная теория. Критическая теория раскрывает негативное измерение существующей действительности, фиксирует подавление человеческих способностей и возможностей и предвидит наступление более справедливого и менее репрессивного общества.

В буржуазном обществе утопия подавляется позитивистской социальной наукой. Утопическая интенция выражается только в политически безвредных произведениях искусства, идеалистических стилях и идеалах красоты. Но воображение должно стать элементом социальных наук. Только тогда теория сможет развить эмансипирующий потенциал: « Без воображения любое философское знание остается в тисках современности и прошлого. Такое знание изолируется от будущего - единственной связи между философией и действительной историей человечества»¹¹.

При построении своих концепций критические теоретики используют социологию М. Вебера. Вебер не был социологическим редукционистом и разработал оригинальную теорию рационализации общества, доказал влияние религии на генезис капитализма. Религия принадлежит к надстройке, но сыграла значительную роль в революционном переходе от феодализма к капитализму. Вебер рассматривал капитализм как частный пример универсального процесса рационализации. Этот процесс характеризует всю современную цивилизацию. Рационализация существовала уже в римском праве и бюрократической организации государства в Древнем Риме. Однако бюрократия и капитализм не исчерпывают рациональность в целом.

Капиталистическая экономика и государство - две формы рационализации общества. Обе базируются на формальной (инструментальной) рациональности - использовании определенных средств для достижения поставленной цели. Такая рациональность препятствует развитию субстанциальной (целевой) рациональности, которая базируется на моральном (практическом) разуме и дает оценку конечных целей человеческого действия. Фор-

мальная рационализация государства и экономики сосуществует с иррациональными результатами их функционирования. Государство создается для воплощения нежелательных и отвратительных целей. Фашизм - наиболее яркий пример. Ограниченная рационализация общества бросает массы людей в отчужденную и расколдованную железную клетку современной цивилизации. В итоге бюрократически организованное существование лишается смысла.

Социальный анализ Франкфуртской школы испытал сильнейшее влияние Вебера. Однако Вебер считал рационализацию современного общества неизбежной. Критические марксисты пытаются убежать из железной клетки инструментальной рациональности. При «попытках бегства» поражение марксизма и варварство фашизма отходят на второй план. Первую скрипку начинает играть критика Просвещения. Например, «... М. Хоркхаймер и Т. Адорно повествуют об „Одиссее“ как исходной (чистой) истории субъективности, которая освобождается от власти мифических сил» 12. Но победа инструментальной рациональности над суеверием и мифом может быть только частичной. Вслед за нею следует расплата.

Наука освободила человека от страха перед природой. В то же время она выработала концепт природы как предмета манипуляции и контроля. Господство научного разума достигается ценой интернализации жертвы - потери человечности. Вначале инструментальная логика применялась к миру предметов, затем распространилась на отношения людей. В результате они стали крайне примитивными. Полноча субъективной жизни ушла в историю: «Неизбежный симптом просвещения - господство над опредмеченной внешней природой и закабаленной внутренней природой» 13. Закабаленная внутренняя природа

атаковала всю область жизни современного общества. Ленинизм-сталинизм и фашизм - свидетельства успешной атаки.

Критические марксисты не свободны и от влияния Фрейда. Его концепты используются при описании психики современного общества. Подобно невроту, оно окостенело на образцах поведения, соответствующих дефициту товаров. По-прежнему требует отказа от принципа удовольствия. Но такой отказ есть анахронизм в эпоху невиданного производительного потенциала. Эрос принесен в жертву цивилизации. Г. Маркузе уже в 1950-е гг. пообещал освободить общество от прибавочного угнетения. В сексуальной революции обещание критического марксиста воплотилось в жизнь. Другие обещания Франкфуртской школы менее оптимистичны.

С одной стороны, они обещали обогатить Марксову критику идеологии. И написали целую полку эстетических, культуроведческих, психологических и социологических трактатов. В них неплохо объясняются катастрофы истории XX века. Фрейдовский психоанализ усложнил образ исторической драмы. Она толкуется как результат действия комплекса Эдипа, вытеснения, сублимации, Эроса, Танатоса и т. п. Технологическая революция масс-медиа рассматривается как культурная индустрия - экспансия промышленных технологий в сферу культуры. Генезис авторитарной личности изучается методами социальной психологии. Вездесущие механизмы господства описаны детально. Но все они завершаются мрачным выводом: вероятность революции уменьшается по причине роста конформизма современного общества. Если верить Т. Адорно, убежать можно только в «моральные минимумы» - афоризмы о «медвежьих углах» современной культуры.

С другой стороны, одномерность современной жизни убивает всякую надежду. Западное общество породило убожество масс-медиа, самодовольное благосостояние, разоруженную позитивистскую социологию и философию. Все эти факторы подавляют (маргинализируют) аутентичную оппозицию и ликвидируют критическое мышление. Даже свобода одномерного общества выражается в репрессивной толерантности. Она ослабляет сопротивление и способствует тоталитарному контролю.

Итак, первое поколение критических марксистов дало крайне пессимистическую характеристику современного общества. Из нее нетрудно вывести определенную закономерность: абстрактное описание связей intersubjectивности с господством ослабляет сопротивление и усиливает апатию. В « Диалектике Просвещения» противоположностью природы выступает человечество как таковое. Тоталитарная экспансия инструментальной рациональности ведет к тому, что в обществе господствуют манипуляция и контроль. Инициаторы революции существуют вне тоталитарной системы. Они ушли в подпольный мир человеческих отбросов, аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых людей других рас и цвета кожи, безработных и других маргиналов. Группы новых босиков могут сделать революцию. Если только ее возглавит радикальная молодежь - наиболее развитое сознание человечества.

Иначе говоря, критическая теория не является критичной, поскольку усматривает революционную способность только у тех, кто с нею согласен. Поэтому она может стать основой волюнтаризма и элитаризма очередного революционного авангарда: « В системе репрессивной рациональности нет никаких лакун. Отношения господства между отдельными социальными группами совершенно не учитывают-

ся. В итоге неомарксизм Франкфуртской школы обосновывает совершенно аполитичную позицию» и.

Труды Ю. Хабермаса - менее протухлая версия неомарксизма. В ранних работах он перелицевал наиболее важные критические аспекты наследства Франкфуртской школы и с помощью прагматизма подштопал критику позитивизма. Теперь естествознание и техника получили название продуктов логики инструментального действия и стали разновидностью труда: «Научно-технический прогресс по сути есть инструментальная рациональность как таковая. Он соответствует логике структуры целерацио-нального действия и регулируется собственными результатами, которые фактически образуют структуру труда» 13. Другая форма рациональности соответствует моральным и практическим потребностям человека. Хабермас клеит на нее бирку взаимодействия и коммуникации, соответствующей норме консенсуса. Взаимодействие обитает в контексте отношений поиска взаимопонимания. Этот контекст отличается от инструментальных отношений субъекта к объекту в процессе труда. Труд и взаимодействие - прагматические контексты разных форм познания: «Эмпирико-аналитические науки (естествознание) базируются на труде и обслуживают научно-технические интересы контроля за внешней действительностью. Взаимодействие и ; коммуникация служат основанием объективности исторически-герменевтических наук (история, антропология и |дисциплины, осуществляющие интерпретацию текстов). | Они выражают интересы взаимопонимания посредством I интерпретаций, которые позволяют локализовать действие в рамках общей традиции» 16.

Третий вид познания - критическая теория - базируется на прагматическом контексте саморефлексии. Герменевтическое познание не связано с манипулятивно-инст-

рументальным отношением к предмету, но не в силах демаскировать идеологию. История и сходные с ней науки не в состоянии увидеть формы ложного сознания, в которых отражаются отношения власти и господства. Эти формы есть деформированная коммуникация. Обычная социологическая теория формулирует законы социальных явлений. Критическая социальная наука обогнала рутинную социологию и теперь «...устанавливает, когда положения теории схватывают некоторые закономерности социального действия как такового, а когда выражают идеологически окостенелые отношения зависимости, которые должны подвергнуться радикальному изменению» 17. Марксова критика буржуазной политической экономии - прототип критической теории. Она открыла окостенелые закономерности капитализма, показала социальную обусловленность и изменчивость мнимо естественных отношений господства. Таким же образом психоанализ способствовал познанию неврозов как механизмов самозащиты внутренней коммуникации индивида. Иначе говоря, критическая теория ни много ни мало эмансипирует людей.

Правда, большинство человечества до сих пор не слышало о существовании эмансипирующей самогонки «з-пид Франкфурту». Для привлечения покупателей философский зазывала сочинил новую интерпретацию диагноза современности как железной клетки рационализации. Наука и техника обслуживают идеологические цели, легитимизируют технократические правительства экспертов, исключают публичное обсуждение морально-политических проблем. Традиционные и религиозно-догматические основы власти подорваны. Но они освободили место для идеологии сциентизма. Коммуникация и взаимодействие людей колонизированы системами рационализиро-

ванного государства и экономики. Социальная колонизация и модернизация западных обществ - одно и то же. Либеральное государство благосостояния и кейнсианская экономика развитых капиталистических стран - образцы вторжения государства в жизненный мир. Государство бюрократически определяет и организует потребности и желания. А до того они уже сформированы авторитарными процессами обобществления. Сопротивление колонизации затруднено. Кругом свирепствует инструментальная рациональность труда. Она выражается в позитивистской социологии и ортодоксальном марксизме.

Вроде и деваться некуда. Но Хабермас обещает эмансипирующую рационализацию жизненного мира с помощью универсалистской этики дискурса. Она заменит авторитарные стороны жизни традиционных обществ (патриархальную семью и догматическую религию), нивелированные современной эпохой, позволит сформировать волю на основе дискурса, свободного от насилия конвенциональной морали. Феминистки и «зеленые» уже давно так делают: всю реализуют другие стили жизни, действуют в рационализированном жизненном мире коммуникации, универсальных ценностей и постконвенциональной морали.

Универсалистская этика дискурса Хабермаса тождественна аксиологическим основаниям критического мышления. Первое поколение Франкфуртской школы провозгласило имманентную критику общества. Оно может преобразоваться только после описания терзающих его конфликтов и противоречий. Для этого следует обратиться к принципам общества против него самого по образцу Марксовой критики мнимой всеобщности буржуазной справедливости. Имманентная критика связана с конкретным историческим периодом и господствующими стандартами права и справедливости. Хабермас считает,

что в современной культуре уже нельзя ограничиться имманентной критикой. Универсальные буржуазные ценности заменены технократической идеологией. Она провозгласила свободу от ценностей. Буржуазное сознание стало циничным. Значит, пропала надежда на то, что имманентная критика трансформирует общество. Теперь критическая теория должна базироваться на ценностях, которые содержатся в прагматике языка: «Хабермас полагает, что цель критической теории - образ жизни, свободный от любого господства, - имманентно содержится в понятии истины и антиципируется каждым актом коммуникации» 18.

Лингвистический поворот Хабермаса породил пухлые трактаты на тему аксиологических предпосылок коммуникации. В любом акте коммуникации содержится надежда на общезначимость: «Тот, кто говорит, обязан выражаться понятно в целях взаимопонимания. У него должно быть намерение передать истинное содержание суждения для того, чтобы слушатель мог разделить мнение собеседника. Он должен искренне выражать свои намерения для того, чтобы слушатель поверил сказанному. Наконец, он обязан высказываться таким образом, чтобы речь была правильной с учетом существующих норм и ценностей. Если все эти требования выполнены, собеседники могут прийти к согласию относительно высказывания, которое относится к общепризнанному плацдарму норм» 19.

Раньше русские мужики только после третьего (а то и шестого) стакана начинали пользоваться универсальной этикой дискурса: «Ты меня уважаешь?». Теперь можно обойтись четырьмя «дупельками»²⁰ общезначимости. Они отражают отношение языка к интесубъективной (понятность), социальной (правильность), природной (истина) и чувственно-интенциональной (прямота, искренность)

сферам человеческой жизни. Коммуникативная компетентность индивида - это способность вступать в коммуникацию с другими субъектами. Она предполагает знание ценностей, образующих основание идей истины, свободы и справедливости. Подробная характеристика данных ценностей содержится в консенсуальной теории теоретической и практической истины. Она сформулирована Ха-бермасом для разъяснения того, что понятно любому человеку, не отягченному тяжелой наследственностью критических отцов.

Обычная реакция на высказывания включает ссылку на авторитет (духовных лиц, пророков, священных текстов) и силу (инквизиция). Такая реакция вполне оправдана в восточных культурах, а также в определенных сферах и периодах истории западной культуры. Теперь она устарела. Хабермас полагает, что рациональный ответ на высказывание должен удовлетворять всем перечисленным требованиям. Без них лучше сидеть и не рыпаться. Не вступать в коммуникацию. Держать пасть закрытой. Потому что рациональный ответ есть попытка создания идеальной коммуникативной ситуации или дискурса. Он свободен от господства и направлен на непредвзятое обсуждение альтернативных понятийных схем. То есть на коллективное чесание в затылке...

Итак, концепция Хабермаса - очередная версия кантовского трансцендентализма. Он предлагает вернуться к Просвещенческому проекту вневременной универсальной морали. Поэтому хабермасоведы считают идеальную коммуникацию ради консенсуса новейшим обоснованием насилия и угнетения. По крайней мере, не все увлеклись универсальной этикой дискурса: «Разве можно полагать, что члены любой культуры (независимо от существующих в ней норм коммуникации) всегда выдвигают одни и те же дискурсивные тре-

бования общезначимости, которые описал Хабермас? На этот вопрос нет ответа в квази-трансцендентальном проекте Хабермаса. Поэтому он был вынужден умерить претензии. И теперь эксплуатирует Гегеля, ограничивая свой проект обоснованием универсальных норм морали - в отличие от этических ценностей и образов жизни. Хабермас вынужден согласиться, что сама идея универсальной рациональности морали является по существу кантовской. И она не в состоянии определить ценность образов жизни и традиций, неразрывно связанных с конкретными человеческими обществами»²¹.

7.3. Трепетный синдром аполитичности

Гегель создавал философскую систему для спасения истин религии и морали от критики Просвещения: «Гегель был убежден в соответствии веры и разума. Для этого он сконструировал всеохватывающий синтез, в котором согласованы все противоположности. Система Гегеля - частный случай гуманистической теологии, согласующей разум и веру»²². Вера не может сохраниться в форме религии. Гуманистическая теология - цена, которую догматическая религия заплатила за возможность устоять перед атакой Просвещения. Гегель помог сохранить религиозные и моральные истины в рациональной форме снятия в высшем синтезе Абсолютного Духа.

Но не все соблазнились гегелевской системой. С. Кьеркегор отвергнул ее целиком и заложил фундамент экзистенциализма - важного постгегелевского течения КФ. Кьеркегор не соглашался с тем, что систематическая философия дает исчерпывающее описание действительности. Просвещение провозгласило лозунг незаинтересо-

ванного познания. А затем Гегель использовал его против Просвещения. Такая установка недостаточна для понимания внутренней жизни - экзистенции индивида. Философская традиция Запада развивала преимущественно абстрактное познание. Оно не в состоянии адекватно описать субъективный опыт человека. Система Гегеля - одна из множества диалектических потуг включить религиозные и моральные истины в теоретическое описание мира. В результате они превратились в абсолютную ложь. Экзистенция или этическая реальность индивида - вот подлинный объект мышления: «Индивид не поддается определению. Его можно познать только изнутри» 23.

Кьеркегор начал искать субъективную истину в религиозном опыте. Он возродил традицию Августина, Экхардта и Лютера. Одновременно он выступил против гуманистической теологии, пытающейся согласовать веру с разумом. Согласно Кьеркегору, вера - ценность сама по себе. Она выходит за пределы разума. Любое сведение религиозной истины к принципам разума ослабляет, а не укрепляет веру. Кьеркегор всерьез отнесся к иронической реплике Д. Юма. После разрушения рациональных оснований веры в чудо Юм констатировал: «Чудеса не только входили вначале в состав христианской религии, но и теперь ни один разумный человек не может верить в последнюю без помощи чуда. Один разум недостаточен для того, чтобы убедить нас в истинности христианской религии, и всякий, кого побуждает к признанию ее вера, переживает в себе самом непрерывное чудо, нарушающее все принципы его ума и располагающее его верить в то, что совершенно противоречит привычке и опыту» 24. В ответ Кьеркегор поставил религиозную веру на фундамент субъективной истины личного опыта и сформулировал тезис: вера нужна для постижения истины, которая более

важна для человека по сравнению с теоретическими истинами науки и спекулятивными системами философии.

Для обоснования религиозной веры Кьеркегор занялся описанием человеческого существования. Его исходный факт - принятие и реализация решения о выборе образа жизни. Никакой рационально обоснованной системы морали не существует. Человек делает выбор в условиях неопределенности, которая выражается в «страхе и трепете». Позитивный смысл данных чувств состоит в связи с человеческой свободой: «Страх есть состояние ума, предшествующее акту свободы» 25. Страх фиксирует возможность свободы и духовной реализации. Он выражает ответственность индивида за свободу решения о выборе образа жизни. Если человек не может сделать выбор, его существование становится пустым и несамостоятельным. Жизнь превращается в цепь бессвязных и бессмысленных удовольствий. Они характерны для гедонистической или эстетической стадии жизни. Тогда как «...мыслитель самостоятельно выбирает стабильность этического бытия. Он формирует и созидает себя заново посредством критических решений. В них выражается абсолютный выбор в пользу определенного образа жизни (например, решения о выборе профессии, супружества, веры)» 26. Эти решения невозможно вывести посредством рациональных аргументов из самоочевидных моральных посылок. Сама процедура такого вывода преобразует человеческую свободу в иллюзию. Решения есть результат опыта - глубокого понимания сфер человеческой экзистенции.

После эстетической (гедонистической) идут этическая и религиозная стадии жизни. Выбор этической стадии предполагает ответственность индивида за жизнь в соответствии с долгом и воплощается в супружестве. Но выбор этического образа жизни неадекватен. Только религиоз-

нал стадия соответствует человеческому призванию. Осуществить такой выбор крайне трудно. Об этом свидетельствует пример библейского Авраама. Бог приказал ему принести в жертву сына Исаака. Значит, воля Бога направлена против человеческих желаний и моральных норм. Человек вынужден верить, хотя вера насилует человеческий разум и мораль. Истинная вера предполагает сопротивление и отбрасывание моральных и интеллектуальных запретов. Она выражена в тезисе Тертуллиана: *Credo quia im possibile* - «Верую, ибо это невозможно». Философия Кьеркегора послужила истоком экзистенциальной теологии, которую в XX в. разработали М. Бубер и Г. Марсель.

Ф. Ницше создал атеистическую версию экзистенциализма. Он был последовательным врагом христианства, хотя признавал Иисуса Христа выдающейся личностью. Ницше не видел никакого различия между верой Паскаля и Кьеркегора и квалифицировал такую веру как постоянное самоубийство разума. Религия не в состоянии решить проблему экзистенции. В то же время смерть Бога порождает нигилизм. Детальное описание данного феномена отличает критику Ницше от просвещенческого свободомыслия.

Ницше отвергает христианскую идеологию жертвенности и упования на загробную жизнь наравне с исторической эсхатологией Гегеля и Маркса. Система и метод Гегеля - это культивирование религии иными средствами. Любые варианты философии истории не решают проблему человеческого существования. Для каждого из них настоящее не обладает никакой ценностью. Оно есть только шаг в направлении предустановленного будущего Абсолютного Духа или коммунизма. Но будущее не обязательно лучше настоящего. Исторический процесс не есть манифестация прогресса. Ядро экзистенции - непосредственность налично-

го опыта. « Ницше сконструировал идеал надисторическо-го человека. Этот человек не ищет спасения в процессе изменений. Для него мир в каждый момент времени завершен, а цель достигнута. Цель человечества не располагается в конце природы и истории. Она реализуется в наиболее выдающихся экземплярах человеческого рода» 27. Культурные, интеллектуальные и личные достижения обладают ценностью независимо от времени их появления. Но они совершаются в жизни исключительных индивидов (типа Гёте или Спинозы). Исторический процесс есть действие коллективных политических субъектов, не представляющих никакой ценности. Исключительные индивиды стоят над историей. Они заинтересованы только тем, что в ней является вечным и достойным изображения в высоком искусстве. Ницшевское учение о вечном воз-врагении есть утверждение существования. Радость сверхчеловека выражается в amor fati - роковой любви к судьбе. Эта любовь требует постоянного возврата к любому пережитому мгновению.

Абсолютная ценность каждого мгновения индивидуальной жизни влечет за собой дистанцию в отношении политики: « Ницше развивает мотив аполитичного индивида, стремящегося к собственному совершенству вдали от современного мира» 28. Так что лишь по недоразумению Ницше считают предтечей фашизма: « Он презирал немецкий национализм и антисемитизм одновременно. Ницшев-ская раса господ - это будущая раса философов и художников, возникшая в результате смешения наций. Они культивируют искусство железной самодисциплины и не имеют ничего общего с самодовольными бандитами национального социализма» 29. Конструктивную концепцию политики невозможно вывести из элитарной и антисоциальной этики Ницше 30.

Ранние работы М. Хайдеггера - не менее важный вклад в философию экзистенциализма: «В работе „Бытие и время" Хайдеггер пытается преодолеть традиционное господство категории субстанции (вещности, предметности) над западным мышлением»³¹. Хайдеггер связывает категорию субстанции с господством естествознания и техники. Значит, можно исходить из сходства взглядов Хайдеггера с неомарксистской критикой инструментального разума и кьеркегоровской защитой субъективной истины от спекулятивной теории. Хайдеггер стремился создать альтернативное понимание бытия: «Ключевое убеждение Хайдеггера - проблему бытия (что значит быть?) надо ставить на основании существования вопрошающего человека, для которого само бытие стоит под вопросом. В отличие от других видов бытия человек не только существует, но и обладает пониманием собственного бытия и несет за это ответственность»³². Хайдеггеровский анализ бытия приобретает форму суггестивных описаний «бытия-в-мире» и «бытия-с-другими». Главный мотив его рассуждений - временность существования. Мысль человека направлена в будущее. Но его жизнь ограничена фактуальностью настоящего как наследства прошлого. Поэтому аутентичное бытие почти недостижимо. Его можно достичь, только постоянно осознавая возможность смерти.

Ж.-П. Сартр внес наиболее значительный вклад в политическую мысль экзистенциализма. Его главная работа «Бытие и ничто» создана под влиянием раннего Хайдеггера. Однако концепция Сартра отличается от экзистенциализма Кьеркегора и Ницше. Сартр подчеркивает особое значение политического опыта и действия. Политика противостоит религиозной и эстетической сфере. Одновременно Сартр защищал экзистенциализм от обвинений в культивировании состояний страдания, страха и тревоги. Эти со-

стояния ведут к политическому квиетизму и нигилизму. Главный принцип экзистенциализма - человеческая экзистенция предшествует эссенции. Это влечет за собой абсолютную ответственность индивида за свою жизнь. Индивид обязан отвергнуть существующие обычаи и представления на тему человеческой природы и божественной воли. Если он не может этого сделать - его жизнь не является ни аутентичной, ни религиозной. Экзистенция определяет человеческую сущность в том смысле, что у человека есть свобода творить собственную жизнь и ценности. Человек приговорен к свободе.

Человеческий выбор - продукт свободы. Он влечет за собой неизбежные политические следствия. Каждое индивидуальное решение есть пропозиция по адресу всего человечества. Согласно Сартру, индивидуальный выбор не детерминирован никакими моральными нормами. Поэтому экзистенциализм Сартра остается двусмысленным. Неясно, почему индивидуальный выбор обладает универсальным моральным смыслом и как ради общечеловеческих ценностей индивиду удастся избежать предательства, т. е. неверия в Бога. Иначе говоря, Сартр переформулировал категорический императив Канта в духе экзистенциализма, но вслед за Кантом оказался перед проблемой полного произвола индивидуального выбора.

Политическая деятельность Сартра началась во время Второй мировой войны во французском движении Сопротивления. После войны он вошел в альянс с марксизмом и Французской компартией. Получил известность в качестве ангажированного интеллектуала. Выступал против американского империализма и геноцида во Вьетнаме и французского колониализма в Алжире, но хранил молчание на тему советских концлагерей. В художественных произведениях описал разные аспекты политического

действия и опыта. Дилеммы политического терроризма отражены в повести «Грязные руки». Формирование личности будущего фашиста - в рассказе «Детство вождя». В работе «Критика диалектического разума» Сартр соединяет экзистенциализм с марксизмом посредством социальных действий, а не индивидуальной ангажированности.

В этой книге он объясняет человеческое общество и историю на основе принципа «Люди творят историю», исследует формы опосредования (семья, нация, класс) индивида и общества «и формулирует оптимистическое обещание: индивиды могут достичь свободы путем признания свободы других людей и с помощью действий солидарных групп в рамках освободительных движений» 33. Особенно интересен анализ видов отчужденной общности: серийного взаимодействия индивидов, относящихся друг к другу как к вещи (очередь на автобус); опосредованного сосредоточения пассивных изолированных индивидов (слушатели радиопередач); бессильной связи индивидов (продавцы и покупатели товаров на свободном рынке). Эти общности противоположны коллективному действию. Главная проблема такого действия - как объяснить неожиданные взрывы группового солидарного действия, взаимного признания в контексте повседневной жизни и как соотносится свобода с коллективным действием?

А. Камю разработал другую концепцию экзистенциалистской политики. Он выводил групповую солидарность из индивидуального действия. Аргументы Камю аналогичны сартровской модификации категорического императива. Бунт - единственно возможный ответ на абсурдность существования. Он выражается в модификации кредо Декарта: мы бунтуем, следовательно, существуем. Камю сформулировал основной принцип бунтарской этики - бескомпромиссная честность в условиях абсурдного и жестоко-

го существования. Главные враги такой этики - бездушная буржуазная мораль, тоталитаризм, террор и концлагеря. Сартр критиковал Камю за стремление сохранить политическую невинность и невмешательство в борьбу угнетенных с угнетателями. Действительно, Камю поддерживал французских колонистов во время войны за независимость Алжира.

Еще один вклад в политическую мысль экзистенциализма сделала мадам Симона де Бовуар. Она применила категории сартровского экзистенциализма для описания женщин как « другого пола ». Поэтому феминизм де Бовуар ядовит: женственность не имеет ценности как телесное и духовное начало. Женщина - это ускользающее бытие-в-себе, личность, сведенная до уровня вещи. Она поглощает трансцендентную субъективность бытия-для-себя, предпочитает свободе совершенно произвольную субъективность: « Месть бытия-в-себе постоянно ускользает. Эта месть является болезненно скользкой и чисто женской. Она сродни мягкому, уступчивому действию, влажному женственному всасыванию » 34. Бовуар связывает женственность с угрозой поглощения трансценденции и низведением ее до уровня обычного существования: « Хуже всего то, что Бовуар согласна с сартровским взглядом на женственность. Сартр считал женщин чем-то „ иным ". Это „ иное " угрожает свободному сознанию посредством своей тошнотворной и одновременно напористой природы. Возможность активного участия женщин в социальной и интеллектуальной жизни есть историческая инновация. Но ради этого женщина должна пожертвовать своим „ иным ". Для участия женщин в солидарном братстве требуется отказ от женского тела и женственности. Тогда как участие мужчин не требует симметричного отказа от мужского тела и мужественности » 35.

В целом вклад экзистенциализма в социальную и политическую мысль амбивалентен. Камю как романист и философ абсурда намного интереснее Камю как автора политических сочинений. Поздний Сартр изменил экзистенциализму ради марксизма. Теоретики Франкфуртской школы критикуют экзистенциализм за абстрактное понимание человеческой свободы. Ранний Сартр рассматривал человеческую аутентичность (свободную субъективность бытия-для-себя) как независимую от социальных и исторических обстоятельств. Даже согласие индивида с детерминацией социальными условиями и генетическим наследством есть измена самому себе. Свобода невозможна без отрицания такой детерминации. Индивид никогда не должен удовлетворяться существующим положением вещей. Поэтому свобода есть онтологическая, а не социальная и политическая характеристика человека.

Онтологизация свободы дает основание согласиться с Г. Маркузе, который определил экзистенциализм как аполитичную и неудачную попытку решить проблемы конкретной экзистенции. Экзистенциализм оперирует абстрактными трансцендентными средствами философии, а не критической теорией общества: « Подобно стоическому уходу в субъективную сферу, которая находится вне пространства социальной и политической реальности, экзистенциальная онтологическая дефиниция свободы порождает консервативные, а в лучшем случае - аполитичные импликации» 36.

7.4. От знака к иерархии насилия

Антигуманистическая критика субъекта - еще одна форма реакции на философию Гегеля. Некоторые истоки

и мотивы этой критики восходят к экзистенциализму. Имеются в виду сопротивление Кьеркегора и Ницше системе Гегеля, а также мотивы раннего Хайдеггера. Однако другая цепь идейных трансформаций и внешних влияний привела к подрыву философского и политического статуса субъекта. В рамках данного направления картезианское *его* (сознание) не считается субъектом познания и политической практики, причем независимо от способа его понимания - как ответственного буржуазного индивида (либерализм и республиканство), коллективно действующего сознательного пролетариата (марксизм), бунтующего и ангажированного индивида (экзистенциализм). Работы позднего Хайдеггера и языкознание Ф. Соссюра играют главную роль в указанных теоретических изменениях.

Антигуманизм Хайдеггера и Ф. Соссюра выразил назревавшие тенденции гуманитарного и социального знания. Главная из них - плюрализация и децентрация субъекта опыта и действия. Марксистская теория идеологии завершается выводом: сознание определяется классовой принадлежностью субъекта и противоречиями господствующего способа производства. В убеждениях и моральных ценностях выражается социальное происхождение индивидов, а не реальное бытие, истина и справедливость. Психоанализ показал бессознательные причины состояний сознания. Обоснование индивидуальных действий есть рационализация бессознательного. Истинные причины действия скрыты в неврозах травматического опыта детства и подавленных эмоциональных конфликтах. Неврозы, раздражительные состояния, шутки, случайные обмолвки, забывание общепринятых названий и терминов, сны и мечтания выражают бессознательную жизнь разума. Герменевтические дисциплины интерпретируют тексты, не ограничиваясь их поверхностным смыс-

лом. Значение социального и языкового контекста намного больше буквального смысла слов и намерений автора. И все же перечисленные подходы не отвергают полностью роль субъекта. Классовое положение пролетариата способствует тому, что в революции он обретает истинное сознание и ниспровергает капитализм. Психоанализ обеспечивает индивида пониманием бессознательных причин состояний сознания. Это необходимо для преодоления барьеров свободной внутренней коммуникации. Герменевтическая практика способствует все более совершенному пониманию текста.

Подрыв ведущей роли субъекта связан с онтологическим и лингвистическим поворотом Хайдеггера и его критикой сартровского гуманизма. В ранних работах Хайдеггер развивал экзистенциалистскую концепцию индивидуального существования, в котором господствуют состояния тревоги, заботы, аутентичности и падения. В поздних работах Хайдеггер сосредоточился на анализе бытия. На основе критики картезианской концепции субъекта он попытался преодолеть интерес к индивиду, который растворяет бытие в объективности. Мышление должно раскрыть истинное призвание человека как пастыря бытия. В этом контексте Хайдеггер анализирует язык как обитель бытия. Язык открывает бытие и вводит его в состояние открытости: «Только язык приводит бытие как бытие к открытости. Там, где языка нет, как в бытии камня, растения и животного, там нет и явности бытия; а в результате - ни явности, ни пустоты небытия»³⁷. Решающее обстоятельство - выход языка за пределы индивидуального сознания и существования.

Лингвистический поворот Хайдеггера привел к решительному отбрасыванию привилегированной позиции субъекта, свободы выбора, аутентичной субъективности индивидов и

коллективных политических субъектов. Этот вывод направлен против гуманизма, экзистенциализма, марксизма и критической теории одновременно. Первоначально он сформулирован Хайдеггером в «Письме о „гуманизме"» (1947 г.). Германский философ отвергает главный тезис (экзистенциализм - это гуманизм) и картезианское убеждение Сартра (субъективность - исходный пункт философского анализа). Антигуманизм Хайдеггера направлен на обоснование концепции мышления как разрешения трансцендентному бытию быть. По мнению Хайдеггера, эта установка не является ни атеистической, ни теистической. Зато она отрицает просвещенческий антропоцентризм ради определенных ценностей. Каких же? Ответить нелегко.

Хайдеггер обосновывает положение о дистанции между антигуманизмом и положительной оценкой нечеловеческих начал бытия. Этот постулат загадочен. Для разгадки надо учесть связь Хайдеггера с нацизмом и его крайне вялую реакцию на обвинения в этой связи. По крайней мере, призыв Хайдеггера «вслушаться в бытие» напоминает ламентации о послушании Божьей воле. Такие призывы подобны религии, поскольку согласуются с любой политической позицией. «Мыслить» в хайдеггеровском смысле слова трудно. В любом случае такое мышление не свободно от авторитарного соблазна. Достаточно объявиться новой группе посвященных и более развитых индивидов, которым доступно «истинное бытие».

На этот момент обратил внимание Ж.-Ф. Лиотар в книге «Хайдеггер и евреи»: «Нельзя исключить, что высказывание Хайдеггера о „внутренней истине и величии движения" не относится к нацистской партии. Однако повод для гадания на кофейной гуще остается. „Умственно отсталые люди" (по определению Хайдеггера) лишь затемняют и сводят к нулю аутентичную тревогу отчаянных по-

исков Хайдеггера. Именно эти поиски толкали германскую нацию в 1930-е гг. в направлении „окончательного решения" 38, в котором отразилась „специфика" германской нации. Нацистское движение выросло из невыносимой тревоги перед лицом небытия. По убеждению Хайдеггера, это движение нуждалось в руководящем „знании", которое и помогло принять решение»39.

Конечно, руководящее знание Хайдеггера настолько темно, что вряд ли подходит для выполнения приказов фюрера. Однако Л. Альтюссер показал, что на гуманистической философии лежит своя доля исторической ответственности за злодеяния сталинизма, который был последовательной формой гуманизма40. Тем самым политические следствия марксизма и фашизма совпадают. И потому тезис Хайдеггера - гуманизм не является единственной философией, одухотворяющей человеческие отношения, - заслуживает серьезного анализа.

Структурная лингвистика - другой источник антигуманизма. Ф. Соссюр обосновал различие языка и речи. Язык есть система знаковых форм. Речь - это «...фактическое произнесение слов и языковое действие, которое возможно благодаря языку» 41. Это различие позволяет отвергнуть ходячее представление: слова обладают смыслами (значениями) на основании сознательных интенцио-нальных актов или особой психической ассоциации субъекта. На самом деле высказывания зависят от определенной предзаданной системы знаков. Отсюда вытекает случайность и произвол любой связи знака и значения.

В разных языках используются разные знаки для фиксации одних и тех же смыслов. Разграничение смыслов понятий тоже зависит от специфики языков. Этим объясняются трудности адекватного перевода с одного языка на другой (включая феномен непереводимости). Смыслы

слов меняются по мере эволюции языков: « Значения базируются на дифференцирующих реакциях, которые имеют место в системе форм (знаков), образующих язык в данный момент времени. У знака нет никакого неизменного и конечного ядра смысла. Поэтому знак есть реляционный объект, существующий во взаимосвязях с другими знаками. Различие элементов - единственное существенное свойство языка (кода)» 42. Главный вывод Соссюра - субъект речи не является центром конститутирования лингвистических значений (смыслов). Это положение распространяется и на субъект познания и сознания.

Идея децентрации субъекта воплотилась во многих концепциях социогуманитарного знания, в которых развиваются идеи структурной лингвистики. Социальные структуры не являются продуктами сознательного действия человеческих субъектов. Социальные структуры - это сложные системы, которые первичны по отношению к субъектам и развиваются по собственным правилам. К таким правилам относятся способы производства (К. Маркс), образы жизни (М. Вебер), константы бессознательного (З. Фрейд), системы родства (К. Леви-Стросс) и т. д.

Структурная антропология К. Леви-Стросса - показательный пример указанного подхода. Леви-Стросс заимствовал главные идеи у Ф. Соссюра и Р. Якобсона. Под влиянием структурной антропологии в разных странах сложилось целое поколение исследователей общества и культуры 43. Леви-Стросс анализирует общества и культуры как системы отношений родства и свойства. Его анализ репрезентативен для структуралистского метода в целом. Системы отношений базируются на различиях элементов. Бессмысленно приписывать сознательные намерения субъектам социальных действий. Поэтому все варианты философии истории отвергаются: « Своеобразие этнологии

связано с бессознательным характером коллективных явлений» 44. Люди соблюдают правила языка, обычаи и ритуалы, хотя в них нет смысла и возможности сознательного выбора. Марксистский структурализм Л. Альтюссера - еще один пример антигуманистической ориентации 45.

И все же самая интересная антигуманистическая концепция разработана М. Фуко. Он не считал себя структуралистом и развивался под влиянием Ницше, Хайдеггера и Дюмезиля. Однако все работы Фуко посвящены критике субъекта. В исторических исследованиях он описал происхождение формы рациональности западной культуры. «История безумия в классическую эпоху» показывает генезис нового отношения к безумию как противоположности разума. Исследуется связь ценностей, новых способов ухода за больными (направление в дом сумасшедших, терапия, промывка кишечника, водолечение, смиренная рубашка) и новых форм знания и дискурса. Современная психиатрия - кульминация данных новшеств: «То, что мы называем практикой психиатрии, есть определенная тактика нравственного воздействия, возникшая в конце XVIII в., сохранившаяся в ритуалах и образе жизни психиатрической лечебницы и скрытая под наложившимися на нее мифами позитивизма» 46. Фуко описал также развитие медицины во взаимосвязи с рождением клиники и появление криминологии как научного прикрытия тюрьмы.

Генезис гуманитарного знания - следствие беспрецедентной экспансии средств надзора. Они используются государством и негосударственными институтами: «Дисциплина создает подчиняющиеся и дрессированные тела, тела „податливые"» 47. «Паноптикум» Бентама - архитектурное воплощение власти надзора. Он спроектирован так, чтобы надзиратель постоянно видел заключен-

ных при одновременном исключении зрительного контакта между обитателями камер. Паноптикум - это пример «организации пространственных единиц с целью возбуждения в заключенном сознательного и постоянного предрассудка (убеждения) в том, что тебя видят, который дает гарантию автоматического функционирования власти»⁴⁸. Дисциплина выступает в форме «дисциплины-блокады», выполняющей негативные функции «сдерживания зла, разрыва контактов, отсрочки во времени»⁴⁹. После классической эпохи XVIII века власть надзора приобрела форму «всеобщего надзора». Но теперь он направлен на позитивные социальные результаты для повышения производительности труда.

Итак, современный разум неотделим от институтов и практик надзирательной власти. Нетрудно увидеть сходство концепции Фуко с теорией рационализации западного общества и культуры М. Вебера и роковой диалектикой Просвещения в интерпретации Франкфуртской школы. Отличие Фуко от указанных теоретических схем и его оригинальность определяются бескомпромиссным антигуманизмом. Он зафиксировал прерывность форм дискурса и призвал освободиться от «гуманистического яда» в науках о человеке. Гуманистическая (буржуазная) теория общества рассматривает субъекта как нечто данное. Между тем эта данность сама нуждается в объяснении. Необходим анализ, «... который может осознать (дать себе отчет) вопрос конституирования субъекта в рамках исторической ткани... Речь идет о такой форме познания, которая осознавала бы конституирование знания, дискурсов, предметных сфер и т. д. без необходимости обращения к субъекту»⁵⁰.

Эта цель - главная для Фуко. Анализ институтов современной эпохи завершается выводом: субъект и все его воплощения есть извращенные и несамостоятельные про-

дукты стратегий, которые обслуживают мощные производительные силы. Одновременно Фуко ничего не пишет о макросубъектах гегелевской и марксистской философии истории. Он фиксирует прерывности и разломы исторических трансформаций. Ни одна из них не смогла преодолеть влияние традиций, развития и эволюции. Поэтому настоящие социальные преобразования еще и не начинались. Для аргументации этого вывода Фуко применяет ницшевскую генеалогию морали для анализа институтов и дискурсов. Генеолог обязан изучать их корни таким образом, чтобы обнаружить голую борьбу за власть как основание всех институтов и дискурсов. Исторические изменения непоследовательны именно потому, что вдохновляются волей к власти, а не замыслами и целями. Генеалогический анализ истории предполагает «... регистрацию единичных событий изолированно от любой единообразной целенаправленности. Генеолог должен теоретически закреплять действительный разброс происходящих событий»⁵¹.

Концепции типа гегельянства, марксизма и т. д. стремятся втиснуть разные исторические события в одну объяснительную схему. Все они квалифицируются Фуко как тотализирующие теории, оправдывающие господство. Концепт многообразного разнообразия жизни как органической (организованной) целостности есть стратегия власти. Он способствует воспроизводству власти, если даже разрабатывается критически мыслящими интеллектуалами и борцами за социализм. Об этом свидетельствует опыт бюрократического государственного социализма в СССР. Эксперты-интеллектуалы используют тотализирующие теории для оправдания и осуществления собственной власти одновременно.

Фуко требует изменения социальной роли теории. Теория не обязана обслуживать авторитарную власть. Но и

сама должна освободиться от существующих в ней авторитарных тенденций. Социальная и политическая теория должна быть локальной и региональной практикой. Таких практик много. Поэтому должно существовать множество теорий вместо одной. Роль интеллектуалов тоже должна измениться: «Роль интеллектуала уже не сводится к тому, чтобы стоять впереди или сбоку для высказывания обществу подавляемой истины. Интеллектуал обязан соперничать с любыми формами власти, которые преобразуют его в собственный субъект и средство знания, истины, сознания и дискурса» 52. Интеллектуалы не должны выдвигаться вперед в качестве представителей народа или авангарда пролетариата. Сама претензия говорить от имени других является позорной.

Ж. Деррида тоже развивает идеи позднего Хайдеггера. Он создал программу критической деконструкции форм дискурса, типичных для рациональности Запада. Деррида вышел на международную философскую сцену в 1967 г., опубликовав три книги одновременно - «Голос феномена», «Грамматология» и «Письмо и различие». Деррида разрабатывает понятие деконструкции на основе противопоставления феноменологии Гуссерля, которая направлена против редукционистской рациональности Просвещения: «Гуссерль надеялся на то, что непредвзятое описание сущностных структур опыта конституирует новую строго научную философию. Она станет аподиктическим основанием эмпирических наук и одновременно преодолет их объективистскую тенденцию. Эта тенденция уже привела к катастрофическому культурному падению конституирующей роли субъективности» 53.

Феноменологический метод описывает содержание сознания, абстрагируясь от вопроса об эмпирическом существовании объектов сознания: «Гуссерль полагал, что с

помощью *epoché* или вынесения за скобки тезиса о том, что опыт отражает действительность, можно провести различие существенного и эмпирического (содержания и предмета представлений) в любом опыте» 54. Деррида согласен с трансцендентализмом Гуссерля в ответ на вызов позитивистской науки. Но феноменологический проект так и не был реализован. Для решения этой задачи Деррида предлагает структуралистское преобразование феноменологии, применяя ту же процедуру по отношению к аналитическим аргументам витгенштейновской философии языка. Деррида пролагает путь от значения (субъекта речи) к знаку (анонимной системе языка). Тем самым антигуманизм направляется против ядра метафизики.

Первая цель критики Деррида - метафизика присутствия, которая воплощена в феноменологии Гуссерля. Эта метафизика рассматривает значения (содержание сознания) как сущностно независимые от укорененности в языке. В феноменологии язык считается знаком репрезентации и передачи значений. А существенными полагаются акты смысловой интенции и чистые значения - интенциональные и интроспективные данные. Знак - чисто случайный (произвольный) носитель мысли. По мнению Деррида, такой подход не в состоянии постичь квазитрансцендентальную роль знака. Это объясняется фоно-центризмом культурной традиции Запада - господством устной речи над писаной.

Гуссерль тоже не свободен от этой традиции. Он придавал главную роль непосредственному присутствию речи за счет письма. «Однако мимолетная ясность и чистота голоса и звука благоприятствует тому, что слова проглатывают значения. Гуссерль „платонизировал" значение. Деррида стремится обнаружить неразрывность интеллигибельной системы и знакового субстрата ее выражения,

описывая при этом трансцендентальный примат знака над смыслом. Речь отличается непосредственностью. В отличие от речи письмо отрывает любой произвольный текст от контекста его появления» 55. Иначе говоря, письмо показывает, что значение не требует присутствия субъекта. Письмо возникает на базе системы знаковых оппозиций. Эта система образует язык как основу значений. Если указанные свойства письма открыты, то их можно обнаружить и в других формах мышления и дискурса. Любое применение языка включает репрезентацию и потому есть частный случай общего смысла письма.

Согласно Деррида, любой акт репрезентации есть познание тождества, различия и контекста времени. Репрезентация - это нередуцируемая взаимозависимость различия и расстояния (промежутка времени, дистанции): «Наличный в данный момент времени опыт возможен на основе акта репрезентации, а наблюдение - на основе познавательной реконструкции. Значит, различие отрезков времени, т. е. элемент разности, неизбежно присутствует в спонтанности любого мгновения. На горизонте указанного мнимого абсолютного присутствия маячит различие во времени и совершенно иное. Этот комплекс Деррида определяет как пассивное различие или дистанцию производства различий» 56.

Итак, любая репрезентация скрывает различия и промежутки времени. Для их определения Деррида применяет неологизм *differance* 57. Данное свойство репрезентации показывает, что письмо не обладает строго определенным смыслом. Оно не имеет отношения к первичному смыслу, который имел в виду автор текста и устного высказывания. Интерпретатор отбрасывает герменевтическую надежду на приближение к истинному смыслу текста. Текст - это потенциальная бесконечность контекстов

и интерпретаторов. Он порождает репродукцию - бесконечный разброс и умножение смыслов: «Репродукция - это неизбежное продуктивное множество» 58. Она подрывает любые устойчивые моменты интерпретации и культивирует бесконечную многозначность: «Смысл всегда ускользает от любого единообразного и сознательного человеческого понимания. В письменном языке содержится возможность бесконечной репродукции смыслов - неограниченного множества новых контекстов и интерпретаций» 59. Мышление - это бесконечное число различий.

Из концепции Деррида вытекает особая критическая практика деконструкции. Она направлена против метафизики присутствия в целом и системы Гегеля - в первую очередь. Деконструкция - это средство выхода за пределы бытия в целом и налично данного бытия в особенности: «Определение разности - это прежде всего граница, разрыв и ликвидация гегелевского понятия снятия во всей его системе, во всех ее интерпретациях и практических приложениях данной системы» 60. Гегелевская диалектика стремится к синтезу, который включает и нейтрализует противоположности. По мнению Деррида, такой синтез никогда не достигим. Вопреки Гегелю, напряженность и конфликт - главная характеристика понятийных оппозиций. Они конституируют метафизическое и политическое мышление Запада как множество определенных иерархий насилия - один член оппозиции всегда стоит выше и господствует над другим.

Оппозиции сознания-тела, мужского-женского, разума-чувства, тождества-различия конституируют мышление Запада и являются главным объектом атаки Деррида. Для этого используется стратегия внутренней и внешней критики: «Внутренняя критика всегда действует на определенной территории и никогда не покидает ее. Она ис-

пользует имплицитное содержание основных понятий и первичных проблем для их радикального преобразования. Внешняя критика - это постоянное изменение внешней территории боевых действий для навязывания противнику своей воли. Она предполагает абсолютный разрыв с данными понятиями и проблемами. Конечно, невозможно полностью порвать все связи с дихотомиями западной метафизики. Но в той же степени невозможен синтез в гегелевском смысле слова. Деконструкция предполагает бесконечный анализ. Он необходим для предотвращения двух угроз: тривиальной нейтрализации двоичных оппозиций метафизики; расположения мысли в замкнутом пространстве данных оппозиций, что означает согласие с ними»⁶¹.

Кроме деконструкции иерархий насилия в западной метафизике надо похерить все иерархии западной политической мысли: « Деконструкция противостоит языковой политике, которая под маской мнимой нейтральности теоретических дискурсов скрывает остракизм, репрессии, маргинализацию и ассимиляцию. Деконструкция не сводится к языку. Ее надо применить ко всем социальным и политическим институтам и жизни общества в целом без исключения. Деконструкция выражает голос иного в западном рационализме. Она противостоит совокупному насилию над природой, людьми и другими народами. Выступает от имени того, что не помещается в европейских схемах мысли и действия. И требует предоставить иное его собственной участи» ⁶².

Концепция Деррида повлияла на французских теоретиков постмодернизма и феминизма. Она применяется при разработке программы антиавторитарного социализма «... как определенной структуры, а не власти, сосредоточенной в одном центре. С точки зрения такого социа-

лизма единство не связано с организованным авторитарным движением. Оно означает артикуляцию многообразного дифференцированного множества» 63. Сам Деррида выступает против колониализма, за феминизм и отказ от поисков недостижимой истины. Такой отказ - проявление политического радикализма. Пример - роль Нельсона Манделы в борьбе с апартеидом.

Деррида не выработал конструктивную политическую позицию. Он отрицает систематическое теоретизирование. Его суждения на политические темы ироничны и сопровождаются репликой: «Все политические языки и термины по-прежнему метафизичны в фундаментальном смысле слова» 64. Деррида отвергает активное участие в социальной жизни, поскольку оно невозможно без четкой позиции и одобрения (отрицания) определенных ценностей. Он предлагает роль скептического наблюдателя и критика, которая в конечном счете равнозначна признанию существующего социального и политического порядка.

7.5. Всеобщий демонтаж

Антигуманистическая критика субъекта - это массированная атака на основные категории политической мысли и практики Запада. Под сомнение ставится все. Отвергаются господствующие формы экономики и власти - капиталистическая рационализация экономики и бюрократическая рационализация государства. Высмеиваются философско-политические предпосылки сопротивления данным социальным и политическим формам. Марксизм и экзистенциализм рассматриваются как модификации такого гуманизма, который привел к уничтожению десятков миллионов людей. Традиция Просвещения и после-

довательные варианты ее критики считаются одинаково ответственными за позорные события новейшей истории Европы - от империалистических войн и геноцида до Гулага и Холокоста. Только радикальная критика есть средство освобождения от проекта современности. Он уже не в состоянии скрыть свои постыдные тайны. Западная цивилизация погрузилась в катастрофу. Все возможные роли и движения в просвещенческой игре исполнены.

Постмодернизм предлагает последнюю попытку отбросить фатальный комплекс истории Запада. Антигуманизм потряс основания западной политической мысли. Поздний Хайдеггер разработал концепцию демонтажа метафизики, а Деррида ее реализовал в постулате о деконструкции. Тем самым фундаментальные понятия современности рушатся. Ж.-Ф. Лиотар - яркий представитель постмодернизма - продолжает работу разложения. На протяжении профессиональной карьеры он занимал разные политические позиции - от неомарксизма через спонтанный анархизм до скептического консерватизма. Его интерес к проблеме справедливости выразился в попытке отчитаться на тему о состоянии постмодерна. По мнению Лиотара, современная эпоха отличается доверием к метадискурсам или метанарративам, которые легитимизируют одновременно науку и государство: « Первое и второе вытекает из одной перспективы или ... из одного и того же „выбора“, который зовется „ Запад“... Метадискурсы выступают в формах . диалектики Духа, герменевтики смысла, эмансипации разумного субъекта или трудящегося, роста богатства и т. п.»⁶⁵.

Лиотар выделяет два типа постпросвещенческой мысли: дискурс об эмансипации (который имплицитно содержится в современной науке и в политике Французской революции) и спекулятивный дискурс Гегеля. Вера в эти ме-

танарративы зашаталась после радикальных изменений общества и культуры в XX в. Постиндустриальное общество - это господство такого способа производства, при котором главная роль принадлежит знанию и информационным технологиям. Культура постмодерна - культурный и интеллектуальный эквивалент данной формы общества. Эта культура уже не верит в метадискурсы. Но в результате стечения обстоятельств отбрасывание легитимности современного разума стало следствием требования легитимизации как специфического продукта современности.

Из этих посылок Лиотар извлекает скептические и антиавторитарные выводы. В настоящее время невозможно искусственно соединить и гомогенизировать общество с помощью большой теории. Современное общество воплощает не ньютоновскую механику, а множество гетерогенных языковых игр и фрагментарной институционализации. Оно состоит из кругов обобществления, подчиненных прагматике языковых частиц. Теория консенсуса Ха-бермаса игнорирует разнообразие языковых игр и сводит их к единству, основанному на насилии: «Консенсус стал устарелой ценностью, он подозрителен» 66. Только гетерогенные социокультурные формы сопротивляются духу эффективности - редукции общества к системе с эффективным соотношением входа и выхода. Но время всякой стабильности истекло. Вполне можно обойтись временными и локальными консенсусами и договорами. Любые ностальгические пережитки большой теории опасны. За них приходится расплачиваться террором и эффективностью путем исключения (или его угрозы) партнера из игры. Модернизм - союзник постмодернизма в войне с тотальностью. Но лишь в той мере, в которой отвергает правила поведения, художественного изображения и теоретического нарратива. Так понятый постмодерн является не

концом модерна, а модернизмом, постоянно присутствующим, причем такое состояние является постоянным.

Критика - главный элемент постмодернистского анализа современного общества. Она есть ответ на катастрофы истории XX века. Тоталитаризм реализовал все следствия большой политической теории, в том числе стремление согласовать социальную жизнь с волей народа и целью социалистической утопии. Поэтому любые формы дискурса надо демонтировать. Политический дискурс воплощает стремление к тоталитарному господству над разнообразием. Взамен постмодернизм предлагает множество позиций субъекта. Всякие декларации политиков подозрительны. Еще большего недоверия заслуживают эксперты-интеллектуалы. Специалисты в области демократических процедур и условий волеизъявления общества тоже врут. Всякое рационалистическое сведение иного к тождеству и единству угрожает человеческой идентичности.

Крайне трудно извлечь из постмодернизма какую-либо конструктивную политическую мысль. Например, Лиотар вещает, что «... нужно идти к идее и практике справедливости, которая не была бы привязана к консенсусу» 67. Однако эта декларация никуда не ведет, кроме мутных рассуждений о пользе различия, разнообразия, локальности, временности и т. п. Другие авторы пытаются уточнить постмодернистский образ политики и критикуют коллективистский идеал социализма и феминизма: «Стремление к взаимной идентификации в социальных отношениях связано с сектантством, шовинизмом и расизмом. А тяга к единству и гармонии с социальным целым продуцирует барьеры, дихотомии и исключения» 68. Ж. Бодрийяр разрабатывает политическую экономию знака и дает ситуационный анализ общества как зрелища. Но из его работ тоже нельзя извлечь конструктивную концепцию политики 69.

Возникает вопрос: действительно ли постмодернизм противостоит универсальным категориям эксплуатации и насилия и универсальным идеалам свободы, равенства и братства? Инвективы Лиотара по адресу критической теории неубедительны. В частности, поиск локального и временного консенсуса не противоречит концепции Хабер-маса. Наоборот, Хабермас полагает истинный консенсус таким состоянием, которое следует лишь антиципировать (ожидать). Достичь его можно только в идеальном и свободном от властных злоупотреблений дискурсе, при котором все вопросы решаются на основе необъяснимой силы аргументов. Но воплотить такой дискурс крайне трудно. Даже если бы он был реализован, невозможно было бы знать, что достигнут идеал дискурса. Ведь фактические соглашения всегда носят временный характер и постоянно пересматриваются. Иначе говоря, Хабермас отмечает невозможность воплощения истинного консенсуса. И если он прав, то эта невозможность образует основание любого понятия истины. Без нее нельзя обойтись при любом противодействии любым извращенным и навязанным консенсусам.

Итак, выводы постмодернизма чисто негативные. Он декларирует разнородность культур и образов жизни. Но разве такая декларация возможна без опоры на определенный комплекс ценностей, обосновывающих защиту разнородности? Нельзя исключать, что у постмодернистов есть молчаливые морально-аксиологические предпосылки, включая справедливость. Но можно ли сформулировать концепцию справедливости без нарушения критических принципов постмодернизма? На этот вопрос нельзя ответить без опыта политической практики. Например, участие в политической борьбе на стороне наших товарищей нарушает постмодернистскую истину об ином.

Если с нею согласиться, никто ни с кем не должен находиться в теплых человеческих отношениях. Ведь они невозможны без определенного подобия людей друг другу. Если же вслед за постмодернистами впасть в политический скепсис и апатию, этот выбор равносителен консерватизму. Всякое невмешательство в политику ведет к явному или скрытому одобрению статус-кво.

Короче говоря, невозможно обнаружить последовательность и новизну в постмодернистской писанине. Например, М. Оакшотт уже в начале 1960-х гг. направил критику рационализма в политике против либералов и марксистов одновременно. Рекомендация Оакшотта слушать «голос традиции» не отличается от хайдеггеровской рекомендации «внимать жизни». Однако Оакшотт был и останется последовательным консерватором, в отличие от постмодернистов, продолжающих «чесать похоть» (если применить язык героев В. М. Шукшина) в сфере идей...

Конечно, «всемирно-исторический возраст» библейского Мафусаила и немецкого профессора Гегеля несравним. Зато последний сильно укрепил привычку культивировать идейную похоть. Если считать от года выхода «Феноменологии духа» (кажется, 1807 г.), то вскоре придется праздновать двухсотлетний юбилей этой «архиинтересной штучки». И все равно придется еще скрипеть 730 лет, чтобы дотянуть до возраста Мафусаила...

7.6. Сомнительная неизбежность

Я признаюсь в несвободе от «нарративного единства и логики». И констатирую: на протяжении последней трети XX в. над КФ довлеет полемика критических марксистов

с постмодернистами. Не исключено, что она отомрет сама собой. По крайней мере, результаты постмодернистской критики не вышли за пределы главных направлений континентальной постпросвещенческой мысли. Поэтому спор модернизма с постмодернизмом можно рассматривать в категориях критической теории.

Но здесь возникает неудобная дилемма. В настоящее время существует острая потребность в выработке принципов политической критики и участия. Особенно от имени тех, кто начал или еще не приступал к культивированию политических ценностей современности (страны бывшего «советского блока» и развивающиеся страны). С другой стороны, нельзя отрицать правоту постмодернистов: политика как вера уже невозможна. Конечная польза от политической практики XX века ничтожна. Зато вред превзошел все предсказания и ожидания. Значит, участие в политике по-прежнему необходимо. Но успех такого предприятия все более сомнителен.

Под таким углом зрения можно рассматривать и политические трансформации в странах бывшего «советского блока», включая Россию. Для этого основные идеи и проблемы аналитических дисциплин, описанные в книге, надо свести воедино в целях конкретизации исходных положений ПК, указанных во введении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Метафизические начала естествознания. М.: Мысль, 1999. С. 959.
- 2 Taylor C. Hegel. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1975. P. 4.

- 3 Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц, 1998. С. 212.
- 4 Там же. С. 212 - 213.
- 5 Keane J. Public Life and Late Capitalism. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1984. P. 254.
- 6 Гегель. Феноменология духа // Гегель. Сочинения. Т. 4. М., 1959. С. 315 - 316.
- 7 Там же. С. 317 - 318.
- 8 Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 73.
- 9 См.: Макаренко В. П. Марксизм: идея и власть. Ростов н/Д.: бизд-во РГУ, 1992. С. 102 - 142.
- 10 Lukes S. Marxism and Morality. Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 179.
- 11 Marcuse H. Philosophy and Critical Theory // Negations. Harmondsworth: Penguin Books, 1968. P. 155.
- 12 Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 108.
- 13 Habermas J. Op. cit. P. 110.
- 14 Connerton P. The Tragedy of Enlightenment. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1980. P. 102.
- 15 Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologic». Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1968. S. 56.
- 16 Habermas J. Knowledge and Human Interests. London: Heine-mann, 1972. P. 313.
- 17 Habermas J. Op. cit. 3. 310.
- 18 McCarthy T. The Critical Theory of Jurgen Habermas. London: Hutchinson, 1978. P. 7.
- 19 McCarthy T. Op. cit. P. 288.
- 20 Дупелек - мера спиртного в Германии, не превышающая тридцати грамм. Если к ним прибавить литра три пива - дискурс продолжается до бесконечности... Причем без перехода в драку!

- 21 Benhabib S., Dallmayr F. The Communicative Ethics Controversy. Cambridge, Mass., London: MIT Press, 1990. P. 198.
- 22 Rohde P. Kierkegaard. London: Allen & Unwin, 1959. P. 31.
- 23 Blackham H. Six Existentialist Thinkers. London: Routledge & KeganPaul, 1961. P. 8.
- 24 ЮмД. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: МЫСЛЬ, 1966. С. 134 - 135.
- 25 Rohde P. Op. cit. R 102.
- 26 Blackham H. Op. cit. P. 9.
- 27 Kaufmann W. Nietzsche. Princeton, New York: Princeton University Press, 1974. P. 147.
- 28 Kaufmann W. Op. cit. P. 418.
- 29 Ibid. R 303.
- 30 См.: Ansell-Pearson K. Nitzsche contra Rousseau. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- 31 Macquarrie J. Martin Heidegger. London, Lutterworth Press, 1968. P. 5.
- 32 Macquarrie J. Op. cit. R 8.
- 33 Poster M. Sartre's Marxism. London: Pluto Press, 1979. P. 43.
- 34 Gatens M. Feminism and Philosophy. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 56.
- 35 Gatens M. Op. cit. P. 56 - 57.
36. Marcuse H. Studies in Critical Philosophy. Boston: Beacon Press, 1973. P. 174.
- 37 Heidegger M. Basic Writing. New York: Harper Collins, 1977. P 185.
- 38 В немецко-фашистском жаргоне под « окончательным решением» имелось в виду создание концлагерей и полное уничтожение евреев.
- 39 Lyotard J.-F. Heidegger and «the Jews». Minneapolis: University of Minnesota Press, 1990. P. 64.
- 40 См.: Althusser L. Essays in Self-criticism. London: New Left Boob, 1976.

- 41 Culler J. Saussure. London: Fontana/Collins, 1976. P. 29.
- 42 Culler J. Op. cit. P. 36.
- 43 Например, в бывшем СССР «московско-тартусская школа» Ю. Лотмана развивала аналогичные идеи, хотя базировалась преимущественно на филологических основаниях.
- 44 Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 25.
- 45 См.: Anderson P. In the Tracks of Historical Materialism. London: Verso, 1983.
- 46 Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 497 - 498.
- 47 Foucault M. Nadzorowac i karac. Warszawa: Aleteia-Spacia, 1993. S. 164.
- 48 Фуко М. Указ. соч. С. 241.
- 49 Фуко М. Там же. С. 251.
- 50 Foucault M. Power, Truth, Strategy. Sydney: Feral Publications, 1979. P. 35.
- 51 Rabinow P. (ed.). The Foucault Reader. New York: Pantheon Books, 1984. P. 81.
- 52 Foucault M. Language, Counter-Memory, Practice. New York: Cornell University Press, 1977. P. 208.
- 53 Dews P. Logics of Disintegration. London and New York: Verso, 1987. P. 6.
- 54 Dews P. Op. cit. R 5.
- 55 Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity. P. 165.
- 56 Habermas J. Op. cit. P. 174 - 175.
- 57 Разность (#.).
- 58 Derrida J. Positions. Chicago: Chicago University Press, 1981. P. 45.
- 59 McCarthy T. The politics of the ineffable: Derrida's deconstructionism// Philosophical Forum, 1989 - 90, №21. P. 148.

TMDerrida J. Op. cit. P. 41.

61 McCarthy T. Op. cit. P. 152.

62 Ibid. P. 153.

63 Ryan M. Marxism and Deconstruction. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1992. P. 215.

64 McCarthy T. Op. cit. P. 157.

ЪЛшппарЖ.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 28, 10.

^ЛгштарЖ.-Ф. Указ. соч. С. 157.

67 Там же, с. 157.

68 Young I. M. Justice and the Politics of Difference. Princeton: New York, Princeton University Press, 1993. P. 301.

69 См.: Baudrillard J. Selected Writing. Cambridge: Polity Press, 1988.

ИДЕИ и проблемы . Вместо заключения

При чтении книги надо постоянно иметь в виду, что в советское время социальные науки подвергались жесткому идеологическому диктату, а политической философии вообще не было. Всякий контакт с западными коллегами, разрабатывающими проблемы политической философии, был исключен. И хотя на протяжении последнего десятилетия ситуация стала меняться, она во многом остается прежней. « Коммунистическая утопия, - отмечает Э. Ю. Соловьев, - лишилась доверия, но категории и объяснительные схемы исторического материализма по-прежнему владеют умами. Даже в эталонно-демократических текстах за понятием „ идеология" сохраняется кондовый ленинско-сталинский смысл. По-прежнему толкуют о „ научной идеологии", об „ идеологической работе", об „ идеологическом вооружении" правового государства. По-прежнему дают заказы „на разработку" передовой идеологии, способной одушевить всех тоскующих россиян»¹. Эта тенденция соответствует свойствам российского логического менталитета - стремлению к многозначности и отказу от непротиворечивости при описании действительности. Такая «логика» не поддается разумному объяснению,

поскольку оперирует не понятиями и высказываниями, а объектами, не имеющими логического статуса².

Нетрудно понять, что указанные тенденции лишь усиливаются в процессе взаимодействия современной российской философии с той традицией европейской философии, которая описана в последней главе. В этом смысле методологический выбор был и остается предзаданным множеством постгегелевских ориентации, сложившихся в ходе реакции на Просвещение. Суммируем некоторые важные моменты этой «традиции наоборот».

АФ развивает главные посылки Просвещения. Остальные направления современной европейской философии - варианты постгегельянства. К числу его представителей относятся марксизм, неомарксизм, экзистенциализм, ницшеанство, феноменология, структурализм, постмодернизм. Для них характерны критика Просвещения и акцентирование культурно-исторической обусловленности мышления. Показателен и тот факт, что в течение последнего десятилетия влияние данных направлений на духовно-теоретическую ситуацию в России не идет ни в какое сравнение с освоением АФ.

Присмотримся еще раз к методологической альтернативе. Просвещение - это эпоха социокультурных преобразований на основе принципов разума и трансформация социальной и культурной жизни Европы на протяжении последних трехсот лет. В этом процессе было разрушено аристотелевское и средневековое мировоззрение, переосмыслена природа знания и создана новая концепция знания. Современный мир окончательно «расколдован», лишен всякого религиозного и морального смысла. Зато создан ряд обоснований бытия ценностей (мораль, разум, чувство, произвол). Каждое из них не является абсолютным и оспаривается.

Ситуация честная, но неуютная. Не все могут ее вынести. Значительно легче усвоить и культивировать убеждение о ложности принципов Просвещения, поскольку индивиды формируются в разных обществах и культурах. Для обоснования такого убеждения Гегель создал синтез философских знаний и заложил основы особой традиции европейской философии. Она может быть выражена постулатом: нет никаких универсальных принципов морали и политики, за исключением «диалектики». Тем самым шансы позитивного развития философии путем применения ее методов для анализа объектов социокультурного мира были ослаблены. Влияние Гегеля охватывает все направления европейской философии, за исключением АФ.

В частности, современный марксизм есть синтез ортодоксального и критического. Неомарксисты продолжают критиковать сциентизм, научный социализм, демократический централизм, экономизм, позитивизм и социологизм. Одновременно они используют веберизм и фрейдизм для критики современного общества и общей констатации: абстрактное описание intersubъективных связей с господством ослабляет гражданское сопротивление и усиливает политическую апатию. Однако неомарксизм не является критичным, поскольку усматривает революционную способность только у тех, кто с ним согласен. Концепция Ю. Хабермаса - одна из версий кантовского трансцендентализма. Она прокламирует возврат к вневременной универсальной морали. Главная идея Хабермаса - идеальная коммуникация способствует достижению консенсуса - есть рафинированное обоснование экономического угнетения и политического насилия.

Экзистенциализм на словах отвергает Гегеля, а на деле ставит религиозную (и всякую другую) веру на основу субъективной истины личного опыта, онтологизирует сво-

боду, ограничивает разум и оправдывает индивидуальный и групповой произвол. Характерно, что многие сторонники экзистенциализма оправдывали религию, сталинизм, фашизм и колониализм. Из экзистенциализма нельзя вывести конструктивную концепцию политики.

Антигуманизм подорвал философский и политический статус субъекта, отбросил тотализирующие теории, понятия свободы выбора, индивидуальной и групповой аутентичности, показал случайность и произвол любой связи знака и значения. Разработаны также принципы анализа политики: современный разум неотделим от институтов надзора; борьба за власть - основание всех социальных и политических институтов и дискурсов; социальная и политическая теория должна быть локальной и региональной практикой сопротивления власти. Видимо, критика религиозного и светского гуманизма - продуктивный момент данного направления современной философии. Хотя споры по этому вопросу продолжаются.

Постмодернизм полагает критику легитимности современного разума следствием политической легитимизации современности. В политическом дискурсе воплощено тоталитарное господство над разнообразием; разработана концепция мышления как множества различий и принцип деконструкции; показано также, что современное метафизическое и политическое мышление есть комплекс иерархий насилия, для изменения которого культивируется внутренняя и внешняя критика. Но в постмодернизме тоже нет конструктивной концепции политики. Позиция скептического наблюдателя равнозначна признанию status quo. Постмодернистская критика тождественна главным направлениям постгегелевской мысли. Ничего, кроме «отупения и вечного терпения», на этом поле не соберешь...

Все указанные тенденции можно обнаружить в советской и современной российской философии и социальных науках, причем даже в творчестве ее наиболее талантливых представителей. Ни марксизм, ни экзистенциализм, ни постмодернизм не в состоянии осознать дилемму современности: участие в политике по-прежнему необходимо, но успех такого участия все более сомнителен.

АФ предлагает другую стратегию разработки проблем политической теории и практики. Эта стратегия предполагает осмотнительный и неторопливый синтез философских, экономических, социологических, политологических, правовых и исторических аспектов исследования для решения данной дилеммы. Попутная цель синтеза множества конкретных идей и проблем - выход за пределы главных направлений постгегелевской философии.

Философский анализ базируется на отбрасывании философского и социогуманитарного знания в той степени, в которой на его предмет, понятия, структуру и проблемы повлияли Руссо, Гердер, Гегель, Маркс, Кьеркегор, Ницше (и подобные им мыслители в других странах). Не менее важно отрицание всех стилей философской мысли, которые сложились под влиянием религии, политики, культуры и медицины (имеется в виду витгенштейновское понимание философии как духовной терапии). АПФ - это нормативное мышление о социальных и политических институтах, необходимых для политической деятельности, а также систематизация когнитивных и социокультурных барьеров рациональной критики и преобразования социальных и политических отношений и институтов.

В первой половине XX в. АФ не занималась политическими проблемами. Это объясняется квалификацией ценностей как ненаучной проблемы и определением фактов

как предмета эмпирических дисциплин, а не философии. В 1960 -е гг. начинается применение методов и концепций АФ для анализа политики. Формулируются три задачи: анализ ценностей свободы, равенства и демократии в их различных политических воплощениях; изучение взаимосвязи философии и экономики; познание корреляций комплексов ценностей с политическими институтами. В начале 1970-х гг. Д. Ролз разработал теорию справедливости для обоснования универсальных политических ценностей современного общества и связал ее с методом рефлексивного равновесия. Это - стратегия обоснования ПФ и нормативно-оценочного мышления в целом для установления принципов справедливой организации общества. Политические институты должны соответствовать принципам справедливости. Анализ ценностей есть поиск правильной политической позиции и не сводится к критике культуры. Политическая позиция базируется на методах рефлексивного равновесия и контракта. Если шансы пользы и успеха неизвестны, то индивидуальный выбор консервативен независимо от социальных структур. Каждый индивид выбирает самую высокую низкую пользу. Однако эта польза (материальное благосостояние, социальная карьера, престиж и т. п.) не оправдывают манипуляцию любым аспектом свободы.

Эти и другие выводы Ролза подвергнуты критике теоретиками рыночной экономики, феминизма, коммунитаризма и анархо-капитализма. Главный аргумент критики - невозможность реализации справедливости по следующим причинам: недоступность информации; раздел современного мира на государства, включенные в международные сети торговли, права и управления; тендерное неравенство и разделение публичной и приватной сфер; ложность идеалов свободы от ценностей и автономного

индивида; отсутствие конкретно-социологической информации обо всех фактах несправедливости; неисторичность, нереалистичность и тоталитарные тенденции указанной теории справедливости. Одновременно высказаны продуктивные идеи: все государства аморальны, поскольку налагают налоги, применяют физическое насилие и пользуются конституционной монополией на легитимное применение силы; государство как политический институт не является гарантом права и справедливости; свобода выбора - это ниспровержение всех государств, кроме минимального; задачи минимального государства - защита граждан от насилия, воровства и мошенничества; политика должна опираться на ценности локальных обществ, а не государств; ПФ должна разрабатываться на основе множества социологических теорий.

Новейшая история АПФ (1980 - 90-е гг.) - это реакция на теорию справедливости. Главный предмет спора - роль контракта в установлении справедливости. В зависимости от его оценки возникло деление на экономический и политический контрактualизм. Экономический контрактualизм сформулировал следующие положения относительно природы контракта: обоюдная польза сторон, интересы и убеждения которых сформировались до контракта; воплощение во взаимных уступках, от которых выигрывают обе стороны; отрицание обмена, при котором одна сторона влияет на другую. Политический контрактualизм базируется на других посылах: контракт обязателен для сторон; есть следствие обсуждения общих интересов; способен устоять в дискуссии; предполагает одобрение всего (или большинства) общества. Сформулированы также общие выводы: интеллект в политике значим больше, нежели в экономике; наиболее предпочтителен социальный порядок, который избран в результате

нейтрального диалога - ни один индивид и концепция блага не считаются хуже остальных.

Главные сферы исследования АПФ - политическое благо и политический выбор. Теория блага есть комплекс объективных требований, которым должны удовлетворять политические ценности. Теория выбора - это принципы классификации подходов к установлению политических институтов. Главные посылки теорий блага и выбора - универсальный персонализм и ценностный солипсизм. Политическое бытие - это конфликт политических институтов и индивидов. Персонализм - это принцип, согласно которому благо и зло людей зависят от политических институтов. Персонализм отрицает доминирование общих интересов и политических институтов (народов, обществ, государств и культур) над индивидуальными интересами. Судьбы людей не должны быть связанными с бытием государств и политических институтов. Политические ценности не зависят от критериев оценки. Институты должны соответствовать благу индивидов, а не наоборот. Равенство - главная ценность современности. Смысл политических институтов определяется их ценностью для индивидов. Отсюда вытекают следствия: политические институты не обладают наиндивидуальным смыслом; социальные привилегии индивидов не являются политической нормой; государство не является политическим благом; политическое благо - это применение принципа равенства в социальной и политической жизни.

Принцип нормативно-оценочного солипсизма - любая ценность может быть главной политической ценностью и критерием политической оценки. Существуют внесоци-альные (благосостояние, счастье, польза, негативная и позитивная свобода), социальные (культурная гармония, социальный порядок, политическая стабильность, правопо-

рядок) и промежуточные (активное и пассивное равенство) ценности. Внесоциальные ценности (польза, негативная свобода, личная автономия, благосостояние и пассивное равенство) есть главные политические блага, критерии политической оценки и основание политических дискуссий. Демократия, правопорядок и т. д. являются ценностями лишь в той мере, в которой они культивируют внесоциальные ценности. Отсюда вытекают не менее важные теоретические и политические следствия: свойства одинокого изолированного индивида - главный критерий политических ценностей; взаимная изоляция индивидов - социальная и политическая норма; политика - это доказательство большей ценности политических решений по сравнению с бытием множества индивидов; если таких доказательств нет, политика бессмысленна; социальные и промежуточные ценности надо отделить от государства и других политических институтов.

Для анализа данных следствий применяется различие консеквенциализма и деонтологизма, которое описывает отношение политического блага и политического выбора. Консеквенциализм полагает, что для обеспечения свободы можно и нужно применять репрессии. Деонтологизм считает, что обеспечение свободы может и должно обходиться без репрессий, для чего вводится различие обеспечения и уважения свободы. Любая ценность реализуема с помощью консеквенциалистской или деонтологической стратегии. Различие институционального обеспечения и уважения ценностей надо учитывать при анализе институтов. Государство и другие политические институты обязаны соблюдать ценности в первом и втором смысле слова. Однако в политическом бытии существует конфликт данных стратегий. Он не преодолен ни в одном государстве мира. При функционировании государства и других

политических институтов эффективный способ обеспечения ценностей всегда предполагает нарушение множества подзаконных актов. Поэтому административно-распорядительная деятельность государства и других политических институтов тоже лишена смысла.

Консеквенциализм и деонтологизм применяются также для классификации политических теорий современности. Политический выбор может определяться как достижение определенных ценностей и как решение, независимое от них. Это различие - основа теорий политического блага и политического выбора. Политическое благо есть решение субъекта о выборе определенной ценности в пространственно-временных обстоятельствах для ее практического воплощения. Однако в консеквенциализме нет теории соотношения средств и целей в условиях данного места и времени, а значение ценностей в политическом бытии отрицается. Деонтологизм не снимает ответственности с человека за любой выбор. Под этим углом зрения рассматриваются все политические взгляды, доктрины, государства и политические институты.

Проблема реализации выбора - центральная для нормативной экономической теории, которая разрабатывается в последние десятилетия и связана с переосмыслением традиционной концепции человеческих желаний. Приоритет в постановке данной проблемы принадлежит этике. АЭТ переосмыслила понятия привлекательности (аттракторов), оптимальности, общего блага, политической конкуренции и демократии. Комплекс данных понятий используется для описания возможности реализации выбора в различных социальных и политических системах, синтеза философского и экономического анализа политики и отбрасывания либеральной концепции индивидуального выбора.

В частности, понятие оптимальности Парето базируется на сравнении состояний мира и формулировке социальных и этических норм на основе консеквенциализма, персонализма и индивидуального выбора. Однако критерий Парето бесполезен при оценке практической политики. Существует два способа решения проблемы: определение оптимальности как положения вещей, которое не нуждается в улучшениях; ограничение оптимальности выбором основных правил социальной, экономической и политической игры. На этой основе возникла институциональная компаративистика - выдвижение альтернатив актуальным формам рынка и политики.

Сходство аттракторов с реализацией выбора включает этические нормы, аналитическую дистанцию между целями и предметами выбора, отрицание этического идеализма. В результате анализа сформулированы понятия горизонтальной справедливости и несправедливости. Все ныне существующие системы государственных налогов и налоговой политики исключают равенство и справедливость. Политические действия/программы/институты функционируют на основе индивидуального выбора и ведут к нежелательным последствиям. Все политические решения не являются лучшими из возможных. Политика - это лавка старьевщика, для изучения которой разработана и применяется теория подержанных вещей.

Однако рынок не противоположен равенству. Политические и экономические институты развивают социальный паразитизм. Рынок не является критерием истинности экономических и социальных теорий. Он базируется на традиции мышления, для которой категория явного выбора служит основополагающей. Рынок смешивает вкусы, желания, выборы и ценности. Функционирование рынка базируется на недоказанной посылке: в каждом его

звене оптимально сочетаются противоположные склонности. В результате действия индивидов освобождаются от этического контроля. Рынок культивирует этический нигилизм, который выражается в недостатках рынка. В рыночном обществе ни один индивид не может максимально реализовать собственные ценности по причине аналогичных стремлений других индивидов. Польза не является универсальным правилом человеческого поведения. Любой общий выбор социального порядка нарушает элементарные нормы человеческого поведения. Если польза считается главной социальной ценностью, большинство общества предпочитает стабильность, твердую власть, неравенство, несправедливость и мошенничество. При таких условиях общий выбор порождает множество непредвиденных последствий.

Современная экономика базируется на постулате экономии на добродетели. Он вытекает из двух принципов: люди никогда не поступают в соответствии с интересами общества; частный интерес - главный мотив человеческого действия. Экономисты и политики - главные сторонники экономии на добродетели. В результате демократические институты не решают проблему «уполномоченный - исполнитель». Для ее решения надо отбросить все концепции общего блага как независимого от интересов граждан, но зависимого от интересов государства. Политические институты государства обходят эту проблему. Однако равновесие и оптимальность рынка согласовать невозможно. В результате возникает трагедия общих благ. Неэффективность рынка - это бесконечное число версий дилеммы заключенного, предполагающее конкретно-социологические измерения. Нормативные соображения в пользу рынка при анализе проблемы общего блага не имеют смысла. Рациональность индивидуальных

действий в пользу общего блага при господстве рынка всегда проблематична.

Указанные закономерности отражаются в политике. Любая претензия правительства на выражение общего блага есть просвещенный деспотизм. Он всегда противостоит индивидуальным мотивациям и социальным институтам. При демократии роль правительства выполняют политические институты, которые отвергают этические нормы при принятии решений. В результате недостатки рынка отражаются в государственной политике. Общее благо не достижимо ни посредством рынка, ни с помощью государства.

Политическая конкуренция при демократии отличается следующими свойствами: связь общего выбора с политической формой; конструирование модели среднего избирателя, которая базируется на постулате: если позиции избирателей соответствуют одному спектру политических взглядов, то политическая конкуренция двух (или более) партий дает результаты, близкие к центру данного спектра; политическая конкуренция вынуждает партии двигаться к идеалу среднего избирателя; результаты выборов соответствуют модели среднего избирателя, они не являются оптимальными; партии отказываются от программных целей; в итоге возникает перманентная политическая нестабильность.

Демократия - это запрограммированная инерция политических процессов и институтов. Выборы порождают проблему нестабильного большинства, для решения которой надо ограничить индивидуальные политические выборы. Нестабильность - следствие политических процедур демократии, при которых избиратели голосуют за бесполезные и вредные для общества политические решения. Принцип большинства и ссылка на общие интересы насе-

ления в избирательных кампаниях потеряли смысл. Демократия не решает проблему общего блага. Вмешательство государства в рыночные процессы дискуссионно. Неэффективность рынка порождает аргументы в пользу вмешательства. Но эти аргументы не являются основательными, поскольку ограничены чистым видом общих благ. При любом вмешательстве государства в рынок обостряется проблема реализации выбора. Если экономическая активность государства становится элементом политики, всю совокупность решений в данной сфере надо анализировать с помощью описательной, а не нормативной модели политики.

Теория общего блага не дает адекватного описания обязанностей правительства. Альтернативная теория государства предполагает описание главных и побочных аспектов неэффективности правительств и аппаратов управления. В настоящее время в экономике используется негероическая теория человеческого поведения. Она стала элементом экономического дискурса и подменяет описание оценкой человеческого поведения. Следовательно, нельзя доверять постулатам и выводам либеральной экономической теории. Она не выполняет дескриптивной функции. А существующие социальные и политические институты воплощают идею о худшем из возможных социальных миров.

Для исследования этого социального мира применяются социологические методы. В частности, Дюркгейм полагал, что политические принципы и решения содержат оценки, выводимые из социологических описаний. Государство есть орган социальной мысли, в котором сосуществуют тенденции повышения социальной роли и ценности индивида (индивидуальная мораль развивается параллельно экспансии государства) и парадоксальной необходимости вторичных социальных групп (путем противодействия госаппарату они укрепляют власть государст-

ва). У государства есть две главные цели: защита граждан от власти вторичных социальных групп; создание условий и институтов для самореализации индивидов. Главные критерии различия форм правления - внимание правительства к общим делам и коммуникация между государством и обществом. Пределы свободы правительства постижимы путем гражданского участия в правительственных действиях. Эти свойства культивируются демократией и определяют ее моральный приоритет над другими формами правления.

Однако концепция Дюркгейма несвободна от ряда недостатков. Главные из них относятся к проблемам политических свойств, отношению морали и государства, отношению социальной структуры и морали. На самом деле вторичные социальные группы есть множество клик, свободных от обязанностей перед государством. Их существование не является необходимым условием государства. У Дюркгейма нет строгого определения критериев политического общества. Цели государства невозможно вывести из знания о том, чем оно реально занимается. Количественный и качественный рост государственных функций порождает множество абсурдных ситуаций. Функционирование государства порождает проблему классификации видов политического абсурда. Сильное государство не нужно для развития индивидуальной морали. Наоборот, стойкость индивидуальной морали проверяется отсутствием поддержки со стороны государства. Без социологических исследований трудно понять, оценить и улучшить социальную мораль.

Итак, Дюркгейм высказал ряд общих констатации: системы морали связаны с социальной организацией; существует морально-познавательное господство государства над данными системами; цели государства меняются

производив от связей морали с социальной организацией; социальные идеалы должны внедряться в поведение граждан. Но эти утверждения противостоят другим положениям Дюркгейма: социальная организация не формирует устойчивые моральные убеждения у членов общества; разные формы социальной организации обладают одной системой морали; ее причины различны и меняются в зависимости от общества. Предмет социологии - описание и понимание данных причин. Социология нужна для познания, оценки и улучшения социальной морали. Однако Дюркгейм обошел классический вопрос: улучшает ли социология социальную мораль?

Вебер предложил другой способ постановки вопроса. Факты и оценки логически различны. Социальная наука не создает нормативно-оценочных систем. Понимание фиксирует иллюзорность идеально-целеполагающей стороны человеческой деятельности. Государство - институционализированный аморализм, но и моральный руководитель общества. Территория не есть признак государства. Нормативно-оценочные системы невыводимы из социологических описаний феноменов бюрократизации социальной жизни и необходимости харизматического господства для демократии.

Однако веберовская концепция пренебрегает различием конструктивной и деструктивной харизмы, смешивает политическую инновацию и стагнацию с харизмой и бюрократией, не дает строгого определения политической инновации. На деле бюрократизация характерна не только для социалистических (как считал Вебер), но и для капиталистических стран. Политики не всегда стремятся, а бюрократия не всегда сопротивляется социальным изменениям. Нет этически нейтральных фактов и не существует класс успешно действующих менеджеров.

И все же Дюркгейм и Вебер поставили один и тот же вопрос: могут ли социологические методы и информация служить основанием выбора социальных и политических альтернатив? Дюркгейм отвечал на него положительно, Вебер - отрицательно. Если стоять на почве фактов, то социальные изменения XX в. (от революций до реформ) были делом лиц, в наименьшей степени способных их осуществить. Для предотвращения этой тенденции в первой трети XX в. в некоторых странах начало складываться взаимодействие социальных реформаторов и политиков с социологией и ПФ. ПФ выполняет функцию неявных посылок, принципов и постулатов философской аргументации. В этом контексте поставлены проблемы соотношения благ и социального контекста, социальности и нейтральности, аутентичного общества, тенденций и оценок. Процесс их изучения в 1980 - 90-е гг. показал, что методологический индивидуализм пренебрегает фоновыми убеждениями и практиками. Взаимопонимание - свойство общества в целом, а не его отдельных членов. Социальные блага несводимы к индивидуальным благам. Трактовка социальных благ как индивидуальных фиксирует их каузальную и логическую зависимость от социального контекста.

Согласно либеральному шаблону, политические институты свободны от детерминации конкурирующими сторонами, а идеал нейтрального государства воплощает определенные ценности. Такой подход порождает проблемы, которые не может решить либеральное государство. Нейтральность воплощает конфликт социальности и меры ее воплощения в политических институтах. Чувство социальной принадлежности, тождество индивида с обществом и социальной ролью - случайные характеристики индивида. Индивид обладает разными идентичностями при

достижении конкретных целей в пространственно-временных обстоятельствах, от которых зависит чувство социальной принадлежности. Если оно конституирует идентичность, различие случайных и необходимых свойств исчезает. Поэтому следует исходить из конфликта чувств социальной и государственной принадлежности.

Аутентичное общество - это мера независимости граждан от государства и воспроизводство общины на уровне политико-философской рефлексии. Для достойной жизни надо принимать участие в делах общества, а не государства. Социальные изменения, которые осуществляются недовольными индивидами, одновременно усиливают и уменьшают социальные чувства остальных членов общества. Общие цели и ценности возникают только в аутентичном обществе. Однако его бытие должно быть доказано методами, более достоверными по сравнению с психологией.

При выборе политических решений/программ/ценностей неявные посылки обычно не являются предметом эмпирических исследований. Это порождает бесконечную дискуссию о специфике современного общества, в которой смешиваются дескриптивные и нормативные аспекты поведения людей. Для преодоления данной дискуссии надо учитывать специфику суждений о тенденциях. Число факторов изменения социальных тенденций бесконечно. В политике изменение суждений о тенденциях есть следствие изменения индивидуальных убеждений для приспособления к изменившимся обстоятельствам. Эти изменения выражаются в политических оценках, взглядах, теориях и аргументах. Истинность суждений о тенденциях всегда проблематична. Публичный аргумент от тенденции может быть началом ее изменения и распада. Открытие тенденции нередко меняет политические убеждения. Строгой методики анализа таких изменений не существует.

Таким образом, индивидуальный выбор не является основанием социальных ценностей, а социальные и политические институты не воплощают данный выбор. Такой выбор невозможно реализовать на практике. Требуется пересмотр принципов справедливости и суверенитета, сложившихся в новое время и до сих пор легитимизирующих государственный произвол.

Аналитическая политическая наука изучает распределение власти и отношение между намерениями властвующих и социальными последствиями, к которым они привели. Намерения закрепляются в политических структурах и обретают самостоятельную жизнь, ограничивая другие способы власти. Социальные и политические структуры - продукты множества случайных следствий деятельности множества субъектов. Этим определяется главная проблема АПН: как человеческие действия воплощаются в жизнь с помощью структур, в которых реализованы предшествующие уклады социальных сил?

При ответе на этот вопрос описан феномен шаткости демократии. Он выражается в невежественности избирателей, безответственности элит, недостатках политического рынка и несоответствии модели взаимных услуг реальной политике. Большинство людей не выполняет функцию гражданина. Отказ от участия в выборах - наиболее рациональный способ индивидуального поведения. Демократия полагает нормой незнание избирателей. Избиратели руководствуются чувствами, а не разумом. Поэтому институт выборов нерационален и давно потерял смысл. При демократии существует безответственное осуществление власти политическими элитами. Циклы внутренней политики определяются воспроизводством больших структур на разных уровнях власти. В этих структурах сконцентрирован выбор группы лиц и организаций,

власть которых не зависит от демократических процедур. Поэтому диспропорция (а не равновесие) власти - универсальная закономерность демократии. Она усиливается структурной властью среднего избирателя и отношением между центром и периферией внутри страны и на международной арене. В результате демократия воспроизводит колонизацию внутри страны и за рубежом.

Демократический политический выбор есть иллюзия, которая базируется на недоказанных посылах: партии предлагают гражданам действительный социальный и политический выбор; каждая партия выполняет программные и избирательные обещания. Однако движение партий к центру (при двух- и многопартийной системе) показывает, что они не предлагают гражданам никакого выбора. Ни одна партия не преодолела рационального незнания избирателей и даже не стремится к этому. Возникла монополия партий на решение определенных социальных проблем. Но после победы на выборах партии не выполняют своих обещаний. Политическое участие характерно для парламентариев и политических элит, а не для граждан.

Для устранения этих явлений политика должна приобрести совещательный, а не обязательный характер. Политика как сфера свободной публичной критики предполагает независимость населения от групп интересов и политических партий. Но механизмов такой независимости не существует. Электоральные кампании отличаются случайностью и произволом. Принцип большинства ведет к порочному кругу и исключает общий выбор. Способы решения этого парадокса (процедура голосования, последовательность индивидуальных политических выборов, структура политических институтов) уменьшают, но не исключают вероятность порочного круга.

Реализация политического выбора предполагает согласие граждан по вопросам единства нации, общеобязательности политического выбора и правил политического дискурса и отражения в политическом выборе индивидуальных выборов. Такое согласие невозможно в принципе, поскольку оно связано с унификацией мнений по вопросам, относительно каждого из которых существуют конкурирующие теории. А политические институты демократии не отражают индивидуальные выборы. Отсюда вытекает противоположность намерений и результатов политических действий при демократии. Она не в состоянии преодолеть влияние власти в организациях на достижение определенных политических результатов, бюрократизацию организационных структур, иллюзию доверенного исполнителя, институциональные интересы и бюрократическую модель вневедомственных соглашений. Логика организационных структур противоречит демократическим институтам. Не менее значимо вмешательство государства в экономику по следующим причинам: рынок не дает необходимого количества социальных благ и порождает негативные результаты; различного отношения граждан к экономическому и политическому выбору; рыночного распределения как результата распределения власти. В конечном счете любое вмешательство блокирует социальное равенство. Связь экономики и политики - главная причина авторитарных социальных тенденций. Экономика и политика - различные сферы эксплуатации. Демократия воплощает надежду на смягчение экономической эксплуатации и политического угнетения путем регулярной смены правительств и парламентов, а социализм - на справедливое распределение доходов и богатства. Обе надежды рухнули. Носителями неравенства при социализме оказались лица и группы, политически ответ-

ственные за обеспечение равенства. А нормативная теория демократии не учитывает случайный социально-исторический характер прав и свобод. Для развития дескриптивной теории демократии надо соединить критику прав человека с критикой конкретных обществ и социальных ситуаций и отбросить любые варианты авторитаризма. Авторитаризм - это политический строй, соединяющий свойства экономической эксплуатации и политического угнетения под маской «развития экономики».

В целях противодействия авторитаризму следует отвергнуть также идею и процедуры социального и политического консенсуса. При анализе реальных демократий более продуктивно понятие политического торга - раздела добычи и трофеев между старыми и новыми элитами и кликами. Политика аккомодации способствует трансляции прежних элит и клик в новые условия. Консенсус возможен только при решении проблемы пределов политики. Для ее анализа сформулировано понятие конструктивного безумия. Оно означает преодолимость всех барьеров, всеобщность возможного мира, легитимизацию экономических и политических кризисов и революций. Эти социальные феномены открывают новые направления социальных изменений и потому не являются абсолютным злом.

Нормативное политическое знание включает легитимизацию, критику и делегитимизацию всех политических фактов, тенденций и систем. Для реализации данных целей подходят аналитическое правоведение и аналитическая философия права. Их предметы пересекаются. Оба направления изучают природу и легитимность государства как источника права, а также конкурирующие концепции природы права и юридические аргументы при выборе, интерпретации и применении законов. Главная посылка АФП - нет права, независимого от политики. На ней базируются

экономический, критический и феминистский анализ права. Все они входят в состав АП и отвергают либерализм. Материалом критики служат концепции современных правовых реалистов Г. Харта, Л. Фуллера и Р. Дворкина.

Основной тезис Г. Харта гласит: право отличается от морали, но правовые и моральные обязанности и термины аналогичны. Его концепция содержит модель разделения правовых и политических наук. Правоведение изучает применение права, ПН - законодательную деятельность, ПФ формулирует нормативно-оценочные принципы, на основе которых любые системы права оцениваются в категориях добра и зла. Наиболее важный пункт концепции Харта - определение государственной власти как носителя вреда, который уменьшается посредством легитимности, но никогда не устраняется целиком. Вред - это мера легитимного вмешательства власти в социальные процессы при одновременном исключении любого государственного патернализма. Решение о выборе любого закона для применения к конкретному делу есть потенциальный политический акт. Юридическая казуистика (затемняющая законы) не исключена ни в одной системе права. Поэтому число строго определенных законов и ситуаций в каждой системе права незначительно. Л. Фуллер исходит из положения о взаимосвязи права и морали. Его концепция сводится к систематизации множества политических и политико-философских проблем и формулировке вывода: цель законодательства состоит в множестве намерений законодательных органов, которые при воплощении в жизнь порождают множество непредвиденных следствий. Р. Дворкин связал теорию права с ПН и сформулировал принципы и идеал права. Однако взгляды Дворкина отражают правовую традицию США, в которой юридические решения определяются внеправовыми фак-

торами. В итоге юристы применяют неопределенные принципы права к политическим конфликтам.

Указанные концепции - исходный пункт экономического, критического и феминистского анализа права. ЭАП использует принципы классического либерализма (прежде всего экономической эффективности) для определения природы права. Отсюда вытекают недостатки данного подхода: отрицание проблемы справедливости первичного распределения прав, поскольку она противоречит экономическому расчету; создание теоретических основ для грубо утилитарного накопления богатства; ложность посылки об инструментальной рациональности индивидов; идеологизация природы и цели права; несоответствие эмпирическим данным. Однако политики, юристы и менеджеры применяют принципы ЭАП в практической деятельности. Этот факт политически значим, требует всестороннего исследования и практического противодействия.

Главная посылка КАП - неопределенность законов и прав есть юридическая закономерность, объясняющая множество их интерпретаций. Отсюда вытекают следствия: юридические понятия - это интеллектуальные конструкты, не обладающие истинным смыслом; юридические понятия и процедуры содержат внутренние противоречия и отражают социальные конфликты; право - отчужденная социальная форма легитимизации власти; идеология правового государства есть множество фикций для рационализации политического угнетения. Право есть переплетение противоположных правил поведения. Юридический корпус извлекает выгоды из применения права по собственному произволу. Неопределенность и противоречия смыслов юридических понятий и правовых аргументов отражает хаос и произвол законов. Эксплуататоры и угнетатели используют неопределенность права для маскировки

своих привилегий и власти. Право есть поле разных толкований с разными политическими следствиями. Главная задача КАП - демаскировка противоречий и отчужденных форм права в процессах его применения. Основное требование: весь юридический корпус обязан публично раскрывать политические аспекты юридических решений.

Феминистский анализ права базируется на положении: право есть мужское изобретение. Понятие юридического злорадства отражает срастание права и государства с мужской культурой. ФАП выдвигает требования радикальной децентрации права, исключения правовых абстракций и анализа подобию в поведении различных лиц, групп и классов. Однако эвристичность ФАП снижается множеством теоретических и логических противоречий.

Главная проблема АП - легитимность государства и права. В процессе ее исследования получены важные результаты: уголовное судопроизводство и конституционное право неэффективны; гражданское судопроизводство зависит от материальных интересов индивидов и групп; установленные и фактически исполняемые законы отождествляются; невозможно строго определить цель, эффективность и политические последствия любого закона и законодательства в целом; на процессы применения права влияют лица и группы и организации; правовой формализм невозможно воплотить в социальную жизнь и юридическую практику; юристы смешивают правовую идеологию и социальную реальность; юридические дискуссии не решили ни одной социальной и политической проблемы; в правовых дискуссиях противоположность консеквенциализма и деонтологизма является мнимой; стремление определить границы свободы порождает юридическую казуистику; любой закон обладает одновременно положительным и отрицательным политическим и социальным содержанием.

Отсюда вытекают выводы: чем больше государство и политика довлеют над правом, тем ниже его эффективность; правовое регулирование социальных отношений неэффективно; перспективы юридического регулирования социальных отношений зависят от противостояния права государству и политике.

Интересные результаты получены также при исследовании истории политической мысли. Здесь сложилась парадоксальная ситуация: историки скептически оценивают значение исторических исследований для современной политической мысли, но вносят важный вклад в анализ классических проблем ПФ; философы используют классические тексты для решения проблем современного общества, но полагают невозможным освобождение политической мысли от детерминации историей культуры. Позитивисты высоко оценивали значение ИПМ для анализа современности. Аналитические историки в 1960-е гг. начали обсуждение вопроса: действительно ли классические тексты политической мысли бесполезны при решении сегодняшних проблем?

В результате дискуссии сформулированы методологически важные положения. Главная проблема традиционной политической мысли - распределение и производство благ. В XX в. решением этой проблемы стали заниматься правительства. Политическая мысль оторвалась от политической практики, а экономическая мысль вошла в альянс с правительствами. Однако критика утилитаризма привела к отказу от интерсубъективного сравнения пользы при создании теории человеческого поведения. Проблема человеческого страдания была исключена из поля зрения экономической теории, а трудовая теория стоимости заменена понятием справедливого обмена. Современная экономика базируется на равенстве как главной нор-

ме социальной морали (принцип Парето). Эта норма тождественна принципу самосохранения, но не является аксиологически нейтральной.

На протяжении первой половины XX в. в социальных науках сложилось две тенденции: оценки не являются продуктом рационального мышления; граждане должны принимать решения о моральных основаниях политики. Эти тенденции доминировали в ИПМ первой половины XX в. Классические произведения рассматривались как передача гражданам комплекса «вечных ценностей», на которые надо опираться при выборе. Одновременно в период господства позитивизма сложилось убеждение в истинности разделения фактов и ценностей и объективности ПН. Большинство политологов и политических философов не признают вывода о ложности политической теории. Однако проблема социальных ценностей неразрешима в рамках индивидуального выбора. Отсюда вытекает неопределенность статуса ПН.

АПФ отвергает традиционную ИПМ и считает философскую рефлексивную активность, которая равнозначна другим действиям исторических субъектов. Классические тексты - это социально-исторические действия, образующие социальное наследие, без овладения которым невозможно объяснение и понимание. В его состав входят языки, стереотипы и парадигмы, которые надо извлекать из забвения. Традиционная ИПМ считает, что из классических текстов следует извлекать политические ценности. Ее критика идет в двух направлениях: результаты АПФ используются для квалификации ИПМ как элемента историографии; неопределенность современных политических теорий объясняется на основе исторических источников. В этом контексте дихотомия позитивной и негативной свободы теоретически оправдана, но на практике

негативная свобода отвергает элементарные права индивидов. Из классических текстов извлекаются три основных категории: ответственность индивида; понятие общества как непредвиденного следствия человеческих действий; доверие как основа нормативно-оценочных систем и общественных отношений. Эти категории обладают описательным и нормативным смыслом одновременно.

Аналитическая история изучает контекст политической мысли и формулирует идею множества историй. У политических понятий нет строго определенного пространственно-временного и социального смысла. Нет и удовлетворительного объяснения причин обращения философии к историческим исследованиям. Такое объяснение должно учитывать общее положение: нет социального эквивалента индивидуальной пользы памяти. Функционирование социальных институтов скрывает историю определенных идей. Ее реконструкция необходима для понимания непонятных обычаев и убеждений. История идей связана с социальной, политической и лингвистической историей. Поэтому значение классических текстов ИПМ больше значения истории социальных и политических институтов. Проблема изменения контекстов становится центральной для политической философии. При этом следует исходить из методологического кредо: государство не является постоянным, независимым и объективным бытием. Под таким углом зрения можно рассматривать все социально-политические преобразования рубежа XIX - XX вв.

Я не исчерпал идеи и проблемы аналитического подхода к философии, экономической теории, социологии, политологии, правоведению и историографии. Но сказанного достаточно для заключительного соображения. Аналитическая традиция продуктивнее всей постгегелевской традиции европейской философии. Как было показано в

книге, аналитические дисциплины сформулировали множество конкретных проблем, понятий, категорий и принципов анализа философских, экономических, социологических, политологических, юридических и историографических аспектов политического бытия и мышления. Одновременно разработана система критериев и оценок каждого из указанных аспектов.

Следовательно, выводы аналитических дисциплин можно применять для оценки состояния всех перечисленных наук в Европе и в России, включая новые направления политической теории³, описание и оценку современных политических трансформаций в России и других постсоветских странах. Но это тема особого исследования. Политическая концептология как междисциплинарный анализ, базирующийся на результатах, полученных аналитическими дисциплинами, содержит оригинальную структуру познавательных и практических проблем, в том числе аргументы для методологического выбора и дистанции, о которых шла речь во введении. Читатели и коллеги могут сделать свой выбор. Приглашаю и тех и других к размышлению.

Ростов-на-Дону Февраль 2002 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Философия на кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960 - 80-е годы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 117.

2 См.: Карпенко А. С. Логика в России. Вторая половина XX века// Вопросы философии, 1999, №9. С. 148 - 153.

3 См.: Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Т. А. Справедливость: морально-политическая философия Джона Роулса. М.: Наука, 1992.
- Аналитическая философия. Избранные тексты. М.: изд-во МГУ, 1993.
- Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998.
- Берлин И. Философия свободы. Европа / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права/ Пер. с нем. М.: Мысль, 1990.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1959.
- Гирц К. Идеология как культурная система / Пер. с англ. // Новое литературное обозрение, 1998, № 1(29).
- Гоббс Т. Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1991.
- Грязное А. Ф. Вступительная статья // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. М.: Канон, 1996.
- Кант И. Метафизические начала естествознания / Пер. с нем. М.: Мысль, 1999.

- Капустин Б. Г. Что такое политическая философия? // Политические исследования, 1996, №6; 1997, №1 - 2.
- Карпенко А. Логика в России. Вторая половина XX века // Вопросы философии, 1999, №9.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/ Пер. с англ. М.: 1997.
- Лютпар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетея, 1998.
- Ляпин С. Х. Идеальные типы фактуальности // Философские исследования, 1994, № 1.
- Макаренко В. П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса: очерк проблематики и методологии исследования. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1985.
- Макаренко В. П. Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1987.
- Макаренко В. П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1989.
- Макаренко В. /7. Вера, власть и бюрократия: критика социологии Макса Вебера. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1988.
- Макаренко В. П. Власть и легитимность // Россия - США: опыт политического развития. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1993.
- Макаренко В. П. Власть, оппозиция и выбор политолога // Проблемы преподавания политологии в вузах России. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1991.
- Макаренко В. П. Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 2000.
- Макаренко В. П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социс, 1996, №7; 1997, №7.
- Макаренко В. П. и др. Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии. М.: Высшая школа, 1996.
- Макаренко В. П. Кавказ: концептологический анализ // Социс, 2001, №12.

- Макаренко В. П. Кризис власти и политическая оппозиция // Советское государство и право, 1990, №11.
- Макаренко В. П. Марксизм: идея и власть. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1992.
- Макаренко В. П. Политическая концептология // Народы Содружества независимых государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Тезисы Международного научного конгресса. Санкт-Петербург, 15 - 17 мая 1996 г. Т. 3. СПб., 1996.
- Макаренко В. П. Политическая философия. Ростов-на-Дону: Логос, 1992.
- Макаренко В. П. Правительство и бюрократия // Социс, 1999, №2.
- Макаренко В. П. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М.: Вузовская книга, 2000.
- Макаренко В. П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 1998.
- Макаренко В. П. Теория бюрократии М. Вебера и современная западная социология организаций // Вопросы философии, 1986, №2.
- Макаренко В. П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб., 1996.
- Макаренко В. П. Теория дескрипции и политическая метатеория // Социс, 1996, №5.
- Макаренко В. П. Технократические мамелюки: социополитические аспекты концепции А. Макинтайра. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 2000.
- Макаренко В. П. Толерантность в контексте фундаментализма: аналитический подход // Либеральный консерватизм: история и современность. М.: РОССПЭН, 2001.
- Макаренко В. П. Феномен квазиполитики и проблема политических объектов // Вестник МГУ. Серия политических наук. М.: изд-во МГУ, 1998, №2 - 3.
- Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический проект, 2000.

- Мулдашев Э. От кого мы произошли? М.: АиФ-Принт, 2001.
- Огурцов А. П. Аксиологические модели в философии науки // Философские исследования, 1995, № 1.
- Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Политическая история русской эмиграции. 1920 - 1940. Документы и материалы. М.: Владос, 1999.
- Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
- Розов Н. С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии, 1995, № 12.
- Рот Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.
- Самуэльсон П. Экономика. М.: Алгон, 1997.
- Следзевский И. В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода// Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.
- Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М.: Логос, 1996.
- Современный либерализм: Ролз, Дворкин, Берлин и др. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
- Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики?.. Как называть тех, кто правит нами? // Социс, 1999, №9.
- Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. 1960 - 1980-е годы. М.: РОССПЭН, 1999.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Хиргиман А. Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социс, 2001, №3.
- Четкое М. А. Неоэтанатизм: мировые и локальные измерения // Полис, 1996, №2.
- Чиликов С. Г. Может ли русская философия быть аналитической? // Вестник лаборатории аналитической философии. М., 2000. №1.
- Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1966. Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя, 1994, № 1.

Abercrombi N., Hill S., Turner B. The Dominant Ideology Thesis. London: Allen & Unwin, 1980.

Aleksander L. Striking back at the empire: a brief survey of problems in Dworkin's theory// Law and Philosophy, 1987, №6.

Althusser L. Essays in Self-criticism. London: New Left Books, 1976.

Anderson P. In the Tracks of Historical Materialism. London: Verso, 1983.

Ansell-Pearson K. Nietzsche contra Rousseau. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Arrow K. Social Choice and Individual Values. New York: Wiley, 1963.

Arrow K., Hahn F. General Competitive Analysis. Edinburg: Oliver & Boyd, 1971.

Ashcraft A. Locke's Two Treatises of Government. London: Allen & Unwin, 1987.

Atiyah P. The Rise and Fall of Freedom of Contract. Oxford: Oxford University Press, 1979.

Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. Ed. by R. Campbell. London, 1885.

Baker C. The Ideology of the economic analysis of law // Philosophy and Public Affairs, 1975, №5.

Ball T., Farr J., Hanson R. (eds.). Political Innovation and Conceptual Change. New York: Cambridge University Press, 1989.

Barber B. Strong Democracy. Berkeley, California: Berkeley University Press, 1984.

Barry B. Political Argument. London: Routledge, 1965.

Barry B. Political Argument: A Reissue. Hemel Hempstead: Wheats-heaf, 1990.

Barry B. Theories of Justice. Hemel Hempstead: Heaf, 1989.

Baudrillard J. Selected Writing. Cambridge: Polity Press, 1988.

Beitz C. Political Theory and International Relations. Princeton, New York: Princeton University Press, 1979.

Benhabib S., Dallmayr F. The Communicative Ethics Controversy. Cambridge, Mass., London: MIT Press, 1990.

- Benn S., Peters R. Social Principles and the Democratic State. London: Allen & Unwin, 1959.
- Bentham J. The Works of Jeremy Bentham. Vol.1. Edinburg: William Tait, 1843.
- Bergson A. Socialist economics // Ellis H. (ed.). A Survey of Contemporary Economics. Philadelphia: Blakiston Co., 1949.
- Black S. Individualism at an impasse // Canadian Journal of Philosophy, 1991, №21.
- Blackham H. Six Existentialist Thinkers. London: Routledge & Kegan Paul, 1961.
- Bellinger L. The Tolerant Society. New York: Oxford University Press, 1986.
- Boyle J. (ed.). Critical Legal Studies. Dartmouth: Aldershot, 1992. Bradley F. Ethical Studies. London: Oxford University Press, 1962.
- Braithwaite J., Pettit P. Not Just Deserts. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Braithwaite J., Pettit P. Not Just Deserts: A Republican Theory of Criminal Justice. Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Brams S., Fishburn P. Approval voting // American Political Science Review, 1978, №72.
- Brennan G., Buchanan J. The Reason of Rules. New York: Cambridge University Press, 1985.
- Brennan G., Lomasky L. Democracy and Decision. New York: Cambridge University Press, 1991.
- Brennan G., Lomasky L. The Impartial spectator goes to Washington // Economics and Philosophy, 1985, № 1.
- Buchanan A. Assessing the communitarian critique of liberalism // Ethics, 1989, №99.
- Buchanan J. Freedom in Constitutional Contract. College Station: Texas A&M University Press, 1977.
- Buchanan J. The Limits of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
- Budge I., Hofferbert R. Mandates and policy outputs // American Political Science Review, 1990, №84.

- Budge I., Robertson D., Heath D. (eds.). *Ideology, Strategy and Party Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Сайт G. *A History of Political Philosophers*. London: Allen & Unwin, 1950.
- Coase R. The problem of social cost // *Journal of Law and Economics*, 1960, №3.
- Colman J. *Markets, Morals and the Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Connerton P. *The Tragedy of Enlightenment*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Coughlin P. Pareto's optimality of policy proposals with probabilistic voting // *Public Choice*, 1982, №39.
- Culler J. Saussure. London: Fontana/Collins, 1976.
- Daniels N. (ed.). *Reading Rawls*. Oxford: Blackwell, 1978.
- Debreu G. *Theory of Value*. New York: Wiley, 1959.
- Derrida J. *Positions*. Chicago: Chicago University Press, 1981.
- Dews P. *Logics of Disintegration*. London, New York: Verso, 1987.
- Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Row, 1957.
- Dunleavy P. *Democracy, Bureaucracy and Public Choice*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991.
- Dunn J. *Political Obligation in its Historical Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Dunn J. *The Political Thought of John Locke*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Durkheim E. *Professional Ethics and Civic Morals*. Westport: Greenwood Press, 1983.
- Durkheim E. *Sociologia a filozofia*. Warszawa: PIW, 1985.
- Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. London: Duckworth, 1978.
- Dworkin R. *Law's Empire*. London: Fontana, 1986.
- Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. London: Duckworth, 1977.
- Easton D. The decline of modern political theory // *Journal of Politics*, 1951, № 13.
- Elster J. *Making Sense of Marx*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

- Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, New York: Princeton University Press, 1990.
- Evans P., Ruesschemeyer D., Scocpol T. (eds.). Bringing the State Back In. New York: Cambridge University Press, 1985.
- Feinberg J. The Moral Limits of Law. Vol.1. Oxford: Oxford University Press, 1985.
- Fletcher G. Rethinking Criminal Law. Boston: Little, Brown, 1976.
- Foot P. Utilitarianism and the virtues // Mind, 1985, №94.
- Foucault M. Language, Counter-Memory, Practice. New York: Cornell University Press, 1977.
- Foucault M. Nadzorowac i karac. Warszawa: Aleteia-Spacia, 1993.
- Foucault M. Power, Truth, Strategy. Sydney: Feral Publications, 1979.
- Frank J. Law and the Modern Mind. London: Stewens, 1949.
- Frey R. (ed.). Utility and Rights. Oxford: Blackwell, 1985.
- Fried C Contract as Promise. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.
- Fuller L. The Morality of Law. New Haven: Yale University Press, 1969.
- Gabek P., Harris P. Building power and breaking images: CLS theory and practice of law // Review of Social Change, 1982 - 1983, №11.
- Galanter M. Why the «hawes» come out ahead: Speculations on the limits of social change // Law and Society Review, 1974, №9.
- Gatens M. Feminism and Philosophy. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Gauthier D. Morals by Agreement. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Guldens A. Capitalism and Modern Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Giddens A. Politics and Sociology in the Thought of Max Weber. London: Macmillan, 1972.
- Gilligan C. In a Different Voice. Cambridge: Harward University Press, 1982.
- Goodin R. et al. Not Only the Poor. London: Allen & Unwin, 1987.

Goodin R. Irredicibly Social Goods - A Comment // Rationality, Individualism and Public Policy.

Goodin R. Political Theory and Public Policy. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

Griffin J. Wellbeing: Its Meaning, Measurement and Moral Importance. Oxford: Oxford University Press, 1986.

Griffiths J. Is Law Important? // New York University Law Review, 1979, №53.

Grote J. An Examination of the Utilitarian Philosophy. London: Drichton Bell, 1870.

Gutmann A. Communitarian critics of liberalism // Philosophy and Public Affairs, 1985, № 14.

Habermas J. Knowledge and Human Interests. London: Heine-man, 1972.

Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologic». Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1968.

Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1987.

Hammond T., Miller G. The Core of the Constitution // American Political Science Review, 1987, vol. 81, №4.

Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, 1968, № 162.

Hardin R. Collective Action. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982.

Hardin R. Morality within the Limits of Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Hart H. The Concept of Law. Oxford: Oxford University Press, 1961.

Hayek F. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of die Liberal Principles of Justice and Political Economy. Vol. 1. London: Routledge, 1982.

HaywardF. The Ethical Philosophy of Sidgwick. London, 1901.

Head J. Public Goods and Public Welfare. Durham, Newcastle: Duke University Press, 1993.

Hechter M. Internal Kolonialism. London: Routledge & Kegan Paul, 1975.

- Heidegger M. Basic Writing. New York: Harper Collins, 1977.
- Held D. (ed.). Political Theory Today. Stanford, California: Stanford University Press, 1991.
- Heyne P. The Economic Way of Thinking. London: Macmillan, 1973.
- Hicks J. The Valuation of Social Income // *Economica*, 1940, №7.
- Hirsch A. Doing Justice: The Choice of Punishments. Boston: Hill and Wang, 1976.
- Hirschman A. Against Parsimony // *Economics and Philosophy*, 1985, №1.
- Hogwood B., Peters B. Policy Dynamics. New York: St. Martin's, 1983.
- Hotelling H. Stability in Competition // *Economic Journal*, 1929, №39.
- Jessop B. State Theory. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Jevons W. The Theory of Political Economy. London: Macmillan, 1988.
- Johnson S., Mayer T. An Extension of Sidgwick's Equity Principle // *Quarterly Journal of Economics*, 1962, № 76.
- Kaldor N. Welfare Propositions of Economics and Interpersonal Comparisons of Utility // *Economic Journal*, 1939, № 49.
- Kaufmann W. Nietzsche. Princeton, New York: Princeton University Press, 1974.
- Keane J. Public Life and Late Capitalism. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1984.
- Kennedy D. Legal Education as Training for Hierarchy // Kairys D. (ed). The Politics of Law: A Progression Technique. New York: Pantheon, 1982.
- Kennedy D. The Structure of Blackstone's Commentaries // *Buffalo Law Review*, 1979, №28.
- Key V. The Responsible Electorate. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966.
- Kiexviet D. Micropolitics and Macroeconomics. Chicago: University of Chicago Press, 1983.

- Kronman A. Contract Law and Distributive Justice // Yale Law Journal, 1980, №89.
- Kukatas C, Pettit P. Rawls: A Theory of Justice and its Critics. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Kytnlkha W. Contemporary Political Philosophy: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Kymlicka W. Liberal Individualism and Liberal Neutrality // Ethics, 1989, №99.
- Lane R. The Market Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Laslett P. (ed.). Philosophy, Politics and Society. Oxford: Blackwell, 1956.
- Lipsky M. Street Level Bureaucracy. New York: Russell Sage, 1980.
- Lirsey R., Lancaster K. The general theory of second-best // Review of Economic Studies, 1956 - 1957, №24.
- Llewellyn K. The Common Law Tradition: Deciding Appeals. Boston: Little, Brown, 1960.
- Lomasky L. Persons, Rights and the Moral Community. Oxford: Oxford University Press, 1987.
- Lukes S. Emile Durkheim. His Life and Work. Harmondsworth: Penguin Books, 1975.
- Lukes S. Marxism and Morality. Oxford: Oxford University Press, 1987.
- Lukes S. Power: A Radical View. London: Macmillan, 1974.
- Lyons D. Utility and Rights // Nomos, 1982, №24.
- Lyotard J.-F. Heidegger and «the Jews». Minneapolis: University of Minnesota Press, 1990.
- MacKinnon C. Feminism Unmodified: Discourses on Life and Law. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- MacKinnon C. Toward a Feminist Theory of the State. Cambridge: Harvard University Press, 1989.
- Macquarrie J. Martin Heidegger. London: Lutterworth Press, 1968.
- Makarenko W. Samotna Wspólnota: Wprowadzenie do Filozofii Politycznej. Rzeszów: Wydawnictwo WSP, 1999.

Mansbridge J. (ed.). *Beyond Self-interest*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.

March J., Olsen J. *Rediscovering Institutions*. New York: Free Press, 1989.

Marcuse H. *Philosophy and Critical Theory // Negations*. Harmondsworth: Penguin Books, 1968.

Marcuse H. *Studies in Critical Philosophy*. Boston: Beacon Press, Boston, 1973.

McBamet D. *Conviction: Law, the State and the Construction of Justice*. London: Macmillan, 1981.

McCarthy T. *The Critical Theory of Jurgen Habermas*. London: Hutchinson, London, 1978.

McCarthy T. *The Politics of the Ineffable: Derrida's Deconstructionism // Philosophical Forum*, 1989 - 90, №21.

McKelvey R. *General Conditions for Global Intransitivities in Formal Voting Models // Econometrica*, 1979, №47.

McKelvey R. *Intransitivities in Multi-dimensional Voting Models and Some Implications for Agenda Control // Journal of Economic Theory*, 1976, №12.

Meeiklejohn A. *Political Freedom: The Constitutional Powers of the People*. New York: Oxford University Press, 1965.

Mill J. *Essays on Ethics, Religion and Society. Collected Works. Vol. 10*. London: Routledge, 1969.

Miller D. *Market, State and Community: Theoretical Foundations of Market Socialism*. Oxford: Oxford University Press, 1989.

Miller D. *Social Justice*. Oxford: Oxford University Press, 1976.

Minow M. *Making All the Difference: Inclusion, Exclusion and American Law*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1990.

Mummsen W. *The Age of Bureaucracy*. Oxford: Basil Blackwell, 1974.

Musgrave R., Peacock A. *Classics in the Theory of Public Finance*. London: Macmillan, 1967.

Nozick R. *Anarchy, State and Utopia*. Oxford: Blackwell, 1974.

Okin S. *Gender, the Public and the Private // Held D. (ed.). Political Theory Today*. Stanford: Stanford University Press, 1991.

- Oilman B. *Alienation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Olson M. *The Logic of Collective Action*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965.
- Page B. *Choices and Echoes in Presidential Elections*. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
- Page B. *Who Gets What from Government?* Berkley: University of California Press, 1983.
- Pareto V. *Manual of Political Economy*. London: Macmillan, 1972.
- Parfti D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1984.
- Pechman J. *Who Bears the Tax Burden?* Washington: Brookings Institution, 1974.
- Perry S. *The Impossibility of General Strict Liability* // *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*, 1988, № 147.
- Pettit P. *Judging Justice: An Introduction to Contemporary Political Philosophy*. London: Routledge, 1980.
- Plotnkk R. *The Concepts and Measurement of Horizontal Inequity* // *Journal of Public Economics*, 1982, vol.17, №3.
- PocockJ. *The History of Political Thought: a Methodological Enquiry* // Laslett P., Runciman W. (eds). Oxford: Blackwell, 1962.
- Pogge T. *Realizing Rawls*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989.
- Posner R. *Economic Analysis of Law*. Boston: Little, Brown, 1977.
- Poster M. *Sartre's Marxism*. London: Pluto Press, 1979.
- Przeworski A., Sprague J. *Paper Stones: A History of Electoral Socialism*. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
- Rabinow P. (ed.). *The Foucault Reader*. New York: Pantheon Books, 1984.
- RawbJ. *The Idea of an Overlapping Consensus*// *Oxford Journal of Legal Studies*, 1987, №7.
- Rawls J. *The Priority of Rights and Ideas of the Good* // *Philosophy and Public Affairs*, 1988, № 17.

- Rawls J. Two Concepts of Rules // Philosophical Review, 1955, №64.
- Rhodes R. Beyond Westminster and Whitehall. London: Unwin Hyman, 1988.
- Rifkin J. Toward a Feminist Jurisprudence // Harvard Women's Law Journal, 1980, №3.
- Riker W. Liberalism against Populism. San Francisco: W. Freeman, 1983.
- Robbins L. The Nature and Significance of Economic Science. London: Macmillan, 1932.
- Roemer J. A General Theory of Exploitation and Class. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.
- Roemer J. Free to Lose: An Introduction to Marxist Economic Philosophy. Cambridge: Harvard University Press, 1988.
- Rolule P. Kierkegaard. London: Allen & Unwin, 1959.
- Runciman W.G. F Critique of Max Weber's Philosophy of Social Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Ryan M. Marxism and Deconstruction. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1990.
- Sabine G. A History of Political Theory. London, Harrap, 1963.
- Samuelson R Diagrammatic Exposition of a Theory of Public Expenditure // Review of Economics and Statistics, 1955, №37.
- Samuelson P. The Pure Theory of Public Expenditure // Review of Economics and Statistics, 1954, №36.
- Sandel M. Liberalism and the Limit of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Satterthwaite M. Strategy-proofness and Arrow Conditions // Journal of Economic Theory, 1975, № 10.
- Scales A. Toward a Feminist Jurisprudence // Indiana Law Journal, 1980, №56.
- Scanlon T. Contractualism and Utilitarianism // Sen A., Williams B. (ed.). Utilitarianism and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Schneewind J. Modern Moral Philosophy // Singer P. (ed.). A Companion to Ethics. Oxford: Blackwell, 1991.

Scitovsky T. A note on Welfare Propositions in Economics // Review of Economic Studies, 1941 - 1942, №9.

Self P. Administrative Theories and Politics. London: Allen & Unwin, 1977.

Sen A., Williams B. (ed.). Utilitarianism and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Shubik M. Game Theory in the Social Sciences. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982.

Sidgwick H. Methods of Ethics. London: Macmillan, 1874.

Skinner Q. History and Ideology in the English Revolution // Historical Journal, 1965, №8.

Skinner Q. The Ideological context of Hobbes's Political Thought // Historical Journal, 1966, №9.

Skinner Q. The Republican Ideal of Political Liberty // Bock G. et al. (eds).

Machiavelli and Republicanism. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Smart C. Feminism and the Power of Law. London: Routledge, 1989.

Sniderman P. et al. The Fallacy of Democratic Elitism: Elite Competition and Commitment to Civil Liberties// British Journal of Political Science, 1991, №21.

Sunstein C. After the Rights Revolution: Reconceiving the Regulatory State. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

Taylor C. Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Taylor C. Hegel. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1975.

Taylor C. Irreducibly Social Goods // Rationality, Individualism and Public Policy. Brennan G., Walsh C. (Eds.). Canberra: Australian National University, 1990.

Taylor M. The Possibility of Cooperation. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Tobin J. On Limiting the Domain of Inequality // Journal of Law and Economics, 1970, № 13.

- Tribe L. American Constitutional Law. New York: The Foundation Press, 1988.
- Tuck R. Natural Rights Theories. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Tucker D. Law, Liberalism and Free Speech. New York: Rowman and Allanheld, 1985.
- 'Fully J. (ed.). Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Типп J. A Discourse on Property. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Useern M. The Inner Circle. New York: Oxford University Press, 1984.
- Walcer M. The Communitarian Critique of Liberalism // Political Theory, 1990, №18.
- WaldronJ. (ed.). Theories of Rights. Oxford: Oxford University Press, 1984.
- WaldronJ. The Law. London: Routledge, 1990.
- Wallerstein I. The Modern World-System. New York: Academic Press, 1974.
- Weber M. Economy and Society. New York: Bedminster Press, 1968.
- Weldon T. The Vocabulary of Politics. Harnondsworth: Penguin Books, 1953.
- White M., White A. Horizontal Inequity in the Federal Income Tax Treatment of Homeowners and Tenants // National Tax Journal, 1965, №18.
- Wilson J. Interests and Deliberation in the American Republic // Political Science and Politics. 1990, №23.
- Wokler R. Rousseau on Society, Politics, Music and Language. New York: Garland, 1987.
- Wrong D. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology//American Sociological Review, 1961, №26.
- Young I. M. Justice and the Politics of Difference. Princeton, New York: Princeton University Press, 1991.
- ZolbergA. Moments of Madness// Politics & Society, 1992, №2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Мысль.....	17
1.1. Воскрешение аналитичности	18
1.2. Рефлексивное равновесие.....	24
1.3. Чистейший вздор или путопорожный идеал?.....	31
1.4. Собака-ищейка.....	37
1.5. Объекты анатомирования	41
1.6. Консеквенциализм и деонтологизм.....	54
1.7. Типы политических теорий	58
Глава 2. Интересы.....	68
2.1. Проблема реализации выбора	69
2.2. Что такое оптимальность?.....	72
2.3. Теория подержанных вещей	74
2.4. Нищета экономики	83
2.5. От доллара к этическому нигилизму.....	85
2.6. Проблематичность пользы.....	90
2.7. Уполномоченные, исполнители и обитатели ментовки ..	92
2.8. Универсальный скряга.....	101
2.9. ... и общее благо	104
2.10. Зачем ходить на выборы?	111
2.11. Запрограммированная инерция	115
2.12. Институциональная нора	121
Глава 3. Люди	127
3.1. Цель неопределенностей	128
3.2. Институционализированный аморализм	143
3.3. Харизматики и менеджеры	152
3.4. Проблема неявных посылок	161
3.5. Блага и социальный контекст	163
3.6. Социабельность и нейтральность	167
3.7. Что такое аутентичное общество?	173
3.8. Тенденции и оценки	180

Глава 4. Власть	190
------------------------------	------------

4.1. Шаткость демократии	194
4.2. Порочный круг выбора . . . ,	206
4.3. Партизанская война	209
4.4. Политический Христос	212
4.5. Случайность прав и свобод	217
4.6. Консенсус или дележ добычи?	220
4.7. Конструктивное безумие	222

Глава 5. Закон	229
-----------------------------	------------

5.1. Каноническое и аналитическое правоведение	229
5.2. Право как потенциальная политика	233
5.3. Теоретическая индульгенция	240
5.4. Юридический Геракл	242
5.5. Юристы-утилитаристы	246
5.6. Произвол и неопределенность	250
5.7. Как исключить правовые абстракции?	259
5.8. От криминологии к организационным структурам . . .	265
5.9. Проблема границ свободы	269
5.10. Промежуточный вывод	275

Глава 6. Прошлое	280
-------------------------------	------------

6.1. Как сравнить удовольствия?	281
6.2. Польза или равенство?	285
6.3. Шаткость политологии	291
6.4. Рефлексия как активность	295
6.5. Извлечение из забвения	300
6.6. Проблема контекста	305
6.7. Множество историй	307

Глава 7. Контекст	311
--------------------------------	------------

7.1. От Бога к вердикту	314
7.2. Критический самогон «з-пид Франкфурту»	323
7.3. Трепетный синдром аполитичности	336
7.4. рг знака к иерархии насилия	345
7.5. Всеобщий демонтаж	359
7.6. (Сомнительная неизбежность)	364

Идеи и проблемы: вместо заключения	370
---	------------

Библиография	399
---------------------------	------------